ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 930.316+344

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный
педагогический университет

«АХИЛЛЕСОВА ПЯТА» СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПОЗИЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И СЛОЕВ В ХОДЕ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Распределительная и ценовая политика в рамках строительства социалистического общества в СССР привела к «кризису недопроизводства», породившего избыток денежной массы, спекулятивный рынок, «цеховиков» и деформации социально-экономических отношений, повлекших за собой термидорианский переворот, отказ от социальной модели развития государства.

Ключевые слова: теневая экономика, деформации социализма, партийно-хозяйственная номенклатура.

В 1905 г. в Москве была издана работа К. Кауцкого «Общественные реформы», где один из теоретиков социал-демократии сделал прозорливый вывод, что при пролетарском режиме кризисы могут возникать в том случае, когда для удовлетворения нужд производительного или личного потребления будет произведено недостаточное количество каких-либо продуктов. Будучи убеждённым сторонником государственных форм собственности и регуляции, он сумел разглядеть ахиллесову пяту системы, в которой личное благополучие граждан зависит не только от плодов их труда, сколько от распределительной политики, проводимой надстройкой [1, с. 397].

Мысль К. Кауцкого не осталась незамеченной. На основе доиндустриального советского опыта её

попытался развить известный советский экономист В. В. Новожилов. Опираясь на его теоретические наработки, в завершенном виде ставшие статьей «Недостаток товаров», опубликованной в 1926 г., попытаемся рассмотреть развитие социально-экономических отношений в СССР 1930—1980-х гг.

Изучив состояние товарно-денежных отношений, исследователь пришел к выводу, что недостаток товаров в советской стране — это не абсолютный недостаток товаров, а относительный недостаток по сравнению с денежным спросом на товар. Но, по его мнению, не всякое возрастание денежного спроса вызывает недостаток товаров. Если цены товаров повышаются соразмерно росту денежных доходов, то недостаток товаров возникнуть не может. А достаток товаров, следовательно, возникает только тогда, когда цены перестают выполнять функцию уравнителя спроса и предложения, когда они приобретают инертность, нечуткость к конъюнктуре рынка. Таким образом, недостаток товаров есть признак того, что цены слишком низки. Если недостаток товаров при этом захватывает все важнейшие товарные группы, значит, весь уровень цен не соответствует денежной стороне народного хозяйства.

Недостаток товаров, с точки зрения В. В. Новожилова, вызывает хаос в распределении реальных доходов. Распределение реальных доходов перестает соответствовать распределению денежных доходов. Разница цен в вольной и регулируемой торговле достигает по некоторым товарам весьма значительных размеров. Иначе говоря, покупательная сила денег становится различной не только в различных местностях, но и в различных магазинах, и даже в различных руках. Так как продажа продуктов по цене ниже цены равновесия спроса и предложения является в известной части даровой раздачей (подарком): именно в части разницы между продажной ценой и ценой рыночного равновесия. Конечно, все стремятся получить подарок, но не все его получают. При недостатке товаров выигрывает тот, кто стоит ближе к источникам товарного потока, тот, кто непосредственно получает товары, которых не хватает.

Теоретический пример: доход населения на отдельной территории равен 200 руб., производство — 100 единицам, а регулируемая цена — 1,5 руб. за единицу, то при продаже по этой цене всех 100 единиц окончательным потребителям неудовлетворенный спрос достигнет 50 руб. Если же по 1,5 руб. будет продано 80 единиц, а остальные 20 единиц — по 4 руб., то все денежные доходы будут удовлетворены товарами, хотя и в различной мере [2].

Поставим еще один вопрос. В каком случае расширение безубыточного производства может усиливать товарный голод? В том, если рост доходов производителей будет опережать рост производства потребительного продукта, то товарный голод будет тем острее, чем выше коэффициент воспроизводства. Так происходит потому, что при расширении производства нужно сначала произвести больше средств производства (разведать и добыть сырьё; изобрести, разработать и произвести станки и транспортные средства; организовать их доставку на места строек), и только потом появляется возможность произвести больше потребительных благ. Экономический закон неумолим, для того чтобы в будущем произвести больше потребительных благ, нужно уже в настоящем производить больше средств для их производства, больше, чем требуется для простого воспроизводства потребительных благ. Поэтому при расширении производства доходы населения слагаются:

— из доходов непосредственных производителей потребительных благ;

— из доходов производителей средств производства, необходимых для поддержания производства потребительных благ на достигнутом уровне;

— из доходов производителей дополнительных средств производства, необходимых для производства (в будущем) большего количества потребительных благ, чем их в настоящем производстве [2].

Уже в годы первых пятилеток, СССР стал государством с динамично развивающейся экономикой, вышедшей по объему промышленной продукции на второе место в мире (после США) и одной из двух стран, способной производить любой вид продукции из всех доступных в то время человечеству. Однако не секрет, что в ходе предвоенных пятилеток руководством страны широко использовалась эмиссия. Так, только в 1929—1932 гг. рост денежной массы, не обеспеченной товарами, вырос с 0,8 до 3 млрд руб. [3, с. 146, 149]. Данная болезнь преследовала страну на протяжении всего существования государственной, плановой экономики. Руководство использовало все возможные методы изъятия лишних денег из оборота:

— налоги (в различные периоды разные, но объясняемые с позиций необходимости социалистического строительства);

— займы (от военных до послевоенных), связанные с восстановлением народного хозяйства;

— денежные реформы конфискационного типа (объясняемые борьбой с неправедно нажитыми доходами спекулянтов).

Однако, извлекая избыточные деньги вышеуказанными способами, государство вынуждено было содержать дорогостоящий партийный и государственный аппарат. Конечно, проблему избыточных денег можно было решить по В. В. Новожилову, что называется, даром — путем повышения цен. Но, в рамках реализации концепции перехода к коммунистическому обществу и последующей концепции построения развитого социализма, сделать это было невозможно по причинам идеологическим. Цены должны были снижаться, а доходы (в денежном исчислении) увеличиваться. С середины 70-х в рамках расширения социальной сферы, выразившейся в открытии новых школ, больниц, дворцов пионеров, спортивных секций, клубов по интересам и зон отдыха, идеологи заявили о «фондах общественного потребления», которыми на безвозмездной основе пользуются трудящиеся и их дети. Однако нарастающего недовольства со стороны отдельных групп населения дефицитом товаров и услуг указанное объяснение не ликвидировало. «Дефицит» продолжал расти.

Проиллюстрируем формирования кризисных явлений на конкретном примере Черлакского района Омской области РСФСР. Данные статистики за 1981—1985 гг. показывают рост месячной заработной платы рабочих предприятий и совхозов в её номинальном исчислении:

— 1981 г. — 172 руб., в т.ч. в совхозе — 216 рублей;

— 1982 г. — 185 руб., в т.ч. в совхозе — 216 рублей;

— 1983 г. — 199 руб., в т.ч. в совхозе — 216 рублей;

— 1984 г. — 183 руб., в т.ч. в совхозе — 210 рублей.

Однако при указанных доходах стоимость бытовых услуг, оказанных в течение года, в финансовом исчислении на душу населения составляла следующую сумму:

— 1981 г. — 37, 2 руб.;
— 1982 г. — 37, 2 руб.;
— 1983 г. — 35, 6 руб.;
— 1984 г. — 43, 3 руб.;

Продажа товаров на душу населения за год выражалась следующими цифрами:

— 1981 г. — 1021 руб.;
— 1982 г. — 1032 руб.;
— 1983 г. — 1056 руб.;
— 1984 г. — 1103 руб.

Вывод однозначен — жители района официально могли потратить в указанные годы только чуть больше 50 % своего дохода [4, с. 399].

К тому же руководство СССР весь послевоенный период не только держало военно-стратегический, ядерный паритет с НАТО, отчего на развитие ВПК в различные годы тратилось от 10 до 20 % внутреннего валового продукта, но и участвовало в геополитическом переделе мира. Приведем некоторые широко распространенные данные. Правительство оплачивало содержание военных специалистов за рубежом (например, в Сирии с 1956 по 1991 гг. — 16282 чел; во Вьетнаме с 1965 по 1974 гг. — 6359 офицеров и порядка 45000 рядовых и сержантов; в Анголе с 1975 по 1991 гг. — 11000 чел), оказывало не только военно-политическую, но и финансово-экономическую поддержку союзникам (на 1991 г., по некоторым данным, не выплаченный СССР долг со стороны 14 стран Азии, Африки и Центральной Америки равнялся 34,5 млрд долларов). С 1950-х правительство активно, в том числе и в военных целях, финансировало космическую программу, запустив в космос около 2 тысяч спутников, выведя на орбиту несколько орбитальных станций, число советских космонавтов, побывавших на земной орбите с 1961 по 1991 гг. достигло 72 человек, 44 из них совершили полет не единожды. Целесообразность проведения указанной политической линии не вызывает сомнений, но на наполняемость потребительской корзины, она, по крайней мере с точки зрения рядового советского человека, влияла негативно.

К середине 1970-х годов многочисленные вложения в разработку нефтяных и газовых запасов дали доход в виде нефтедолларов. Часть этих доходов использовалась для закупки импортного продовольствия и товаров народного потребления. Однако полученные возможности пополнения товарной корзины вызвали неожиданные последствия.

Что же представляло собой советское социалистическое государство ко времени преобразований, вызванных перестройкой?

Базовым для преобразований являлся социально-экономический порядок, при котором средства производства принадлежали государству, при этом их характеристика как общенародных или колхозно-кооперативных требует уточнений. Как следствие, вопрос о характере «советского социалистического» государства можно рассматривать исходя либо из признания наличия в СССР госкапитализма, либо констатировать достаточно высокую степень акционирования средств производства в рамках модели, обозначенной в качестве социалистической. В таком случае можно говорить либо о государственном капитализме с сильной социальной программой, либо о том, что все социальные программы в СССР являлись формой получения дивидендов с акционированной собственности.

Однако излишняя денежная масса и дефицит в рамках производственных отношений и в ходе их развития порождали «деформации», как-то:

— развитие спекулятивного рынка, усиление которого с середины 70-х произошло посредством вовлечения в его оборот импортной продукции;

— хищение производственных фондов и полученного прибавочного продукта в целях личного обогащения;

— использование государственных средств производства для получения и присвоения прибавочного продукта, а также встраивания (легально и нелегально) частных, незаконно созданных предприятий в систему производственных отношений.

Противодействие этим тенденциям, на наш взгляд, стало причиной репрессий по отношению к партийно-хозяйственной номенклатуре в 1930—начале 1950-х гг.

С приходом к руководству Н. С. Хрущева власти пытались свести проблему к «отдельным недостаткам». В результате годичная стоимость нелегально произведенных товаров увеличилась с 5 млрд руб. (3,4 % от ВНП) в начале 1960-х гг. до 90 млрд (12,5 % от ВНП) в конце 1990-х. Общее количество вовлеченных в теневую экономику лиц в 1989 г. составила 30 млн человек, то есть 12 % численности населения СССР. Несомненный интерес представляют выявленные профессором В. Ю. Катасоновым «угрозы и последствия развития теневой экономики в СССР» [5]. Автор статьи в целом разделяет высказанные коллегой выводы. Однако реализация этих угроз была бы невозможна без изменений отношения основных слоев населения к установившемуся в СССР социально-экономическому строю.

К 1980-м партийно-хозяйственную номенклатуру не устраивала «социалистическая вуалька». Представители этой социальной группы считали, что в качестве управленцев заслуживают получение не просто больших дивидендов, но и перехода собственности, находящейся в управлении, в свои руки. Характерно изречение в кругу «золотой молодёжи» 1980-х: «Твой отец что сторожит? — Дело в том, что кто, что сторожит, тот тем и владеть должен!».

Кадровые, хорошо оплачиваемые рабочие, включённые в систему управленческих отношений посредством нахождения в рядах КПСС и управленческом звене профсоюзов, тяготились необходимостью раздела доходов от произведённого прибавочного продукта с основной частью населения. На первый план для данной социальной группы вышли не фонды общественного потребления (их формирование и использование), а получение персональной оплаты труда за высококвалифицированный труд и привилегий для своих родственников, в том числе и не включенных в систему (квартиры и машины для вполне взрослых детей, путёвки для внуков и пр.). Как следствие, социологические исследования показали, что чувствуют себя хозяином: на рабочем месте — от 48 до 68 %, в бригаде, на участке — от 33 до 38 %, в цехе — от 10 до 21 %, на предприятии — от 7 до 11 % рабочих [1, с. 309].

Советская деревня переживала неоднозначные процессы:

— за 1954—1985 гг. треть колхозов была преобразована в совхозы;

— имело место форсированное, не учитывающие природные, поселенческие и иные факторы укрупнения хозяйств;

— средства, выделенные на нужды сельского хозяйства, нередко шли на благоустройства городов и районных центров;

— властные структуры активно вмешивались в хозяйственную деятельность, принижая авторитет сельских специалистов и управленцев;

— повышение заработной платы тружеников села при товарном дефиците не способствовало повышению уровня жизни. Труженик села все чаще отчуждался не только от решения каких-либо вопросов, но даже от их обсуждения. Так, обсуждение итогов 1986 г. лишь в 34 % хозяйств проводили на общих собраниях, а в 66 % на собраниях уполномоченных, в том числе в Украинской ССР — 82 %, в Казахской — 88, Латвийской — 84, Эстонской — 87, Киргизии и Таджикистане — 100 %. Вышеперечисленное вело к оттоку жителей из сел: — в 1970 г. в городах проживает 56,3 %; в 1986 г. — 65,6 % населения страны. Опросы сельских старшеклассников в середине 80-х показывали, что только 12 % из них хотели бы работать по крестьянским профессиям (среди девушек — 7 %) [1, с. 273, 272, 257, 268, 269, 315, 314]. Популярной стала мечта о частном хозяйстве с селянином-фермером (образ Адриано Челентано из «Укрощения строптивого») и/или передовой аграрной компании и руководителе, получающим сверхприбыль (образ Николая Ерёменко-младшего из «Председателя»). Как эта мечта должна была реализоваться, никто из лиц, населявших советскую деревню, не думал.

Часть творческой интеллигенции считала себя ограниченной социалистическим реализмом и «коммунистическими догмами», мешавшими прославиться теми или иными оригинальными творческими решениями, мечтала о полной свободе самовыражения. Свой вклад в недовольство властью вносила и точка зрения на жизнь творческой личности на Западе или до Октябрьской революции, как череды светских раутов, перемежаемой продажей за немалые деньги собственных картин, прав на издание романов, выступление перед толпами поклонников и радости потребительской жизни. Вторая часть, наоборот, считала, что советское искусство слишком подвержено западному влиянию, и искала себя в христианстве, язычестве и мистике, ожидая того, что в более свободном обществе им уготована роль новых пророков.

В рядах научной интеллигенции также преобладало несколько точек зрения на якобы имеющую место, собственную обделённость. Сторонники первой считали, что отечественная наука существенно отстаёт от иностранной ввиду отсутствия в ней свободы поиска учёного. Данная свобода, по мнению представителей данной группы, при её наличии позволяла отказаться от социальной ответственности перед обществом и плановых ограничений, что дало бы возможность делать открытия и деньги. Сторонники второй верили в передовую советскую науку и сокрушались из-за невозможности выехать за рубеж с личными наработками и исследованиями коллег. Третьим была характерна забота об экологии, которая якобы страдала в СССР в большей степени, чем в странах капиталистического мира, при этом нередко этот мир искусственно ограничивали Францией, Англией, Японией и другими государствами, выведшими вредные производства за свои границы [6].

В эти же годы в массовом сознании имеет место изменение ряда идеологических постулатов, как-то:

— реабилитация и последующая романтизация «белого движения» или его отдельных представителей (художественно сильные образы «белых» заслонили исторический крах «белого дела», а для советского обывателя белый офицер из кинофильма оказался ближе и понятней неграмотного крестьянина-красноармейца, полуграмотного матроса из рабочих или комиссара из разночинной интеллигенции);

— некритическое восприятие социальных достижений стран Запада, представления о котором базировались в основном на зарубежных игровых и комедийных фильмах;

— романтизация, в том числе и посредством кино, преступного мира, с его «правдой» и «законами» («Блеф» — Италия, «Ва-банк» — Польша).

Таким образом, на фоне переизбытка денежной массы (для основных групп населения «кровно заработанной» и служащей подтверждением квалификации или иных заслуг — ведь даром никому не платят) и роста теневой экономики (дающей иллюзии возможности развития капиталистических отношений, а также более справедливой оплаты труда от хозяина, чем от социалистического государства) назрел социальный переворот.

Событийная цепочка сложилась: кризис недопроизводства — спекулятивный рынок и цеховики (теневая экономика) — социальные деформации, вызывающие недовольство различных групп населения — политизация кризиса в ходе горбачевской перестройки — термидорианский переворот повлекший изменение социальной сути государственной власти.

При этом развал союзного государства и создание на месте СССР национальных образований являлись отнюдь не трагическим стечением обстоятельств. Автору указанной статьи неоднократно, в конце 1990-х годов, приходилось общаться с функционерами национальных народных фронтов, объясняющих требование предоставления суверенитета тем, что только идея воссоздания национального государства поможет национальной буржуазии удержать политическую власть при разгосударствлении собственности и отказе от социальных гарантий, имевшихся ранее.

Назревавший социальный переворот может быть идентифицирован как буржуазный. Открытыми при этом остаются вопросы:

— о способности бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры, завладевшей собственностью, ответить на вызовы нового времени и провести модернизацию;

— о возможности проведения модернизации при отказе от исторически устоявшейся модели, будь то государственный капитализм с сильной социальной программой или социализм с получением дивидендов от акционированной собственности.

При этом следует отметить, наличие трех факторов субъективного порядка. Первый, партийно-хозяйственная номенклатура, ставшая буржуазным классом, оказалась малоспособной к деятельности в условиях рынка. Второй, между различными группами номенклатуры, в одночасье ставшей буржуазией, обозначились многочисленные противоречия, тормозящие развитие национальной экономики. Третий, коррупционная составляющая в отношениях бизнеса и власти, уходящая корнями в теневые отношения 80-х годов.

Однако стремительно меняющийся миропорядок, несомненно, повлечёт перераспределение ролей в системе взаимоотношений как внутри правящей буржуазной элиты, так и между элитой и остальными слоями населения РФ.

Библиографический список

1. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. В. В. Журавлёва. — М. : Политиздат, 1990. — 447 с.

2. Новожилов, В. В. Недостаток товаров [Электронный ресурс] / В. В. Новожилов // Вестник финансов. — 1926. — № 2. — Режим доступа : http://seinst.ru/page75/ (дата обращения:15.04.2015).

3. Кирьяш, О. А. Советская модель модернизации / О. А. Кирьяш // Курс лекций по истории для непрофильных специальностей : учеб. пособие / Под ред. О. А. Кирьяш. — Омск : ИП Макшеевой Е. А., 2013. — С. 145—158.

4. Новиков, С. В. Очерки истории Черлака и Черлакского района: 1720—1985 годы / С. В. Новиков. — 2-е изд. испр. — Омск : Издат. дом Наука, 2014. — 416 с. 5. Катасонов, В. Ю. Теневая экономика в СССР: с чего все начиналось [Электронный ресурс] / В. Ю. Катасонов. — Режим доступа : http://www.km.ru/economics/2014/02/03/istoriya-sssr/731316-tenevaya-ekonomika-v-sssr-s-chego-vse-nachalos (дата обращения: 08.05.2015).

6. Новиков, М. С. К вопросу о классификации националистических идей и организаций России. 1960—2000 гг. / М. С. Новиков, С. В. Новиков // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2013. — № 4 (121). — С. 34—37.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой управления развитием образования.
Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2015 г.

© С. В. Новиков

УДК 94(571.1/5)"19/20":355

В. О. ДУБИНИН

Омский автобронетанковый инженерный институт

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ КАК ФОРМА ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX—НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье рассматривается офицерское собрание как форма воинского воспитания личного состава в частях и военных учреждениях Сибирского военного округа в период 1905—1906 гг.

Ключевые слова: история Сибирского военного округа, офицерское собрание, воинское воспитание, Западная Сибирь, история Сибирского военного округа, Вооруженные силы.

Проблема воинского воспитания офицеров Российской армии является объектом пристального внимания высшего руководства страны. Не менее актуален вопрос подготовки войск был и во второй половине XIX — начале XX вв. В том числе и в частях Сибирского военного округа. Уже в начале XX в. военные аналитики отмечали: «Вряд ли кто станет отрицать, что звание офицера требует выработки и развития известных сторон его характера, вряд ли кто станет отрицать, что воспитание офицера не может кончаться в училище, а между тем для воспитания офицера нами ровно ничего не сделано, не осознана на деле даже его необходимость» [1, с. 308].

Находясь в подразделении вместе с подчиненными, офицеры округа подвергались практически всем тем же формам и средствам воинского воспитания, что и нижние чины подразделений. Однако важнейшей формой воспитательного воздействия на офицерский состав становится воспитание чувства корпоративизма, так как особая «миссия, которая возлагалась на армию и ее офицерский корпус, определяла особый статус офицеров» [2, с. 44], кроме того, подобное «приятное» чувство корпоративной исключительности помогало государство с меньшими материальными затратами привлекать в состав офицерского корпуса действительно достойных людей. Так, в циркулярном письме № 341 от 22 мая 1884 г. военного министра генерала от инфантерии П. С. Ванновского о методах борьбы с революционной пропагандой в армии внимание акцентировалось не только на особенностях возрастной психологии офицерской молодежи, облегчавших внушение вредных идей. Предписывая отвлечь офицеров от «сообщества с вредными слоями городского населения», П. С. Ванновский признал, что в армии недооценивалась роль старших офицеров как духовных наставников молодежи, в отношениях между поколениями офицеров было мало доверительности, что шло вразрез с интересами

службы. Он обратил внимание старших офицеров на важность искренней заботы об офицерской молодежи, сопровождаемой нравственным влиянием на подчиненных. Главным условием успеха работы с молодыми офицерами министр назвал формирование доверительных отношений в офицерской среде. Одной из наиболее удачных организационных форм реализации этой идеи руководитель военного ведомства признал офицерское собрание [3, с. 42]. Следует учитывать, что в правовых актах того времени офицерские собрания Русской армии назывались также военными собраниями или клубами.

В «Положении об офицерских собраниях ...» определялось, что офицерское собрание находится в прямом ведении командира части. Таким образом, воспитание офицера продолжалось уже в части, при непосредственном участии командира части и офицерского коллектива. Теперь качество воспитательного воздействия зависело от личных качеств начальника, его авторитета, степени компетентности, а также подбора офицерского состава части. «Справочная книжка для офицера», составленная в Генеральном штабе, содержала в себе следующие обязанности командира части: «Как представитель чести и славы (части) — развивать чувство долга, преданность Государю, любовь к Отечеству, духовность и строжайшую дисциплину, поддерживать боевые традиции (части). Быть ровным, настойчивым в требованиях; как на службе, так и вне ее быть начальником. Заботиться о подчиненных в служебном отношении и частной жизни» [4, с. 65].

Этим же положением определялись основные цели офицерских собраний, таковыми являлись: 1) доставление возможности офицерам для взаимного сближения и поддержки между ними товарищеских отношений, соответствующих духу и требованиям военной службы; 2) способствование развитию в офицерской среде военного образования; 3) организация досуга офицеров; 4) удешевление жизни офицеров [5].

На основании пункта 4 Устава военных собраний, утвержденного приказом по Военному ведомству № 289 1874 г. «все, состоящие по службе офицеры и классные чины тех частей, для коих устроено Офицерское собрание, должны состоять обязательно членами этих собрании» [6]. Так, приказом командующего округом № 60 от 5 апреля 1875 г. четко определялся личный состав частей, для которых «Омское военное собрание учреждается обязательно», например: Окружного штаба; Окружного артиллерийского управления; Окружного инженерного управления; Штаба Акмолинской области; 1-го линейного батальона; Омского губернского батальона; Управления атамана 2-го отдела; Учебной казачьей сотни.

Кроме того, при военном собрании был образован Учебный комитет, состоящий из шести членов: начальников линейного и губернских батальонов, учебной казачьей сотни, одного офицера Генерального штаба и Начальника штаба Акмолинской области под председательством помощника начальника окружного штаба. На Учебный комитет возлагалось «заведование библиотекой, залами гимнастическими и фехтовальным, тиром и вообще всем, что относится до военного образования» [7]. В состав «управления» назначались председатель военного собрания, председатель распорядительного комитета, хозяин собрания, заведующий столовой, казначей и делопроизводитель. Так, в 1894 г. председателем Омского военного собрания являлся начальник Окружного штаба генерал-лейтенант И. П. Маслов, хозяином собрания был офицер для особых поручений при командующем округом подполковник А. С. Барановский [8, с. 11].

В 1882 г. в Западной Сибири насчитывалось 9 военных собраний [9, с. 58]. В Омском военном собрании тогда состоял 171 постоянный член [10, с. 43]. Врачи и чиновники военного ведомства, занимавшие штатные места в части, не состоя членами собрания, могли его посещать на правах временных членов. Подпрапорщики, эстандарт-юнкера и подхорунжие допускались в столовую, пользовались библиотекой и участвовали в тактических занятиях, но принимать участие во всякого рода играх в собрании им воспрещалось. Вольноопределяющиеся в офицерское собрание не допускались. Необходимо отметить, что честь и достоинство офицера оберегались наиболее тщательно. При офицерском собрании функционировали суды офицерской чести, учрежденные при войсковых частях еще в 1863 г., которые рассматривали поступки, несовместимые с понятием о воинской чести, доблести, нравственности и благородстве, а также ссоры между офицерами [11, с. 153]. Так, 4 июля 1905 г. состоялось общее собрание офицеров 12-го Барнаульского полка, на котором избрали состав «суда общества офицеров» [12, с. 137]. Офицерские суды имели весомые рычаги воздействия, так как существовали требования, по которым «офицеры, увольняемые с действительной военной службы в дисциплинарном порядке или по приговору офицерского суда, не зачисляются в запас, а увольняются прямо в отставку, как не только бесполезные, но даже вредные для службы» [13]. Непосредственно во время боевых действий офицерскому суду 12-го Барнаульского полка был привлечен подпоручик 4-й роты Фертов за то, что жаловался на несправедливость при распределении наград и «умалял деятельность полка» [12, с. 52].

Средства офицерского собрания складывались из: 1) сумм, отпускаемых от казны на улучшение общественного быта офицеров; 2) членских взносов членов офицерского собрания; 3) денег, поступающих за игры и другие доходные мероприятия. Так, с 1881 г. военным министерством адресно в 1, 2, и 3-й конные полки Сибирского казачьего войска ассигновалось по 500 рублей «на улучшение быта господ офицеров», которые, согласно приказу по военному ведомству № 8 от 1873 г., отпускались на устройство и содержание офицерских собраний и общих столовых, на офицерские библиотеки и «усиление офицерских вспомогательных капиталов» [14]. Кроме того, военное министерство оказывало материальную поддержку, выделяя деньги на наем помещений, отопление и освещение офицерских собраний округа. Так, согласно приказу по военному ведомству № 90, офицерским собраниям Омского военного округа в 1887 г. было выделено 3605 рублей, из которых Омскому офицерскому собранию было предназначено 400 рублей, Тобольскому — 200 рублей, Томскому — 200 рублей, Верненскому — 60 рублей, Карапольскому — 400 рублей, Джаркентскому — 400 рублей, Зайсанскому — 400 рублей, Копальскому — 605 рублей [15]. В 1903 г. «на улучшение общественного быта офицеров Сибирского военного округа» выделено уже 6302 рубля [16]. Подобная материальная поддержка офицерских собраний округа имела место и далее в анализируемый период [17].

Таким образом, даже в свободное время офицер не был вполне свободен в выборе способа своего отдыха и развлечения: у него была не только своя семья (если он был женат), но и офицерская семья, и он обязан был проводить время в офицерском собрании, являвшемся центром жизни полковой семьи. Холостые офицеры также большую часть свободного времени проводили в офицерском собрании, где были читальня, шахматы, бильярд, карточная комната.

Кроме того, важным фактором успеха воспитания необходимых офицеру идеологических ориентиров и ценностей, а также условием обеспечения самоподготовки офицерского состава служили библиотеки офицерских собраний. По указаниям командующих округов, военного руководства в эти библиотеки выписывались специализированные издания «Военный сборник» (1858—1917 гг.), «Русский инвалид» (1813—1917 гг.), журнал «Разведчик» (1889—1917 гг.), «Сборник тем для бесед в офицерском собрании» и др. [18]. В пунктах 70—71 Устава гарнизонного Омского офицерского собрания было установлено, что библиотека составляется из книг, выписанных самим офицерским собранием, из библиотек частей гарнизона и из книг посетителей и членов офицерского собрания, которые имели право пользоваться «как библиотекой собрания, так и отделов ее» [19]. Именно в библиотеке Омского офицерского собрания проводились «предварительные испытания» для офицеров, изъявивших желание обучаться в Николаевской академии Генерального штаба и Военно-юридической академии [20]. Организуя полноценный отдых офицерам и их семьям и, кроме того, обеспечивая необходимую популярность армии в среде местного населения, в офицерских собраниях проводились танцевальные вечера, как, например, 10 октября 1890 г., а 30 августа того же года в загородном помещении Омского военного собрания прошло последнее летнее гуляние. На нем играли два оркестра. Сад светился от иллюминации и фейерверка [21]. Офицерское собрание не теряло своего значения и во время боевых действий. Так, офицеры 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка вспоминали как в период русско-японской войны 1904—1905 гг. они «собирались на общий ужин — где попутно рассказывались и декламировались различные произведения. Время проводилось разумно и весело» [12, с. 166].

Таким образом, образованные в округе суды офицерской чести и офицерские собрания содействовали развитию в среде офицеров военного образования, организации свободного времени офицеров, поддерживали офицеров экономически, успешно справлялись с поставленными перед ними задачами по взаимному сближению офицеров и поддержанию между ними правильных товарищеских отношений, соответствующих духу и требованиям идеологических установок.

В современной российской армии такая форма воспитания офицерского состава не была предана забвению. Так, приказом министра обороны РФ № 147 от 12 сентября 1992 года введено в действие Положение об офицерском собрании в Вооруженных силах Российской Федерации. Однако организованные, согласно этому документу, собрания существовали формально, а офицеры в их работе принимали пассивное участие. Повышению роли и значимости офицерских собраний в нынешних Вооруженных силах способствует приказ министра обороны РФ № 435 от 23 декабря 2004 года, которым было введено в действие новое Положение об офицерских собраниях в Вооруженных силах Российской Федерации. Деятельность офицерских собраний, отмечается в приказе, должна быть направлена на сплочение коллектива офицеров воинских частей, воспитание его в духе преданности Отечеству, верности воинскому долгу и боевым традициям, укрепление войскового товарищества, выработку предложений и рекомендаций командованию по вопросам прохождения военной службы, решения социальных и иных проблем, возникающих у офицеров и членов их семей [22].

Однако современные исследователи отмечают, что этой форме воинского воспитания отводится только второстепенная роль как общего собрания офицеров, на котором решаются вопросы повседневной деятельности войск или, как правило, по указанию командира рассматриваются отдельные эпизоды неприглядного поведения офицеров и рекомендации командованию в связи с этим. Поэтому, зачастую, офицеры воспринимают понятие «офицерское собрание» как служебный сбор офицеров, что совершенно не соответствует изначальному смыслу организации такой формы воспитания личного состава. Как следствие, работа офицерских собраний не вызывает интереса ни у офицерской общественности, ни у командования частей Вооруженных сил Российской Федерации [23, с. 346].

Библиографический список

1. Морозов, Н. К вопросу обновления армии / Н. Морозов ; сост. А. И. Каменев [и др.] ; ред. А. Е. Савинкин // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. — М. : Воен. ун-т, 2000. — 304 с.

2. Морихин, В. Е. Забытые традиции русского офицерского корпуса / В. Е. Морихин // Военно-исторический журнал. — 2004. — № 1. — С. 44.

3. Вапилин, Е. Г. Наше дело требует, чтобы мы не только знали, но и любили службу...иные офицеры мне не нужны / Е. Г. Вапилин // Военно-исторический журнал. — 2004. — № 6. — С. 42.

4. Справочная книжка для офицеров / Сост. В. Малинко, В. Голосов. — М. : Типо-литогр. Рус. Товарищества Печат. и Издат. дела. — 1902. — 262 с.

5. Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск : приказ по военному ведомству [№ 279 от 15 сентября 1884 г.]. — СПб., 1903. — 35 с.

6. Приказ по войскам Западного Сибирского военного округа [№ 26 от 4 февраля 1875 г.].

7. Приказ по войскам Западного Сибирского военного округа [№ 60 от 5 апреля 1875 г.].

8. Справочная книжка на 1895 г. о должностных лицах правительственных и общественных управлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. — Омск : Тип. Окруж. штаба, 1894. — 32 с.

9. Копылов, В. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории / В. А. Копылов, В. П. Милюхин, Ю. А. Фабрика. — Новосибирск : СО РАН, 1995. — 246 с.

10. Гефнер, О. В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX — начале XX вв. : моногр. / О. В. Гефнер. — Омск : ОмГАУ, 2004. — 270 с.

11. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 25. — М. : Совет. энцикл., 1976. — С. 12.

12. Белоусов, И. Журнал военных действий 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка с 2-го февраля 1904 по 1 января 1905 г. / И. Белоусов, С. Ф. Добротин. — М. : Печатня С. П. Яковлева, 1906. — 312 с.

13. ГИАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 4. Л. 221.

14. ГИАОО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 4. Л. 153.

15. Приказ по войскам Омского военного округа [№ 147 от 4 ноября 1887 г.].

16. Приказ по войскам Сибирского военного округа [№ 100 от 26 апреля 1903 г.].

17. Приказание по войскам Сибирского военного округа [№ 187 от 11 декабря 1904 г.].

18. Приказание по войскам Омского военного округа [№ 173 от 24 ноября 1894 г.].

19. Положение об Омском, Верненском, Джаркентском, Семипалатинском и Зайсанском военных собраниях. — Омск, 1897. — 16 с.

20. Приказание по войскам Омского военного округа [№ 84 от 5 июня 1897 г.].

21. Акмолинские областные ведомости. — 1890. — Октябрь.

22. Самосват, Д. Офицерское собрание в Российской армии: история, традиции и пути повышения его воспитательной и дисциплинирующей роли в современных условиях / Д. Самосват, А. Куршев // Ориентир. — 2009. — № 7. — С. 48—52.

23. Тихомиров, А. В. Офицерские собрания в России. Конец XVIII — начало XXI века : дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.02 / А. В. Тихомиров. — СПб., 2011. — 490 с.

ДУБИНИН Виктор Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
Адрес для переписки: victord44@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2015 г.
© В. О. Дубинин

УДК 94(470+571):355.233.2

Н. В. ЛИДЕР

Омский автобронетанковый инженерный институт

АГИТАЦИОННО-МАССОВАЯ РАБОТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ КУРСАНТОВ: ОПЫТ ЭПОХИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

В статье на основе архивного материала раскрываются примеры военно-патриотического воспитания курсантов в военных училищах Западной Сибири в рамках агитационно-массовой работы. Хронологические рамки статьи — вторая половина 70-х—первая половина 80-х гг. XX в. По мнению автора, это было время наиболее активного применения разнообразных форм, методов военно-патриотического воспитания курсантов за весь период «развитого социализма».

Ключевые слова: советский опыт, военно-патриотическое воспитание, курсанты, агитационно-массовая работа, идеология, формы работы.

В исследуемый период военно-патриотическое воспитание будущих офицеров было одной из главных задач всего учебно-воспитательного процесса военно-учебных заведений. Надо отметить и то, что главной особенностью советского военно-патриотического воспитания являлась преданность делу социализма и социалистическому Отечеству, т.е. существовала тесная связь патриотизма с политикой, он играл одну из ведущих ролей в политической составляющей общественной жизни.

Сегодня много и справедливо говорят об идеологизированности советского военно-патриотического воспитания, засилье трафаретов и шаблонов в этой работе. Однако мы считаем, что накопленный советский опыт военно-патриотического воспитания богат и разнообразен, и нам до сих пор есть чему поучиться, перенять, адаптировав полезное, лучшее к современным условиям, использовать в воспитании нынешней молодежи.

Анализ целого ряда опубликованных и неопубликованных документов и материалов позволяет нам утверждать, что вторая половина 70-х—первая половина 80-х годов — это было время, когда в работе военно-учебных заведений Западной Сибири по военно-патриотическому воспитанию курсантов происходят заметные перемены. Военные училища начинают принимать активное участие в различных научных, научно-исследовательских, научно-методических и научно-технических мероприятиях, проводимых в масштабах города, области и даже страны. В это время создаются музеи истории училищ, пишутся первые книги по истории училищ. Формы работы по военно-патриотическому воспитанию курсантов оставались традиционными, однако более широкое распространение получили комплексные мероприятия, сочетающие агитационно-массовые и культурно-просветительные формы (встреча и митинг, экскурсия и лекция).

Агитационно-массовая работа была неотъемлемой частью идеологической деятельности КПСС. Главная ее задача состояла в том, чтобы довести до личного состава основополагающие идеи марксизма-ленинизма, политику КПСС и мобилизовать воинов на «активное и сознательное выполнение

своего долга по защите социалистической Родины» [1, с. 144]. При этом существовала четкая организация, позволявшая в любых условиях жизни, учебы, боевой деятельности осуществлять постоянное воздействие на личный состав.

Личную ответственность за состояние агитмассовой работы в военном училище нес заместитель начальника училища по политической части. Возглавляя партийно-политический аппарат, начальник политотдела выступал организатором, руководителем и активным участником агитационной работы. В этом ему помогал пропагандист училища, который еще и сам вел агитационную работу среди личного состава, подбирал актив и отвечал за его политическую и методическую подготовку. Непосредственно на факультете (в батальоне) вместе с командирами организовывал и лично проводил эту работу заместитель начальника факультета (батальона) по политической части. В его обязанности входили подбор, расстановка и воспитание актива, руководство работой совета ленинской комнаты, редколлегий стенной печати и редакторов боевых листков [2].

В организации агитмассовой работы участвовали агитационно-пропагандистские коллективы при политотделе и агитационно-пропагандистские группы при партийных комитетах и бюро. К организации и проведению данных мероприятий привлекался широкий круг политинформаторов, агитаторов, членов советов клубов, библиотек, музеев, ленинских комнат, редакционных коллегий стенных газет. Например, при политотделе в Омском высшем танковом инженерном училище в 1983 г. существовал агитпропколлектив, состоявший из 40 человек, 10 из которых были кандидатами наук. Он включал секции: общественно-политическую, воинскую, нравственного воспитания, военно-технической пропаганды. На базе методического кабинета кафедры марксизма-ленинизма функционировал справочно-информационный центр [3].

Самым многочисленным отрядом активистов были агитаторы. Они имелись во всех курсантских взводах. Круг проблем, которыми приходилось заниматься агитаторам, был достаточно широк. Так, по воспоминаниям ветерана Омского ВТИУ В. В. Виноградова, бывшего агитатора, «...проводились групповые и индивидуальные беседы, информировали курсантов о событиях дня, читали и обсуждали с курсантами материалы газет и журналов, разъясняли поставленные командиром задачи, много внимания уделяли пропаганде передового опыта»[1]. Возглавляли эту работу командиры, политработники, партийные и комсомольские организации. Так, партком Тюменского высшего военно-инженерного командного училища систематически организовывал в комнате боевой славы вуза семинар взводных агитаторов. Одной из главных тем семинара было воспитание будущих офицеров на революционных и боевых традициях воинов-сибиряков [4].

Как правило, формы агитационно-массовой работы в военных вузах были разнообразны. Перечислим те, что в наибольшей степени способствовали военно-патриотическому воспитанию курсантов.

Одной из таких форм агитационно-массовой работы являлась политическая информация. С курсантами военных училищ она проводилась еженедельно по 30 минут. Ее цель — разъяснение курсантам решений КПСС и Советского правительства, текущих политических событий внутреннего и международного характера, а также задач, стоящих перед училищем. Проводилась политинформация командирами, политработниками, преподавателями кафедр. Предъявлялись следующие основные требования к политинформации: «оперативность, аргументированность и эффективность» [1, с. 146]. Приветствовалось применение пропагандистом в ходе рассказа географических карт, схем, плакатов, фотографий и других средств наглядной агитации. Темы для политинформаций могли быть такие: «Партия — авангард советского народа», «Крепнет содружество социалистических стран», «Что значит честно выполнять свой воинский долг» и др. [1, с. 146]. Во всех военных училищах в канун праздника Победы традиционно проходили выступления перед курсантами с политинформацией ветеранов — участников Великой Отечественной войны по теме «Бессмертие подвига советского народа» [5, с. 121].

Однако бывало и так, что политинформация сводилась к чтению материалов периодической печати без каких-либо пояснений; время, отведенное для политинформации, использовалось для разбора какого-нибудь частного случая или разговора о выполнении распорядка дня.

Обязательными формами агитационно-массовой работы были ленинские чтения и ленинские уроки, посвящавшиеся либо изучению отдельных работ В. И. Ленина, либо определенной теме. Часто на такие чтения и уроки приглашались ветераны, использовались грамзаписи речей В. И. Ленина, фрагменты из кинофильмов и т.д. Нередко ленинские чтения и ленинские уроки проводились, например, по таким темам: «В. И. Ленин о защите социалистического Отечества», «В. И. Ленин о повышении боеспособности и боеготовности Советских Вооруженных Сил» в Кемеровском высшем военном командном училище связи [6]; «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено» в Барнаульском высшем военном авиационном училище летчиков [7]; «В. И. Ленин о воинской дисциплине» в Тюменском ВВИКУ [8]; «Я — гражданин Советского Союза» в Новосибирском высшем военно-политическом общевойсковом училище [9] и др.

Морально-политическое и военно-патриотическое воздействие на курсантов призваны были оказыватьмитинги. Эта форма агитации предполагала торжественность, яркие, эмоциональные выступления, краткие боевые по содержанию и стилю резолюции или обращения.

Вот как в книге «Омское танковое» описывается митинг, проведенный в этом училище в честь открытия XXIV съезда КПСС в марте 1971 г.: «30 марта за полчаса до начала работы съезда были приостановлены все занятия, офицеры, сержанты, курсанты и солдаты, кроме находившихся в наряде, а также все рабочие и служащие собрались у телевизоров и с большим вниманием смотрели передачу центрального телевидения из Кремлевского Дворца съездов об открытии съезда. Затем состоялся митинг личного состава. На нем выступили начальник кафедры полковник А. Е. Плетнев, ленинский стипендиат курсант Ю. И. Денисов, заместитель командира батальона по политической части подполковник В. А. Жилин. Их речи были проникнуты горячим одобрением внешней и внутренней политики КПСС, готовностью выполнить решения съезда.

В адрес съезда было принято приветственное письмо, в котором говорилось: «... Советский народ вручил нам первоклассную боевую технику

и оружие. Заверяем делегатов съезда, Коммунистическую партию, что эта техника и оружие в надежных руках. Мы и впредь будем прилагать все усилия к тому, чтобы поддерживать боевую готовность на высшем уровне. Мы все как один в любую минуту готовы выступить на защиту Советской Родины и под руководством ленинской партии с честью выполнить свой патриотический долг...» [10]. То, как описан данный митинг в книге, говорит о том, что освещению деятельности КПСС в воспитательном процессе придавалось большое значение.

Часто митинги проводились с выносом Боевого Знамени училища, так, личный состав 3-го батальона курсантов Новосибирского ВВПОУ принял участие в митинге 9 Мая 1976 г. В ходе этого мероприятия курсантами в торжественной обстановке было вынесено Боевое Знамя училища, а также знамена Сибирских соединений. Они приняли участие в отдании воинских почестей при возложении венков к монументу Славы воинам-сибирякам. Из курсантов состояла рота почетного караула и почетный караул у вечного огня монумента Славы [11].

Практиковались в агитмассовой работе и тематические вечера, тема которых часто напрямую была связанна с военно-патриотическим воспитанием будущих офицеров. Так, в Томском высшем военном командном училище связи был проведен тематический вечер «Караульная служба — боевая задача». На вечере выступили фронтовики, пионеры подшефных школ. Были вручены ценные призы и объявлена благодарность курсантам. В заключение были показаны фильмы «На Уссури», «За рекой — граница» [12].

В курсантских подразделениях проводились тематические вечера и на такие темы: «Служу Советскому Союзу», «Империализм — злейший враг народа» (БВВАУЛ) [13], «У карты нашей Родины» (ТВВИКУ) [14], «Живи по уставу — завоюешь честь и славу» (ОВТИУ) [15], «40 лет битвы под Москвой» (ОВОКУ) [5, с. 119], а в Томском ВВКУС в 1978 г. был проведен целый цикл тематических вечеров на тему «Сибирские гвардейцы» [16].

Причем количество проводимых тематических вечеров с середины 70-х годов увеличивается. Так, в Барнаульском ВВАУЛ в 1970/71 учебном году было проведено 10 тематических вечеров, а в 1977/78 учебном году уже 20 [17]. В Омском высшем общевойсковом училище в 1969/70 учебном году проведено только 12 тематических вечеров, а в 1975/76 учебном году 26 [18]. В Томском ВВКУС в 1971/72 учебном году было проведено 10 тематических вечеров, а в 1978/79 уже 24 [19].

Важная роль в формировании военно-патриотического сознания отводилась многотиражным газетам военных училищ. Но если в большинстве рассматриваемых нами военно-учебных заведений Западной Сибири такие газеты выпускались по случаю какого-либо праздника, юбилейной даты, то в Новосибирском ВВПОУ с самого основания училища (1967 г.) существовала многотиражная газета «Ленинец» [20]. Она оказывала большую помощь командованию в военно-патриотическом воспитании курсантов. Редколлегия газеты разработала темы с целью военно-патриотической пропаганды: «Защита Родины — один из первейших заветов Ильича», «Воспитывать пламенных патриотов», «Навстречу 30-летию Победы» и другие. По этим вопросам на страницах газеты регулярно выступали командиры, политработники, преподаватели кафедр, офицеры в отставке [21, с. 124].

Также вместе с политотделом газета «Ленинец» регулярно проводила конкурс на лучшие литературные произведения в училище [22]. Так, с ноября 1967 г. по октябрь 1968 г. в конкурсе приняли участие семь курсантов и один солдат. В газете было опубликовано 16 литературных произведений. В ходе конкурса была написана курсантская строевая песня училища. Ее авторами стали курсант В. Н. Рахматулин, написавший стихотворение «Внуки комиссаров», и военный дирижер, сочинивший музыку на эти стихи. Большинство произведений, представленных на конкурс, было посвящено патриотической теме [23]. Стихи курсантов, написанные с неподдельной искренностью, являются убедительным доказательством результативности военно-патриотического воспитания.

Внуки комиссаров

Нам погоны вручили курсантские,
Повзрослели мы сразу с тобой,
Пусть же парни завидуют штатские
Шагу твердому по мостовой.
Выбран путь окончательный, ясный,
Верность партии — наш идеал.
И считаю я, что не напрасно
Комиссаров дорогу избрал.
Не страшат нас туманы холодные,
Ветер резкий и дождь проливной.
С нами друг — наша песня походная,
Запевала — курсант молодой.
Нам погоны доверят отцовские,
Будет путь наш суров и далек.
Не забудем мы годы курсантские
И тебя, Академгородок!
Комиссаров традиции славные
Вечно живы в курсантских сердцах.
Знамя дедов, победное, алое,
В наших крепких надежных руках.
(Курсант В. Рахматулин (1968 г.))

Защитники Сибири

Сибирский край, велик ты и суров,
Но мне по сердцу золотые дали.
Ты полюбуйся на своих орлов,
Которых защищать тебя призвали.
Они шагают поступью солдат,
Они всегда в тревогах и походах.
Над ними стяги алые горят,
Зажженные октябрьским восходом.
(Курсант Л. Селезнев (1972 г.))

Большое место в исследуемый период занимала наглядная агитация как средство воспитания курсантов. Основными формами ее являлись стенды, плакаты, монтажи, лозунги, альбомы, фотомонтажи и др.

Основными направлениями наглядной агитации в подразделении были пропаганда передового опыта, мастеров военного дела, конкретный показ хода социалистических соревнований, а также тема подвига советских людей, воинов армии и флота, карта боевого пути училища, галерея героев Гражданской и Великой Отечественной войн, летописи боевых дел.

Например, в Новосибирском ВВПОУ были оформлены стенды «Герои-сибиряки», «Есть такая профессия — Родину защищать», «Профессия — политработник» [21, с. 125]. На территории Кемеровского ВВКУС в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина клубными художниками были оформлены стенды «Ленин — создатель и организатор Советских Вооруженных Сил», «Заветы Ленина советским воинам» и др. [6].

В целях создания наглядной агитации на территории военных училищ могли создаваться художественные советы, состоявшие из курсантов и офицеров. Такой совет был создан в Новосибирском ВВПОУ в 1974 г. В генеральном плане художественного совета предусматривалось создание обелисков, скульптур, декоративных ансамблей, мозаичных панно, декоративно-эстетических мест, комплексов тематических стендов, лозунгов, плакатов, щитов. В наглядной агитации, как правило, отражались следующие направления:

— боевая учеба;

— боевые традиции;

— требования военной присяги и воинских уставов;

— Родина за годы Советской власти;

— текущая политика;

— состав Политбюро ЦК КПСС;

— портреты высшего командования Советских Вооруженных Сил;

— специалисты военного дела.

А для всего личного состава объявлялся конкурс по созданию эскизов скульптур, декоративных ансамблей, мозаичных панно и комплектов тематических стендов [24].

Таким образом, приведенные примеры военно-патриотического воспитания курсантов в рамках агитационно-массовой работы военно-учебных заведений Западной Сибири позволяют выделить как отрицательные, так и положительные стороны процесса. Отрицательные стороны: излишняя парадность, увлечение количеством мероприятий без глубокого анализа их педагогической целесообразности и результативности; зачастую к военно-патриотическому воспитанию относили всякого рода партийные мероприятия, не имеющие к нему прямого отношения; однобокость взглядов на историческое прошлое, в характеристике настоящего, разрыв между тем, что говорилось с высоких трибун, и что говорилось в учебных классах.

Положительные стороны: строгая организация агитационно-массовой работы в подразделении, которая предполагала создание необходимых структурных звеньев, четкое, продуманное планирование, целенаправленное обучение и воспитание агитационного актива, координацию мероприятий в подразделениях, обобщение и распространение передового опыта.

И сейчас, даже с позиции нашего времени, мы не можем отрицать, что эта работа приносила большую пользу в военно-патриотическом воспитании будущих офицеров.

Примечание

[1] Воспоминания В. В. Виноградова. Записано автором.

Библиографический список

1. Политико-воспитательная работа в подразделении / И. М. Буцкий [и др.]. — М. : Воениздат, 1982. — С. 144, 146.

2. Идеологическая работа в части: содержание, организация, методика / Л. С. Балашов [и др.]. — М. : Воениздат, 1983. — С. 50.

3. Исторический формуляр Омского танкового инженерного института. — Архив ОАБИИ. Л. 98.

4. Чемеков, С. На совет собрались агитаторы / С. Чемеков // Советский воин. — 1967. — 7 апреля.

5. Бурулев, Л. А. Из опыта партийно-политической работы по воспитанию курсантов Омского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе на боевых и революционных традициях партии и советского народа / Л. А. Бурулев // Патриотическое воспитание молодежи на героических традициях партии и народа : сб. ст. — Омск : Обл. тип., 1984. — С. 119, 121.

6. Федоров, П. Дополняя учебную программу / П. Федоров // Советский воин. — 1969. — 26 апреля.

7. Филиал центрального архива Министерства обороны (ФЦАМО). Ф. 10209. Оп. 012906ф. Д. 5. Л. 16.

8. ФЦАМО. Ф. 10191. Оп. 013076ф. Д. 3. Л. 90.

9. Птенцов, П. Г. Патриотическое воспитание в высшей военной школе / П. Г. Птенцов. — Новосибирск : НВВПОУ, 1978. — С. 28.

10. Омское танковое / Под ред. В. Н. Громова. — Омск : Муромцев. район. тип., 1978. — С. 234—235.

11 ФЦАМО. Ф. 10204. Оп. 010510ф. Д. 17. Л. 47—48.

12. Советский воин. — 1975. — 14 марта.

13. ФЦАМО. Ф. 10209. Оп. 012906ф. Д. 5. Л. 16.

14. ФЦАМО. Ф. 10191. Оп. 013076ф. Д. 3. Л. 90.

15. ФЦАМО. Ф. 10205. Оп. 012362ф. Д. 8. Л. 18.

16. ФЦАМО. Ф. 10213. Оп. 026130. Д. 1. Л. 286.

17. ФЦАМО. Ф. 10209. Оп. 012906ф. Д. 5. Л. 16; Д. 12. Л. 19.

18. ФЦАМО. Ф. 10211. Оп. 026165. Д. 1. Л. 289, 350.

19. ФЦАМО. Ф. 10213. Оп. 026130. Д. 1. Л. 267, 285.

20. ФЦАМО. Ф. 10204. Оп. 010509ф. Д. 8. Л. 175—176.

21. Бахтин, В. К. Советский патриотизм — неиссякаемый источник служения Родине / В. К. Бахтин // Военно-патриотическое воспитание молодежи в современных условиях : сб. науч. тр. — Новосибирск : Советский воин, 1975. — С. 124—125.

22. ФЦАМО. Ф. 10204. Оп. 010509ф. Д. 6. Л. 287—288.

23. По материалам газеты «Ленинец» / Архив музея Новосибирского высшего военного командного училища.

24. Приказ начальника НВВПОУ № 43 от 25 февраля 1974 г. // ФЦАМО. Ф. 10204. Оп. 010510ф. Д. 10. Л. 116.

ЛИДЕР Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
Адрес для переписки: N-V-Lider@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 06.07.2015 г.

© Н. В. Лидер

УДК 930.1

В. В. МИРОНОВ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Г. БАТТЕРФИЛЬД И АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена одному из основателей английской школы теории международных отношений. В работе выделяются основные периоды биографии Г. Баттерфильда и анализируются его взгляды на проблемы международной политики. Одна из главных проблем — факторы, способствовавшие обращению историка к междисциплинарным проблемам изучения международных отношений. Исследуется роль Британского комитета по внешней политике в становлении английской теоретической традиции.

Ключевые слова: Г. Баттерфильд, английская школа, теория международных отношений, историография, Британский комитет по теории международной политики.

Имя английского историка — сэра Герберта Баттерфильда (1900—1979) известно многим ученым. Отечественные специалисты считают его знаковой фигурой для английской исторической науки XX века, а его творчество не раз становилось предметом историографического изучения [1, с. 8], [2, с. 73—84]. Обычно исследователей интересовала теоретико-методологическая сторона взглядов британского ученого [3, p. 141—152], [4, p. XI—XVI]. Этому в немалой степени способствовало то, что одна из его ранних работ «Вигская интерпретация истории» (1931) была признана своего рода манифестом консервативного направления английской исторической науки XX века.

Между тем, будучи известным специалистом, профессором новой истории Кембриджского университета, он выступил еще и как участник и организатор Британского комитета по внешней политике. Такое сочетание качеств консервативного историка, крупного религиозного мыслителя и пионера междисциплинарного, можно сказать сциентистского, подхода к международной политике заслуживает более пристального внимания. Чаще всего в качестве «отцов-основателей» британской теоретической традиции называют имена профессора Лондонской школы экономики Чарльза Мэннинга, Мартина Уайта и Хедли Булла. Однако имя Баттерфильда также можно отнести к числу тех, кто формировал научное сообщество британских международников. Как и Мэннинг, он не оставил после себя такого крупного интеллектуального наследия для изучения международных отношений, какое оставили Булл и Уайт, но его вклад в становление английской школы вовсе не сводится лишь к формальному руководству вышеупомянутым комитетом. Для анализа его научного наследия в данной сфере представляется целесообразным остановиться на формировании личности и взглядов ученого.

Баттерфильд родился и вырос в деревне Оксенхоуп в Западном Йоркшире, вобрав в себя и без того не очень горячий темперамент английского севера, какой сами англичане называют термином «tuke». По воспоминаниям С. Т. Макинтайра, начальное образование Баттерфильд получал в торговой и грамматической школе в Кейгли [4, p. XII]. На его мировоззрение серьезным образом повлияла методистская церковь, принадлежность к которой, согласно биографии написанной профессором университета Глазго Брэнноном Хэнкоком, он скрывал вплоть до 1948 года [5]. Спустя многие годы, даже будучи вице-канцлером Кембриджского университета, он регулярно продолжал посещать методистскую церковь, принадлежность к которой выдавали его личная скромность и неприхотливость в быту. Адам Уотсон описывает его как худощавого человека небольшого роста, скромно одевавшегося в твидовый костюм или пальто, ходившего без головного убора в любую погоду, с людьми разговаривавшим спокойно, практически как священник [6, p. IX]. Он и планировал в молодости стать методистским священником, а они в диссентерстве ничем не должны были выделяться от обычных прихожан.

В школе он учился хорошо, и в 19 лет, видя его успехи в обучении, родители отправляют его в Кембридж для получения трехлетнего образования в колледже Петерхауз. При этом его семья не была богатой, а оплачивать обучение помог работодатель отца — собственник небольшой фермы по производству шерсти, у которого молодой Герберт также успел поработать и, по-видимому, заслужить некоторое уважение.

Отец Баттерфильда, Альберт, желал для своего сына судьбы священника, что, по-видимому, было следствием собственного неосуществленного желания. Из-за преждевременной смерти своего отца, то есть деда Герберта, Альберт вынужден был взять на себя содержание семьи и рано прекратил учебу. Отправляя сына в Кембридж, Альберт надеялся, что тот станет методистским епископом [4, p. XII—XIII]. Но годы, проведенные в Кембридже, изменили и стезю, и судьбу Герберта.

В 1922 году, закончив трехлетнее обучение, он получил диплом историка и занялся преподавательской и научной деятельностью. После 20 лет

работы в Петерхаузе он получил профессорское звание в 1944 году.

В 1931 году появляется его небольшая по объему, но принесшая ему известность в стране, работа — «Вигская интерпретация истории» [7]. Выступив сторонником «технической» истории, он критиковал любое целеполагание в историческом процессе, за исключением религиозного. Как диссентер он развенчал идею веротерпимости, отождествлявшуюся у вигов с пуританизмом эпохи революции. Поэтому термин «вигская история» становится символом неприятия любой идеологизированной истории для сторонников консервативного взгляда на написание истории в Великобритании.

Получив известность, он быстро становится редактором Кембриджского исторического журнала, эту должность он занимал с 1938 по 1952 год. Здесь, в период войны, как и в послевоенные годы, проявились его организаторские способности. Он помог восстанавливать исторический факультет в Кембридже, чья деятельность была прервана войной. Впоследствии он становится вице-канцлером Кембриджа, ректором родного для него колледжа Петерхауз. С 1955 по 1958 год Баттерфильд — Президент исторической ассоциации, и в завершение своей карьеры в 1965 году он даже получил титул сэра.

Кроме того, он много преподавал в университете Ирландской республики. Там же он входил в комиссию по высшему образованию. При этом многочисленные награды и звания он воспринимал спокойно. Более того, он ценил и дорожил творческой частью своей профессии. Будучи серьезной административной фигурой, он как-то писал Мартину Уайту: «Я ценю каждую милю, которая отделяет Кембридж от Лондона». Видимо, это также было следствием некоторого религиозного скептицизма и демонстрировало сдержанное отношение ученого к власти. Возможно и то, что у него было сильное внутреннее чувство к гармонии. По воспоминаниям коллег он искренне любил европейскую литературу и музыку нового времени — периода, которым занимался всю свою научную жизнь [6, p. X].

Он был одним из первых историков, который попытался через радио сделать историческое знание популярным. Его лекции по новой истории, будучи спецкурсом для всех желающих, стали пользоваться популярностью у студентов и собирали до 1000 человек. Поэтому одна из радиокомпаний пригласила его прочитать курс лекций в октябре 1949 года, что он и сделал, объединив лекции в цикл программ «Христианство и история».

Он состоялся и как семьянин, но и эта сторона его жизни была омрачена трагедией, способствовавшей укоренению его религиозного кредо. У него было трое сыновей в браке, один из которых умер в детстве, другой стал преподавателем, а третий — католическим священником в Ирландии [5].

В силу таких факторов и обстоятельств его биографии становится понятным, почему Баттерфильд сформировался как консервативный религиозный историк и мыслитель.

Через годы он пронес в себе свое внутреннее религиозное чувство, и, видимо, оно придавало особую телеологию многим его работам. Как минимум все свои произведения он рассматривал как части единого «Словаря исторических идей» — работы, которая должна была объединить разрозненные исследования в единый опыт исторического познания прошлого.

Один из ключевых вопросов, который в этой связи заслуживает внимания, это причины обращения историка к теоретическим аспектам изучения международных отношений. Это вопрос о формировании научных приоритетов у конкретного исследователя. В целом, можно выделить три фактора, способствовавших становлению научного интереса к указанной тематической области.

Первый заключается в том, что, занимаясь изучением новой истории Европы, в сферу научных интересов Баттерфильда стали попадать сюжеты, связанные с историей дипломатии и внешней политики отдельных европейских государств. При этом интерес к международным отношениям у Баттерфильда начал формироваться сразу после окончания университета. Одной из первых работ, написанных молодым ученым, стала «Мирная тактика Наполеона в 1806—1808 гг.», вышедшая в 1920 годы. Книга как раз демонстрировала возможности творческой (субъективной) реконструкции прошлого историком [8]. Наиболее важным последствием этой работы Баттерфильда стал подход к международным отношениям как к истории, в первую очередь, определенных идей и установок. Кроме того, возникнув как один из частных сюжетов изучения истории нового времени, в последующем интерес к внешней политике и международным отношениям развился и стал одним из шести ключевых тем, которые интересовали сэра Герберта всю оставшуюся жизнь.

Второй фактор — это личные связи ученого. Как сам Баттерфильд вспоминал в своей лекции, посвященной памяти Мартина Уайта, проект создания совета по изучению внешней политики ему подсказал его друг. В 1958 году Кеннет Томпсон, эксперт по международным вопросам, вице-президент Фонда Рокфеллера озвучил ему данную идею [9]. Томпсон говорил о том, что если будет создан комитет аналогичный американскому, то такой проект может быть профинансирован.

Было бы слишком просто свести формирование научной школы лишь только к личным связям и организаторским способностям Баттерфильда. Этому препятствует ряд обстоятельств. Во-первых, и до Томпсона у кэмбриджского историка были контакты с американским комитетом, занимавшимся международными отношениями. Как отмечал сам Баттерфильд, он даже написал для американского проекта небольшой случайный доклад [9].

Во-вторых, письмо Томпсона — не гарантия финансирования. История с проектом, подготовленным профессором Мэннингом, который после конференции ЮНЕСКО 1954 года обращался за поддержкой в Фонд, показала, что это не было слишком простым вопросом. Потребовалась работа экспертов и личная переписка между Президентом Фонда Дином Раском и ректором Лондонской школы экономики Александром Карр-Сандерсом, чтобы принять решение о финансировании вопросов такого рода. Такие проекты междисциплинарного характера, да еще и по специфическим проблемам требовали более глубокой проработки, организационной базы, экспертных заключений. Томпсон просто задействовал имеющиеся личные связи для обсуждения профессионального вопроса, что часто встречается при реализации научных проектов с участием экспертного сообщества.

В-третьих, Баттерфильд писал, что не считал себя докой в данном вопросе и не мог полностью взять на себя организацию семинара в одиночку.

Он считал, что необходимы четкие знания по международной политике. Поэтому здесь нужны были именно исследователи соответствующего профиля, а не преподаватели и организаторы. Отказ Мэннингу наглядно об этом свидетельствовал.

Поэтому личный фактор сыграл роль импульса при организации семинара на начальной стадии, но не был решающим в становлении всей английской школы. Он способствовал лишь институциональному оформлению теоретического подхода, который уже существовал среди определенной группы ученых.

Третьим фактором, способствовавшим становлению интереса к теоретическим аспектам международной политики у Баттерфильда, было неприятие так называемого вигского подхода к интерпретации истории. Вследствие этого он стал активно интересоваться альтернативными теоретическими подходами, а история международных отношений открывала благоприятные возможности. Как и в отечественной науке, в британской международники изначально «рекрутировались» из историков и бывших дипломатов. История давала в этом смысле богатые возможности для некоторых теоретических обобщений.

Еще в начале 1930 гг. Баттерфильд подверг критике базовые установки либеральной историографии. В частности, он не разделял идею линейного и прогрессивного развития исторического процесса. «История — это не изучение происхождения чего-то, скорее анализ всех попыток примирения, которые обрекли прошлое на современность» [7, p. 47]. Вигский метод интерпретации истории объясняет современность через историю и предполагает неизбежное деление исторического процесса на друзей и врагов прогресса [7, p. 5]. Он сводится к драматизации исторического повествования, так как ставит в центр борьбу сил, которые, в действительности, имеют место быть внутри каждого поколения [7, p. 39]. Вигский метод связывает разрозненные исторические источники идеей целеполагания в истории, он вводит прогрессивную линию в развитие исторического процесса.

Ошибочность подобного взгляда на историю, по Баттерфильду, заключается в самом подходе, с помощью которого урезается комплексность истории. В результате практики наложения абстрактного мышления теряется связь с реальным историческим контекстом, а историк берет на себя роль судьи и организует повествование от прошлого к настоящему [7, p. 30]. В действительности, согласно Герберту Баттерфильду, то, что может сказать историк о прошлом, почти всегда тавтологично. Историк не просто наблюдатель, он плохой наблюдатель, так как его воображение делает прошлое чувствительным к современности.

В этом далеко не полном перечне идей Баттерфильда чувствуется живой интерес тридцатилетнего ученого к теоретическим аспектам исторического знания. В практике собственных исторических изысканий ученый почти всегда полагался на тщательную работу с историческими источниками и в их интерпретации редко давал волю произвольной трактовки. Это вовсе не значит ригидности мышления ученого или его ретроградности. Он пишет не о национальных интересах, а о «raison d,etat», о «dignity», а не национальной стратегии. При этом его работы отличают и богатое воображение, и широкий исторический кругозор. Его собственный подход часто напоминает искусство исторической реконструкции. Он не принимал вульгаризации истории, с одной стороны, но он не был сторонником и «технической истории» — с другой.

В 1940 годы, когда историк находился в рассвете своих творческих сил, он продолжил развивать некоторые аргументы критики вигского взгляда в работе «Англичанин и его история» [10]. Более того, он укрепился в своей позиции. Уже на первых страницах данной книги Баттерфильд говорит о вигском подходе как о синониме английской традиции интерпретации истории. Теперь это не просто специфический взгляд на английскую историю, но фактор, формирующий британское общественное сознание [10, p. 2]. Тори, в отличие от вигов, собственной традиции исторической интерпретации не создали. Либералы же в своих исходных взглядах на историю сумели объединиться с протестантами, в то время как тори и католики друг друга критиковали [7, p. 12].

Вигские историки не наносили вреда тем, что они симпатизировали тем или иным событиям. Но они обращали внимание на исторические сюжеты, которые вызывали симпатию только у них [10, p. 71]. Поэтому английская история стала восприниматься с позиций протестантского Провидения и как история компромиссов [10, p. 83, 92, 97]. Этот подход они имплицитно противопоставляли взгляду на французскую традицию, в которой видели, прежде всего, чреду разрывов и революций.

Такие оценки показывают, что историк лишь укрепился в своей позиции осторожного подхода к изучению истории после Второй мировой войны. В целом он отстаивал позитивистский взгляд на практику историописания. Поэтому, если необходимо изучать историю международных отношений, то это должны делать специалисты и лица, которые корректно относятся к историческим источникам и их интерпретации. Здесь истоки его представлений о балансе сил как основе изучения международной политики в истории. Он редко упоминал в своих трудах понятие международное общество. В силу чего его подход — это лишь констатация необходимости профессионализма, но не потребность в теоретизировании. Он предупреждал об опасности использования теоретических схем и даже не всегда оправданного манипулирования такими понятиями, как государство, общество или Германия, полагая, что за ними стоят конкретные люди, а не просто абстрактные слова [11, p. 15].

Он придавал большое значение вопросам морали в международных отношениях прошлого и настоящего. В частности, Баттерфильд писал об опасности конфликта идеалов между коммунизмом и демократией в 1970 гг. С его точки зрения, миссионерское начало в коммунизме выражено сильнее. Западу такой общей цели не хватает. Отчаянные попытки сохранения status quo — тот максимум, на который может рассчитывать эта позиция, следуя балансу сил в международных отношениях. Поэтому вопросы морали в идеологических конфликтах XX века увеличивали свой вес. В качестве альтернативы он пытался предложить некоторое религиозное видение мира.

Как писала в предисловии к одной из книг историка Рут Аншен, современный человек привык считать мир результатом своего творения. Это следствие секуляризма и вульгарного натурализма. Баттерфильд же отстаивал веру в трансцендентное. Она предполагает видение мира не как

существующей данности, а как единство субъекта и объекта [11, p.7]. Тем не менее в 1950—1970 годы в рамках работы комитета, несмотря на сохраняющий теоретический скепсис, Баттерфильд, высказал ряд частных интересных гипотез относительно теоретических аспектов изучения международных отношений.

Оценивая вклад Герберта Баттерфильда в формирование английской школы теории международных отношений, необходимо отметить, что он может по праву считаться одним из ее создателей. Его роль проявилась в двух направлениях, из которых первое заслонило второе. Первое — это его организаторский вклад в создание и руководство комитетом по внешней политике. Будучи известным историком, ему удалось в данном проекте сформировать нестандартное междисциплинарное научное сообщество. И хотя Адам Уотсон пишет в своих мемуарах о работе комитета, что формально уже с первых встреч существовало два председателя, а основная содержательная роль постепенно переходила к Уайту, явно лидирующему в обсуждениях. Однако на сессиях комитета всегда председательствовал Баттерфильд [12]. В 1967 году после записки кембриджского историка Уайт становится председателем. Это говорит о спокойной смене руководства в комитете, занимавшемся творческой деятельностью. Не стоит забывать, что в жизни они оставались друзьями, а смерть Уайта в 1972 году была тяжелым потрясением и для самого Баттерфильда.

Второе и, несомненно, важное направление, — это творческий вклад Баттерфильда в формирование идейных основ британской школы. Здесь уместно заметить, что влияние его интеллектуального наследия можно проследить в творчестве представителей различных поколений школы.

Так, например, с Мартином Уайтом его сближает религиозное восприятие мира. Уайт начинал как христианский пацифист в межвоенный период. Более того, видимо, религиозное кредо и стало основой разработки его телеологической концепции системы государств.

Как минимум, религиозность нельзя считать случайностью в биографии двух основателей школы. Возможно, теоретический анализ международных отношений был рациональной альтернативой выхода из мировоззренческого кризиса для обоих мыслителей. Уайт и Баттерфильд были единомышленниками, а не конкурентами в предметном поле изучения международных отношений. Этот творческий тандем позволил сформировать преемственность в работе комитета по изучению внешней политики.

Примечательно и то, что ключевую для каждого из них проблему баланса сил ученые изучали совместно, а разность подходов к исследованию данной темы была скорее следствием своеобразного разделения труда, чем конкуренцией между двумя поколениями в школе.

С Хедли Буллом Баттерфильда роднит понимание международной системы как международного общества. Классическое определение международного общества обоими было воспринято у историков Геттингена, а не заимствовано из теории систем и работ американских реалистов.

С Ричардом Литтлом Баттерфильда объединяет интерес к идеям и дискурсу в международных отношениях. Если Баттерфильд в равновесии видит центральную идею международной политики, то Литтл в балансе метафору и миф [13, p. 50—87]. Но примечательно, что работы обоих написаны на почти одних и тех же источниках по международной политической мысли. Оба отталкиваются от Макиавелли и Гвиччардини, оба уделяют внимание воплощению идеи в одних и тех же текстах международных европейских договоров нового времени.

С Александром Вендтом, представляющим еще одно направление в современном постпозитивизме, Баттерфильда роднит конституирующая роль идей в международной сфере.

Вендт склонен объяснять то или иное явление через концепты политики. Баттерфильд же из центральной для него идеи выводил собственное представление о международных отношениях в целом [14].

Такие интеллектуальные параллели свидетельствуют не только о еще не очень хорошо изученной стороне таланта историка, сколько о том, что концепция международного общества как раз была той частной научной теорией, которая позволяла сохранять преемственность при передаче знания от поколения к поколению.

Эта центральная тема творчества Баттерфильда была им не только осмыслена, но и отчасти реализована в английской школе теории международных отношений.

Он не является создателем концепции международного общества, но эта центральная категория разрабатывалась внутри школы при его непосредственном идейном участии.

Библиографический список

1. Согрин, В. В. Современная историография Великобритании / В. В. Согрин, Г. И. Зверева, Л. П. Репина. — М. : Наука. — 1991. — 232 с.

2. Шарифжанов, И. И. Английская историография в XX веке / И. И. Шарифжанов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та. — 2004. — 238 с.

3. Coll Alberto R. The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and philosophy of International Politics. Durham, Duke University Press, 1985, 158 p.

4. Butterfield. H. Writing on Christianity and History. Ed. and introduced by McIntire C.T. Oxford, N.Y., Oxford University Press, 1979, 125 p.

5. Hancock Brannon. Herbert Butterfield. Biography [Electronic resource]. — Mode of Access : http://www.giffordlectures.org/Author.asp?AuthorID=32 (Date of Access: 15.03.2015).

6. Watson Adam. Introduction // Coll Alberto R. The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and philosophy of International Politics. Durham, Duke University Press, 1985, 137 p.

7. Butterfield H. The Whig Interpretation of History. N.Y., Norton Company, 1965, 135 p.

8. Butterfield, Herbert. The Peace Tactics of Napoleon, 1806—8. London, 1929, 213p.

9. Butterfield H. Raison d'йtat. The Relations between morality and Government [Electronic resource]. — Mode of Access : http://www.mwmt.co.uk/documents/ butterfield.pdf (Date of Access: 15.03.2015).

10. Butterfield H. The Englishman and his History. Cambridge, Cambridge University Press, 1944, 142 p.

11. Butterfield H. International Conflicts in Twentieth Century. A Christian View. Connecticut. Greenwood press, 1974, 123 p.

12. Watson A. The British Committee for the Theory of International Politics. November, 1998 [Electronic resource]. — Mode of Access : http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson-bull02.pdf (Date of Access: 15.03.2015).

13. Little Richard. The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 317 p.

14. Wendt, Alexander. On Constitution and Causation in International Relations // The Eighty Years Crisis: International Relations 1919—1999. Ed. by Tim Dunne, Michael Cox, Ken Booth. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, p. 101—117.

МИРОНОВ Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры истории и теории международных отношений.
Адрес для переписки: vvm_512@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2015 г.
© В. В. Миронов

УДК 94(470)"1970/1980":908:338.48(571.13)

А. С. ПОЛЫНСКИЙ

Омский государственный институт сервиса

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 70-х—80-х гг. XX ВЕКА

Успешное развитие туризма в Омской области невозможно без анализа опыта организаций, работавших в данной сфере в период расцвета социализма и реализации наиболее результативных социальных мероприятий, направленных на отдых и сохранение здоровья граждан СССР. При выборе перспективных направлений развития регионального туризма в настоящее время и форм его организации следует знать историю развития данной сферы деятельности, возникавшие проблемы, состояние ресурсов, туристические маршруты и другие составляющие туристской деятельности.

Ключевые слова: Омская область, история туризма, туристические ресурсы, Областной совет по туризму и экскурсиям, туристические маршруты.

В литературе, посвященной истории туризма в нашей стране, отмечается, что ещё на рубеже 60-х—70-х гг. XX века происходит переход от организационно-централизованного этапа развития туризма, связанного с доминированием идеологических функций к административно-нормативному этапу, который характеризовался большей социальной и рекреационной направленностью. Целью данной статьи является рассмотрение состояния туристических ресурсов в Омской области в 70-е—80-е гг. XX века, времени наивысшего развития советского туризма, вслед за которым последовал его крах.

Омская область в 70-х—80-х гг. XX века традиционно не являлась крупным туристическим центром, но имела определенную инфраструктуру и ресурсы, способствовавшие реализации основных целей и задач, устанавливаемых государством. К середине 80-х гг. XX века на территории Омской области действовали различные туристические организации: в городе Омске — Областной совет по туризму и экскурсиям (ул. Иосипа Броз Тито, 2); Дом туриста, где были расположены: бюро путешествий и экскурсий, городской туристический клуб, салон проката туристического снаряжения (ул. Гагарина, 2); туристический клуб ДСО «Урожай» (ул. Булатова, 37); туристический клуб ДСО «Труд» (ул. Певцова, 1).

В городе Таре действовало Бюро путешествий и экскурсий, расположенное на стадионе им. Тарского Комсомола, также подобные бюро действовали в Калачинске, Исилькуле, Павлоградке и Большеречье.

Туристические ресурсы Омской области включали в себя музеи, стационарные выставки, библиотеки, театры и цирк, концертные залы, дворцы и дома культуры, кинотеатры, спортивные сооружения, санатории-профилактории, турбазы, гостиницы, рестораны, универсальные и специализированные магазины, рынки, вокзалы и агентства. Полный спектр инфраструктурных туристических объектов на территории региона был сформирован в г. Омске как областном центре. Согласно данным Н. С. Фальковича, в Омске в середине 80-х гг. XX века насчитывалось 5 парков, 9 садов, 400 скверов, 5 государственных и более 30 общественных музеев, 54 клубных учреждения, 4 профессиональных театра и цирк, 13 кинотеатров, 53 библиотеки, 11 стадионов, 22 крытых плавательных бассейна, 23 санатория-профилактория и многое другое [1, с. 55, 65, 85, 90, 95, 98, 106].

Из всего многообразия туристическая карта Омской области 1987 года предлагала к услугам туристов и гостей города 4 музея, 3 выставки, 2 библиотеки (Пушкинская и в Доме политпросвещения), 4 театра, 2 концертных зала, 6 дворцов и домов культуры, 4 кинотеатра, 7 спортивных сооружений, 6 гостиниц, 9 ресторанов, 4 из которых находились при гостиницах, 8 магазинов, 2 рынка (Центральный и Ленинский), 2 вокзала (Железнодорожный и Речной) и агентство Аэрофлот. Ряд объектов были расположены в городе Таре. К ним можно отнести 2 музея, первый — Д. М. Карбышева при одноименной школе-интернате, второй — Историко-архитектурный музей-филиал Омского объединенного исторического и литературного музея,

расположенный в на тот период бывшей Спасской церкви города Тары. Также Тара предлагала услуги трех библиотек, одного кинотеатра, стадиона, гостиницы, ресторана, СТО «ВАЗ», пяти магазинов, колхозного рынка, дома быта и двух вокзалов [2].

Областной совет по туризму и экскурсиям во второй половине 80-х гг. XX века предлагал жителям Омской области и гостям города и области более 300 туристических маршрутов: автобусных, железнодорожных, авиационных, пешеходных и лыжных, велосипедных, водных, конных [3, с. 5].

Основная масса автобусных маршрутов связывала между собой г. Омск и населенные пункты Омской области, в основном районные центры. Часть маршрутов проходила между населенными пунктами Омской области, в основном по районным центрам. За пределы Омской области уходили маршруты: Омск — Петропавловск (271 км) и Омск — Боровое (561 км). Протяженность маршрутов составляла от 30 км (Омск — Подгородка), до 561 км (Омск — Боровое). Самым протяженным внутриобластным маршрутом был маршрут Омск — Тара (295 км)

Среди маршрутов выходного дня, предлагавшихся Омским бюро путешествий и экскурсий, были маршруты на поездах: Омск — Новосибирск — Омск; Омск — Кокчетав — Омск; Омск — Свердловск — Омск. В начале 70-х гг. XX века бюро организован поезд «Здоровье» (зимой — «Снежок»), отправлявшийся с перрона железнодорожного вокзала до разъезда Развязка (в 5 км от станции Сыропятское). Поезд состоял из 9 — 10 вагонов, в пути, около 40 — 50 минут, пассажиры слушали радиопередачи на краеведческие темы, об истории железной дороги, посвящённые В. И. Ленину. По прибытии на место летом туристы уходили в березовую рощу, загорали, играли в бадминтон и волейбол, танцевали. Осенью собирали грибы, а зимой катались на лыжах и санках со склонов реки Оми [4, с. 87 — 90].

Ещё в 50 — 60-е гг. XX века спортсменами-туристами были освоены сложнейшие маршруты на севере Омской области, такие как маршрут из села Васисс Омской области до посёлка Новый Васюган Томской области, относящиеся к V категории сложности. Конечно, массовому туристу такие сложные пути были не по силам, им предлагались пешеходные и лыжные маршруты протяженностью от 45 до 280 км. Все предлагаемые маршруты, кроме одного: Чернолучье (турбаза «Иртыш») — Красноярка — Алексеевка — Чернолучье (45 км) имели соответствующую категорию сложности. Наиболее сложным маршрутом, имевшим третью категорию сложности, был маршрут: Тевриз — Новоникольск — река Урна — Ларионовка — Усть-Шиш, продолжительностью в 16 дней и протяженностью в 280 километров. Также было три маршрута, имевших 2-ю категорию сложности: Тевриз — река Тевриз — река Бол. Тава — Усть-Ишим, продолжительностью в 9 дней и протяженностью в 200 километров; Тевриз — Кузнецово — Вятка — Усть-Ишим, продолжительностью в 8 дней и протяженностью в 180 километров; Васисс — Петровка — река Ягылъях, продолжительностью в 7 дней и протяженностью в 170 километров.

Остальные пешеходные и лыжные маршруты, предлагавшиеся массовому туристу, имели 1-ю категорию сложности: Тара — Екатерининское — Нагорное — Поречье — Муромцево — Артын — Большеречье, продолжительностью в 6 дней и протяженностью в 150 километров; Муромцево — Вятка 1-я — Унара — Тара, продолжительностью в 6 дней и протяженностью в 160 километров; Крутинка — Китерма — Усть-Логатка — Кабырдак — Белоглазово — Тюкалинск, продолжительностью в 10 дней и протяженностью в 210 километров.

Центром всех областных велосипедных маршрутов являлся город Омск. Маршруты имели протяженность от 263-х до 474-х километров, продолжительность от шести до 10 дней и категории с 1-й по 3-ю. Самый протяженный маршрут: Омск — Красный Яр — Саргатское — Большеречье — Муромцево — Камышино-Курское — Сухое — Омск, имел протяженность 474 километра, продолжительность 10 дней и 3-ю категорию сложности.

Водные маршруты включали в себя путешествия на гребных судах и путешествия на теплоходах и катерах. Маршруты на гребных судах, предлагавшиеся для массового отдыха, имели 1-ю категорию сложности, одним из самых протяженных был маршрут: Нижняя Омка — Калачинск — Омск в 230 километров. Ряд маршрутов проходили по северной части области: Васисс — Атирка — Усть-Шиш (210 километров); Низовое — Муромцево — Усть-Тара (200 километров); Седельниково — Унара — Пологрудово (171 километр).

В путешествие на теплоходах и катерах можно было отправиться с мая по сентябрь, либо по одному из двух коротких, однодневному: Омск — Розовка или двухдневному: Омск — Чернолучье — Красноярка, для любителей более длительных путешествий существовал маршрут: Омск — Тобольск — Ханты-Мансийск — Салехард (по рекам Иртыш и Обь), продолжительностью в 18 дней. В 1987 году Омским бюро путешествий и экскурсий предлагался новый маршрут: Омск — Усть-Ишим — Тобольск — Горноправдинск — Ханты-Мансийск — Сургут — Нижневартовск — Нарым — Колпашево — Томск — Новосибирск, продолжительностью в 15 дней [3, с. 28].

К услугам туристов были конные маршруты, такие как: Омск — Конезаводский — Степное — Китайлы — Конезаводский — Омск, протяженностью в 140 километров и продолжительностью в 16 дней и Старокарасук — Большеречье — Турбаза «Большереченская», протяженностью в 90 километров и продолжительностью в 10 дней.

Таким образом, в 70-х — 80-х гг. XX века Омская область, не относившаяся к крупным туристическим центрам страны, имела туристическую инфраструктуру и ресурсы, способные удовлетворять познавательные и рекреационные потребности населения. Элементы туристической инфраструктуры в основном были сосредоточены в областном центре, городе Омске, но уже в 80-х гг. бюро путешествий и экскурсий помимо областного центра имелись в четырех райцентрах Омской области, что способствовало расширению туристических маршрутов и привлечению к туризму большего числа жителей региона. Развитие туризма в Омской области, на современном этапе, является одной из неотъемлемых задач её социально-экономического развития, формирование проектов развития различных туристических направлений требует всестороннего изучения опыта прошлых лет.

Библиографический список

1. Фалькович, Н. С. По нашему городу: справочник-путеводитель по Омску / Н. С. Фалькович. — Омск : Кн. изд-во, 1986. — 112 с.

2. Туристическая карта Омской области / Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР ; ред. Н. Б. Смирнова ; тех. ред. М. С. Ныркова. — 1 : 800000. — М., 1987.

3. Туристическо-экскурсионные маршруты : реклам. проспект / Ом. обл. совет по туризму и экскурсиям. — Омск, 1987. — 40 с.

4. Туристические маршруты по Омской области. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во (Ом. отд.), 1971. — 112 с.

ПОЛЫНСКИЙ Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, проректор по учебно-методической работе.
Адрес для переписки: asp_ogis@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.11.2014 г.
© А. С. Полынский

УДК 9(571.1)(002):9(470.661)

И. Г. БУРАКОВ

Омский государственный педагогический университет

ОТОБРАЖЕНИЕ «СВОБОДНОЙ» ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТЬЮ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА ДЕЙСТВИЙ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО ПОРЯДКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. 1995 ГОД

В статье посредством контент-анализа предпринята попытка выявления отношения таких носителей и распространителей общественно значимой информации, как печатные СМИ, к происходившим в Чеченской Республике событиям. Даны характеристики оппозиционных городских газет в Новосибирске и Омске. В работе рассматривается оценка печатными СМИ политических и общественных процессов в стране, а также выявлена степень отражения газетами событий в Северокавказском регионе.

Ключевые слова: Чеченская Республика, общественное мнение, «Ореол-экспресс», «Молодая Сибирь», восстановление конституционного порядка.

Вопрос об отражении в независимой и партийной печати заявленных событий практически не изучен, авторы исследований по проблемам современной печати его обошли [1]. Исключением является статья С. В. Новикова, включённая впоследствии в контекст монографии и докторской диссертации [2].

Между тем заявленная тема не потеряла актуальности вследствие появления в обществе противоречивых суждений о войсковых операциях на Северном Кавказе, что связано с появлением в социальном срезе российского общества новых лиц — ветеранов боевых действий, инвалидов и беженцев. К тому же с момента издания Указа Президента РФ № 2169 от 11 декабря 1994 г. «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики», уже ведущиеся к тому времени боевые действия приобрели официальный характер. Соответственно отражение событий на Северном Кавказе рассматривается с этого момента.

Решая задачу определения происхождения материалов, дадим краткую характеристику газет. Газета «Ореол-экспресс», далее по тексту «Ореол» (г. Омск), свободная еженедельная газета. Выходила с периодичностью 4 раза в месяц, на 24 полосах. Тираж издания в январе—марте 1995 г. составлял 198000 экз. Учредитель, издатель и распространитель — ТОО «Ореол». Директор — В. П. Сальников, главный редактор — Ю. В. Васильева. Газета зарегистрирована Омской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации. Регистрационное свидетельство № Г — 0381 от 11 апреля 1994 г. Основные темы: политическая (10—15 %) и экономическая (10—15 %) жизнь города. Реклама занимала от 25 до 30 % от общей массы информации. Среди рекламодателей — Омскпромстройбанк; банк «Российский кредит» и Инкомбанк; Страховые компания «Хопер-инвест» и «Омск—Аско»; банк «Согласие», пивоваренная компания «Росар», инвестиционная компания «Русский дом Селенга».

Газета «Молодая Сибирь» (г. Новосибирск). В январе—марте 1995 г. тираж, составлял 61000 экз. и вырос до 66000 экз. Газета выходила с периодичностью 4 раза в месяц на 40—48 полосах. Учредители: редакционный коллектив. Исполнительный редактор — В. М. Досычев, заместитель редактора — К. Кантеров, Газета зарегистрирована в региональной инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Регистрационное свидетельство № Г—0317 от 05 мая 1994 г. Реклама занимала 45—50 % от общей массы информации, напечатанной. Основными темами являлись

культурная (5—8 %), политическая (8—12 %) и экономическая (10—13 %) жизнь города. Среди рекламодателей — «Смирнофф», «Филип Морис» и Военно-страховая компания; туристические фирмы, магазины электроники, оружия и мебели, Внешторгбанк, торговые оптовые базы, реклама зарубежных фильмов.

В ходе анализа СМИ выявлено, что обе газеты были учреждены коллективами редакций, обилие рекламы, присутствие большого количества развлекательных публикаций, обязательный выпуск программы телепередач говорит о преследовании коммерческой выгоды и относительной независимости газет от политических организаций и органов власти.

В рамках анализа рассмотрим публикации с трех позиций: политической оценки действий руководства РФ, оценки чеченских сепаратистов как военного противника, экономических и финансовых последствий военных действий.

Первая позиция. Газета «Ореол-экспресс»: в рубрике «Российский телеграф» (горячие точки. Чечня) в информационной заметке, за подписью «Информация Ореола-экспресс», «ИМА-пресс» и «РИА-новости», в номере от 18 января 1995 г., под названием «Требует отставки военного руководства» сообщает со слов члена думского комитета по международным делам С. Станкевича — «Потери российских войск в ходе чеченского конфликта вышли на неприемлемый уровень, продемонстрировав фатальную беспомощность командования»[3]. В рубрике «Так и живем» от 19 января 1995 г. опубликована художественно-публицистическая статья Н. Яковлевой из поселка Красный Яр Любинского района Омской области, под названием «Героем он не был»: «Сашу Юрьева хоронили всем поселком... На кладбище играл духовой оркестр, над могилой дали залп из четырех ружей. А между тем Саша вовсе не был героем. Он был обычным восемнадцатилетним мальчишкой, который не успел даже поцеловать ни одну девчонку... Перед Сашиной матерью Надеждой Юнаевой — он стоял на коленях, просил прощение за то, что убило не его, а ее сына — совсем еще пацана» [4].

В рубрике «Коллаж» (Житуха), в номере от 1 февраля 1995 г. была размещена информационная заметка О. Елизаровой под названием «Списки погибших омичей растут» — «...более двух десятков солдатских родителей в воскресенье отправились поездом в Моздок. ...Председатель Омского совета солдатских родителей В. Артемьев пояснил, что ... обладминистрация оплатила мягкий вагон, железнодорожное начальство выделило проводников... Призвав пацанов, облвоенкомат посчитал свое дело сделанным, а там хоть трава не расти... Две недели председатель не мог попасть на прием к мэру В. Рощупкину... «мэрия знает о просьбе совета, но ничем помочь не можем»... счет погибших омичей приближается к двадцати». Там же статья под названием «Решение о новогоднем штурме Грозного было принято на дне рождения Грачёва?» — «Не существует приказа Президента, который предписывал бы войскам вести боевые действия в Чечне. Единственное обоснование для этого — приказ министра обороны. Но у него нет полномочий отдавать такие приказы» [5]. Интерес, на фоне ранее перечисленных статей, представляет подборка из писем солдат: под общим заглавием «Письмо оттуда» — подзаголовок — «Уже 20 человек в пятой роте убило»: «...По дороге встретили танки, БМП, машины — это их бабы-снайперы подбили, которые биатлоном занимались... Когда ехали сюда, нам навстречу проезжали 3 машины с убитыми и ранеными. Наша бригада воюет в Грозном, уже 20 человек в пятой роте убило... Ваш сын....». Подзаголовок — «Они пишут на воротах: «Здесь живут люди» — «Служба моя проходит нормально. Был в Грозном, там все горит... Во дворе лежит труп гражданского приваленный к воротам... За три дня здесь убивают столько солдат, сколько за месяц в Афганистане, трупы увозят в машинах, а что показывают по телевизору — все ерунда... Много частей уже разбито, остались единицы солдат... Все будет нормально, ваш сын....», это подборка из номера газеты от 23 марта 1995 г. [6]. Завершает цикл публикаций статья от 3 мая 1995 г. под заголовком «Состояние наших в Чечне — плохое» из неё со ссылкой на известного психолога Китаева-Смык, вернувшегося недавно из зоны боевых действий, следует, что «у федеральных войск в Чечне явно просматривается синдром побежденной армии» [7].

Новосибирская газета «Молодая Сибирь» от 19 января 1995 г. размещает в рубрике «Детали» информационно-аналитическую статью под названием «Неизвестная война. Минута умолчания». Автор С. Поляков пишет: «...Вы слышали, самолетом в Новосибирск доставлена группа раненых военнослужащих-сибиряков из 50 человек? ...И прибыло около десяти комплектов «груза-200», в ящиках из-под патронов. ....Однако за все время военных действий в Чечне ни СибВО, ни мэрии, ни обладминистрации не провели, ни одной пресс-конференции по этому вопросу... « P.S. Итак, использованы все «официальные источники», о которых упоминал пресс-центр СибВО. Ни опровергнуть, ни подтвердить новый слух никто не смог. Поэтому я и пишу: первая партия добровольцев отправлена в Чечню. И жду очередного заявления пресс-центра СибВО». В этом же номере критическая статья под названием «С днями победы, дорогие товарищи» — автор А. Пименов. Статья с подзаголовком — «Боясь опережать события и не видя смысла комментировать их постфактум, попробуем высказаться по конкретному поводу в традиционно абстрактной форме» — «...Соцреализм: победа худшего над плохим.... Произошло главное: соответствующий прецедент проканал, и теперь можно все. Опять... теперь тоже очень просто: по закону войны, скажем, взятый город отдается на день-на три на разграбление — чтобы стимулировать солдат на новые подвиги и устрашить жителей других населенных пунктов (солдат при этом не обогатится, понятно, больше набезобразничает, зато генералы и близкие к ним штатские лица вывозят добро вагонами»[8].

Как бы завершая тему, связанную с потерями, в рубрике «Абзац» газета в номере от 23 февраля 1995 г. (День защитника Отечества) в информационной подборке без заглавия, но со ссылкой на ИМА-пресс сообщает, что «53 % россиян (прежде всего женщины и молодежь), опрошенных фондом «Общественное мнение», положительно относятся к тому, что некоторые военнослужащие — как рядовые, так и генералы отказываются выполнять приказы в ходе военных действий в Чечне. Осуждают такое поведение 24 % респондентов, в первую очередь — сами военные. Впрочем, треть их солидарна с непокорными коллегами [9].

Отдельно говоря о публикациях газеты, можно отметить статьи В. Новодворской. Например,

в рубрике «ОП — Позиция» (Информбюро). Публицистическая статья в номере от 9 марта 1995 г. под заголовком «Недолго нежил нас обман»: «Чеченцы не христиане. Когда их бьют по левой щеке, они, вместо того чтобы подставить правую, бьют в ответ обидчика по обеим». Далее автор статьи рассуждает, что в Грозном 17 тысяч убитых горе-империалистов... Российские генералы, — по её мнению, приказали сбросить их в ущелья и зарыть в котлованах, дабы не включать статистику. «Видимо, храм Христа Спасителя как раз подоспеет, чтобы увековечить поражение русского народа в войне чеченцев против Российской империи....Набив руку на пытках и расстрелах, научившись убивать, избивать сапогами, истязать, российское воинство займется усмирением шахтеров, правозащитников, журналистов, демократов», — рассуждает В. Новодворская» [10]. Еще ранее с пометкой — специально для «Молодой Сибири», в номере от 20 апреля 1995 г., под заголовком «Три источника или три составные части фашизма» В. Новодворская писала — «...Нация, больная фашизмом, является бациллоносителем. Россию надо поместить в карантин. Наши легионы печатают шаг, наши штурмовики, заняв село Самашки, повесили 30 чеченских детей, а подростков 14—15 лет привязывали к танкам и волокли, до смерти разрывая на куски о препятствия. Хороший чеченец — мертвый чеченец. Так считает спецназ. Ну что же, два Рима пали, третий заваливается, четвертого, хочется верить, не будет. Однако вернемся к нашим баранам и накроем свой праздничный стол. 9 Мая фашистская Россия отметит пятидесятилетие победы над фашисткой Германией» [11]. Тему, начатую В. Новодворской, продолжают материалы, сделанные с подачи «Мемориала» в качестве информационно-публицистической заметки редакции, в том же номере, под заголовком «Первые среди главных: Чечня и выборы». Автор пишет: «Выборы и Чечня — две российские темы, главные сейчас и в стране, и в мире (по крайней мере, Россия в мире сейчас упоминается в основном в связи с Чечней и выборами)... Слово «Самашки» уже неделю не сходит со страниц западных газет. Европейский союз выступает с обращением к российскому руководству с требованием положить конец кровопролитию и нарушению прав человека в Чечне, лишь наш официоз по-прежнему заявляет, что ничего особенного не произошло... Очевидцы, по словам Блинушева, достоверно заявляют об убийстве как минимум 47 жителей от 17 до 70 лет. Сотрудники «Мемориала» сообщили, что до начала операции федеральных войск в Самашках находилось несколько десятков раненых, из которых были вывезены и выжили лишь 13 человек... По данным «Мемориала», федеральные войска во время взятия села применяли огнеметы»[11].

Далее, обращаясь к такому вопросу, как оценка чеченцев как военного противника, целесообразно проанализировать рубрику «Российский телеграф» (горячие точки. Чечня). Информационная заметка в номере от 1 февраля 1995 г. под названием: «"Аллах Акбар", — они кричали и немцам, когда воевали за Советский Союз»: «...Конфликт в Чечне не имеет под собой религиозной почвы, — заявил представитель деловых кругов чеченской диаспоры Абдурашид Дудаев. По его словам, не стоит делать каких-либо далеко идущих выводов из того, что чеченцы сражаются с именем Аллаха на устах....». Далее в новосибирской газете явно прослеживаются оправдательные мотивы действий чеченских боевиков, а редакция газеты как бы абстрагируется от позиции своей страны [12]. Тему продолжает публикация В. Новодворской с пометкой — специально для «Молодой Сибири», в номере от 20 апреля 1995 г., лидер прозападных диссидентов ещё советского времени пишет: «....Вот чеченцы — они лучше, чем мы, к антифашистской деятельности подготовлены. Умеют целиться, умеют стрелять. Умирать умеют... После своей гибели воины Джохара Дудаева, наверное, превратятся в белых журавлей, как это и положено солдатам Свободы» [11]. Накануне 50-летия Победы отдел политики газеты «Молодая Сибирь» в номере от 4 мая 1995 г., под названием «Чем больше мая, тем меньше мира и труда» помещает следующий текст: «...Помимо труда, не хватает у нас также и мира. Чеченское сопротивление не признало мораторий на боевые действия, объявленный Москвой по случаю Дня Победы». Впрочем, Чеченцев можно понять, как представителей народа, репрессированного в годы войны. А потому для них что Гитлер, что Сталин, что Ельцин... В общем, боевые действия в Чечне не прекращались и даже после невзятия федеральными войсками Бамута усилились....» [13].

Экономические оценки боевых действий и их последствий на страницах газет. Вернее, в «Молодой Сибири» (г. Новосибирск) их нет. «Ореол» (г. Омск) со ссылкой на центральные информагентства в номере от 1 февраля 1995 г. под названием «Чеченцам в контакт не вступать» пишет: «...Отмечается, что в результате войны в республике погибли тысячи мирных жителей, нанесенный ее хозяйству ущерб оценивается, по предварительным данным, в 2,5 миллиарда долларов» [5]. Продолжая тему в номере от 15 февраля 1995 г. газета в статье под названием «Война встает в копеечку» доводит до читателя — «...5 миллиардов рублей выделило Министерство финансов России на ремонтно-восстановительные работы лечебно-профилактических учреждений Чечни. Еще 4,5 миллиарда пойдут на пребывание в зоне конфликта российских медиков. На сегодняшний день в регионе находятся 326 врачей добровольцев» [14]. Тема продолжена в статье под заголовком «А в сумме — триллионы» номера от 28 февраля 1995 г. — «По оценкам специалистов, на восстановление экономики Чечни потребуется около 3 триллионов рублей. Эта цифра дана без учета компенсационных выплат за утраченное движимое и недвижимое имущество» [15]. Редакция газеты «Ореол» дает перечень возможных финансовых издержек, связанных с боевыми действиями: потерявшие жилье чеченцы могут рассчитывать на 30 млн рублей, один день чеченской операции обходился федеральному бюджету в декабре прошлого года приблизительно в 200 миллиардов рублей, или в 60 миллионов долларов. Черномырдин выделил Роскомторгу 8,5 миллиарда рублей для оснащения резиденции территориального управления федеральных органов исполнительной власти в Чеченской Республике... [16].

В завершение можно констатировать, что в выбранных для анализа газетах:

— обилие заимствований информации из сети Интернет, информагентств и центральных изданий в связи с отсутствием собственных корреспондентов на месте событий (редакция «Молодой Сибири» использует заказные публикации В. И. Новодворской);

— зачастую происходит игнорирование геополитических интересов страны;

— преобладает прозападная оценка событий в мятежной республике. Имеет место поддержка чеченских сепаратистов и русофобские оценки российских Вооруженных сил («Молодая Сибирь»);

— имеет место негативная оценка деятельности гражданских и военных властей при решении вопросов, связанных с судьбой военнослужащих: военнопленных и раненых, не говоря о проблемах, с которыми сталкиваются родственники погибших;

— превалирует отказ от размещения в изданиях каких-либо аналитических материалов. Похоже, проблема используется для привлечения самого широкого круга читателей, ориентированного на потребление «жёстких» материалов, относящихся к криминально-милитаристским.

Библиографический список

1. Бекбаева, А. Г. Вопросы социально-политического развития России на страницах печатных изданий «Русского национального единства» и «Черная сотня» в 1990-е гг. / А. Г. Бекбаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2009. — № 4. (79). — С. 17—21.
2. Новиков, С. В. Политические организации Омского Прииртышья и их отношение к позиции по военному решению чеченской проблемы (зима 1994—весна 1995 гг.). В 2 ч. Ч. 1 / С. В. Новиков // Использование регионального компонента базисного учебного плана в учреждениях образования Омской области: опыт и проблемы. — Омск : ООИПКРО, 1998. — С. 67—71.
3. Ореол-экспресс. — 1995. — 18 января.
4. Ореол-экспресс. — 1995. — 19 января.
5. Ореол-экспресс. — 1995. — 1 февраля.
6. Ореол-экспресс. — 1995. — 23 марта.
7. Ореол-экспресс. — 1995. — 7 мая.
8. Молодая Сибирь. — 1995. — 19 января.
9. Молодая Сибирь. — 1995. — 23 февраля.
10. Молодая Сибирь. — 1995. — 9 мая.
11. Молодая Сибирь. — 1995. — 20 апреля.
12. Молодая Сибирь. — 1995. — 1 февраля.
13. Ореол-экспресс. — 1995. — 15 февраля.
14. Ореол-экспресс. — 1995. — 28 февраля.
15. Ореол-экспресс. — 1995. — 13 апреля.
16. Ореол-экспресс. — 1995. — 8 июня.

БУРАКОВ Иван Геннадьевич, аспирант кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: burakov.ivan00@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 05.03.2015 г.

© И. Г. Бураков

УДК 947(571.1)

В. П. ВАСИЛЕВСКИЙ
А. В. СУШКО

Омский государственный технический университет

РУКОВОДИТЕЛИ ОРГАНОВ ГПУ—ОГПУ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

В статье уточнены и обобщены сведения о руководителях органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье. Работа выполнена в жанре просопографического исследования, в котором рассматриваются типичные особенности, характеризующие личностные качества и политический облик руководителей территориальных чекистских подразделений.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, ГПУ—ОГПУ, Омское Прииртышье, руководители (начальники), политический портрет.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Омской области в рамках конкурса «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном». Проект №15-11-55003 а(р) «Деятельность органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье (1922—1934 гг.)».

В российской исторической науке стремительно растет интерес к истории отечественных спецслужб, становится популярным исследование биографий сотрудников органов государственной безопасности.

Руководителям органов ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД посвящены специальные справочные издания, где помещены их краткие биографии и послужные списки [1—2]. В последние два десятилетия стали выходить монографические исследования о кадровом обеспечении деятельности советских спецслужб. В них характеризуется социальный и национальный состав советских спецслужб, общая кадровая ситуация и принципы комплектования [3—6].

Среди сотрудников советских органов государственной безопасности особую роль играли начальники территориальных подразделений. Они отвечали за все аспекты жизнедеятельности региональных чекистских структур. От их личностных качеств и позиции зависели отношения органов ГПУ—ОГПУ с местным партийно-государственным аппаратом, органами прокуратуры. Начальники определяли кадровую политику на местах, атмосферу в чекистских коллективах и деятельность подчиненных им подразделений.

Следует отметить, что до настоящего времени ни в одном научном труде нет воедино собранных точных сведений о руководителях органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье. Даже в официальных краеведческих изданиях, напечатанных на территории Омской области, имеются неточности. Так, в ведомственном буклете, изданном Управлением ФСБ России по Омской области, в списке руководителей органов безопасности Омской области Клейнберг Фриц Гансович ошибочно значится как Кайенберг Ф. Г., у Тимофеева Павла Ивановича и Краузе Яна Мартыновича отсутствуют инициалы, неверно указаны годы руководства омскими чекистами П. И. Тимофеева (в буклете указано, что он руководил Омским оперсектором в 1933—1934 гг., на самом деле он возглавлял Омский оперсектор в 1932—1934 годах [7].

В издании Омскстата, где также приведены данные на руководителей органов государственной безопасности в Омском Прииртышье, имеются аналогичные ошибки. Кроме того, скандально известный Краузе Ян Мартынович, в 1934 г. около года руководивший омскими чекистами, в данном издании вообще не значится в списке руководителей органов государственной безопасности региона [8, с. 83].

Цель данной работы — уточнив биографические данные руководителей органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье, охарактеризовать типические личностные качества и политический облик начальника территориального чекистского подразделения.

В период существования органов ГПУ—ОГПУ, с 1922 по 1934 гг., на руководящем посту органов государственной безопасности в Омском Прииртышье (омские губернский отдел, окружной отдел, оперативный сектор) сменилось 7 человек. На основе архивных данных из личных дел, современных справочных изданий и интернет-ресурсов мы приводим список руководителей органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье:

— Тиунов Виктор Фотиевич;
— Щербак Христофор Петрович;
— Здоровцев Сергей Васильевич;
— Шленов Дмитрий Васильевич;
— Клейнберг Фриц Гансович;
— Тимофеев Павел Иванович;
— Краузе Ян Мартынович.

Начальники территориальных подразделений ГПУ—ОГПУ входили в региональную партийную элиту. Так, в списке ответственных работников Омского округа, входящих в номенклатуру крайкома, от 10 октября 1928 г. было всего 56 партийных и советских работников, из них 3 были сотрудники ОГПУ. Это начальник Омского окротдела Д. В. Шленов, его заместитель И. Г. Булатов и начальник ДТОГПУ Н. В. Иванов [9, л. 284 об.]. Они участвовали в работе губкома, окружкома, выполняли многочисленные партийные поручения и пр.

Обобщенные сведения о руководителях органов государственной безопасности в Омском Прииртышье приводятся в табл. 1.

Анализ данных из таблицы позволяет сделать ряд выводов:

— в среднем начальник проводил на своей должности около 2-х лет, в органах ГПУ—ОГПУ регулярно проводилась ротация руководящего состава;

— руководители органов ГПУ обязательно были коммунистами, в первые годы на руководящие должности назначались люди с опытом подпольной работы, участники Гражданской войны, позднее стали назначаться опытные сотрудники с большим стажем службы;

— национальная принадлежность руководителей была разной: 3 русских, 2 латыша, немец и украинец. Обращает на себя внимание представительство латышей, но это была особенность, присущая советским органам безопасности в 20-е годы;

— большинство начальников органов в годы I Мировой войны были военнослужащими и участвовали в боевых действиях (5 из 7), причем один из них воевал против России в армии Австро-Венгрии. Все руководители принимали непосредственное участие в Гражданской войне в России на стороне большевиков. По некоторым сведеньям Я. М. Краузе сначала воевал на стороне белых в составе Латышского национального батальона, но затем, сдавшись в плен, воевал уже на стороне красных.

— большинство руководителей органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье участвовали в политических репрессиях и сами пострадали от них (5 из 7). В воспоминаниях А. М. Орлова, который занимал высокие посты в ОГПУ—НКВД, но затем, опасаясь за свою жизнь, бежал за рубеж, репрессии в отношении чекистов объясняются следующим образом: «Опасаясь за свою репутацию в глазах мира, Сталин решил в 1937 году уничтожить всех доверенных лиц, чтобы никто из них в будущем не смог выступить свидетелем обвинения. Весной 1937 года были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД и все следователи, которые по его прямому указанию вырывали ложные признания у основателей большевистской партии и вождей Октябрьской революции. За ними последовали в небытие тысячи энкавэдистов — те, кто по своему положению в НКВД могли в той или иной степени располагать секретной информацией о сталинских преступлениях» [21, с. 6]. Двое бывших руководителей органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье выжили потому, что ранее ушли из органов безопасности на партийную и советскую работу.

Среди современных отечественных историков существуют противоположные оценки роли руководителей чекистских подразделений в политических репрессиях, проводимых советским государством. Негативное отношение к руководителям советских спецслужб со стороны ряда независимых гражданских историков наглядно демонстрирует позиция Н. В. Петрова и К. В. Скоркина. Показателен «пафос», с которым исследователи аргументировали необходимость появления подготовленного ими биографического справочника о руководителях советских спецслужб: «Эти люди несут персональную ответственность за смерть и неволю многих наших сограждан, деяния их и сегодня вызывают содрогания. Мы считаем нашей гражданской и нравственной обязанностью в первую очередь опубликовать послужные списки творцов большого террора, чьи имена так долго и тщательно скрывались (прим.: наш пафос имеет и правовое основание — см. Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» принятый 18 октября 1991 г., в ст. 18 которого содержится интенция раскрыть имена работников органов госбезопасности, повинных в преступлениях против правосудия» [1, с. 7].

«Историки-чекисты», как правило, сдержанно относятся к своим «коллегам-предшественникам», справедливо указывая, что они проводили политику руководства страны, отдававшего органам

Таблица 1

Сведения о руководителях органов ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье

Ф.И.О., годы жизни, должность. Даты руководства ГПУ–ОГПУ в Омске	**Социальное происхождение, национальность, род занятий**	**Членство в Ком. партии, стаж в органах гос. безопасности**	**Примечания**
В. Ф. Тиунов (1897 – 1938), председатель Омской ГубЧК, начальник Омского губ. отдела ГПУ. **1922–31.03.1923** [10; 1, с. 406]	Из крестьян, русский, рассыльный в волостном правлении, в годы I Мировой войны служил в русской армии в Томске.	С марта 1917 состоял в РСДРП(б). В органах ВЧК с 1919 г.	Опыт подпольной работы в тылу у белых. Репрессирован, расстрелян.
Х. П. Щербак (1887 – 1969), начальник Омского губ. отдела ГПУ(ОГПУ). **31.03.1923–14.05.1924** [11]	Из крестьян, латыш, продавец, профессиональный революционер, в годы I Мировой войны служил в русской армии, принимал участие в боевых действиях.	С 1904 состоял в РСДРП(б). В органах ВЧК с 1920 г.	Участник рев. 1905 – 1907 гг. Опыт подпольной работы. В 1926 г. переведен из органов ОГПУ на хозяйственную работу. Персональный пенсионер респуб. значения РСФСР.
С. В. Здоровцев (1889 – 1940), начальник Омского губ. отдела ОГПУ, начальник Омского окротдела ОГПУ. **14.05.1924–04.05.1927** [12; 1, с. 204 – 205]	Из крестьян, русский, служащий транспортной фирмы, приемщик по разгрузке грузов, в годы I Мировой войны служил в русской армии, принимал участие в боевых действиях, из рядового дослужился до прапорщика.	С 1909 состоял в РСДРП(б). В органах ГПУ с 1922 г.	Вел подпольную работу с 1908 г., арестовывался. Участник Октябрьского переворота в Петрограде, непосредственно участвовал в боях. Репрессирован в 1937 г. Дело за недоказанностью было прекращено и в июне 1939 был освобожден из-под стражи. Подорвано здоровье и вскоре после свобождения умер в Ялте.
Д. В. Шленов (1891 – 1957), начальник Омского окротдела ОГПУ. **04.05.1927–16.01.1930** [13; 1, с. 450 – 451]	Из крестьян, русский, рабочий.	С апреля 1917 состоял в РСДРП(б). В органах ВЧК с 1919 г.	Участник Октябрьского переворота в Петрограде, член ВРК Лефортовского района Петрограда. Воевал с немцами в отрядах Красной гвардии. С 1939 г. полностью перешел на партийную и советскую работу.
Ф. Г. Клейнберг (1889 – 1939), начальник Омского окротдела ОГПУ, начальник Омского оперсектора. **16.01.1930–19.11.1932** [14 – 16]	Из рабочих, немец, уроженец Австрии, в годы I Мировой войны служил в Австро-Венгерской армии, младший унтер-офицер, принимал участие в боевых действиях, попал в плен.	Член РКП(б) с 1920 г. В органах ВЧК с 1920 г.	В 1937 г. арестован по распоряжению наркома Н.И. Ежова. Репрессирован. Умер в Минской тюрьме.
П. И. Тимофеев (1894 – 1938), начальник Омского оперсектора. **19.11.1932–25.01.1934** [1, с. 204 – 205; 17]	Из крестьян, украинец, в годы I Мировой войны служил в русской армии унтер-офицером, участник боевых действий.	С 1919 г. состоял в РСДРП(б). В органах ВЧК с 1919 г.	Репрессирован, умер в больнице ОМЗ НКВД Татарской АССР.
Я. М. Краузе (1901 – 1940), начальник Омского оперсектора **25.01.1934–17.12.1934** [18 – 20]	Латыш.	С 1921 г. состоял в РКП(б), в органах ВЧК с 1921 г.	По некоторым данным, служил в Латышском батальоне армии Колчака, перешел на сторону красных. Был арестован в Ленинграде за «грубые нарушения соц. законности».

государственной безопасности приказы. В. М. Сойма в этой связи утверждает: «Руководители советских спецслужб, пожалуй, самые трагические фигуры в нашей истории. Все пороки, все ошибки высшего политического руководства страны в первую очередь автоматически приклеивались им. Потому что именно эти люди были главными исполнителями спорных, по нынешнему разумению, решений кремлевских вождей» [22, с. 3]. Известный российский историк В. П. Булдаков на «круглом столе», посвященном Октябрьской революции, отметил: «Не надо взывать к морали — мораль формируется эпохой, которую надо понять» [23, с. 175]. Процессы, протекавшие в советском обществе в 20 – 30-е гг., были обусловлены событиями революции и Гражданской войны в России. В современной отечественной историографии при изучении событий Гражданской войны на первое место вышел антропологический подход. В этой связи И. В. Скипина отмечает: «Во главу угла исследователи поставили

человека, личность, его менталитет, самоопределение и социальное поведение. С этой позиции большинству историков Гражданская война представляется драмой всего народа. Сегодня авторы стремятся быть патриотичными по отношению ко всем участникам событий» [24, с. 137]. Жестокость в годы Гражданской войны, ставшая атрибутом общественной жизни в России, после завершения боевых действий не могла просто исчезнуть. Власть, используя мощный идеологический аппарат и средства массовой информации, нагнетала в обществе напряженность путем постоянного информирования населения о желании империалистических государств развязать войну против Советской России. Советские газеты писали о наличии многочисленных внутренних врагов, которые вели борьбу против СССР. Поэтому большинством населения жестокие методы спецслужб воспринимались как суровые, но необходимые меры.

Думается, что в связи «с продолжением Гражданской войны в общественном сознании советского общества» 20—30-х годов и вызванных этим репрессиями, на них необходимо распространить взгляд как «на драму всего народа». Это касается как сотрудников ОГПУ, так и их жертв. Необходимо помнить о том, что сотрудники советских спецслужб, так же как и другие категории жителей СССР, становились жертвами политического режима, попадали в места лишения свободы, гибли от рук своих бывших коллег. В этой связи показательно, что большинство руководителей органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье принимало участие в политических репрессиях и сами погибли в результате них.

Таким образом, в 20-х годах в основе партийного руководства органами безопасности лежал соответствующий подбор руководящего звена территориального подразделения ГПУ—ОГПУ. Все руководители органов ГПУ—ОГПУ в Омском Прииртышье имели боевой опыт, прошли через I Мировую и Гражданскую войны. Начальники территориальных подразделений ГПУ—ОГПУ являлись частью региональной партийной номенклатуры и обладали необходимым опытом для организации чекистской работы. В 30-х гг. ситуация изменится. На руководящие посты в региональных подразделениях будут приходить чекисты, начинавшие свою партийную и ведомственную карьеру в 20-е гг. в качестве рядовых сотрудников. Условием выживания и роста в чекистском ведомстве станет умение чувствовать политическую ситуацию, предвидеть ее развитие и вести себя в соответствии с ней. Важной станет принадлежность к «чекистскому клану».

Примером подобного руководителя может служить последний начальник Омского оперсектора ОГПУ Я. М. Краузе. Латыш по национальности, с неясной биографией в период Гражданской войны, он принадлежал к команде известного сибирского чекиста Л. М. Заковского [25, с. 62]. Вместе с ним он покинул Сибирь и оказался в Ленинграде, где был одним из инициаторов репрессий, в том числе и в отношении инвалидов. За это Я. М. Краузе был осужден и расстрелян. Знаменитому «Делу Я. М. Краузе» в Ленинграде посвящена кандидатская диссертация С. Б. Кокуева, указывающего: «Термин "краузевщина" на долгие годы превратился в ленинградских правоохранительных органах в синоним беспрецедентных нарушений социалистической законности» [18, с. 19].

Подобные Я. М. Краузе люди на качественно новом уровне раскрутят маховик политических репрессий в стране. Именно такими людьми большинство «старых» чекистов будет уничтожено в ходе репрессий 30-х гг.

Библиографический список

1. Петров, Н. В. Кто руководил НКВД, 1934—1941 : справ. / Н. В. Петров, К. В. Скоркин / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ ; под ред. Н. Г. Охотина и А. Б. Рочинского. — М .: Звенья, 1999. — 504 с.

2. ВЧК. 1917—1922. Энциклопедия / Авт.-сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов. — М. : Вече, 2013. — 512 с.

3. Капчинский, О. И. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав / О. И. Капчинский. — М. : Яуза, Эксмо, 2005. — 348 с.

4. Капчинский, О. И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры / О. И. Капчинский. — М. : Крафт+, 2014. — 416 с.

5. Тепляков, А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК—ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. / А. Г. Тепляков. — М. : АИРО-XXI, 2007. — 288 с.

6. Тепляков, А. Г. Машина террора: ОГПУ—НКВД Сибири в 1929—1941 гг. / А. Г. Тепляков. — М. : Новый хронограф ; АИРО-XXI, 2008. — 608 с.

7. УФСБ России по Омской области 80 лет. — Омск, 1998.

8. Памятная книжка Омской области: Год 2008 : информац.-стат. сб. / Омскстат. — Омск, 2009. — 592 с.

9. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-7. Оп. 5. Д. 53.

10. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 7. Д. 213978.

11. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 7. Д. 180627/

12. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 7. Д. 146211.

13. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 7. Д. 67081.

14. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898—1991 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.knowbysight.info/KKK/12203.asp (дата обращения: 30.01.2015).

15. Альманах «Россия. XX век» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.law-order.ru/catalog/enciklopedia/reference/ru_k/t58701.html (дата обращения: 30.01.2015).

16. Сайт о всемирной истории и истории России «Www.IstMira.Com» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.istmira.com/istros/demokraticheskij-soyuz/page/200/ (дата обращения: 30.01.2015).

17. Сайт о всемирной истории и истории России «Www.IstMira.Com» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.istmira.com/istros/shaxtinskij-process2/page/468/ (дата обращения: 30.01.2015).

18. Кокуев, С. Б. Дело Краузе Я. М. (1937—1940 гг.) : автореф. дис. ... канд. истор. наук / С. Б. Кокуев. — СПб., 2005. — 21 с.

19. Гражданская война в Сибири [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://wap.siberia.forum24.ru/?1-9-180-00000049-000-220-0 (дата обращения: 30.01.2015).

20. Петров, В. Чаинское восстание [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.proza.ru/2014/11/17/857 (дата обращения: 30.01.2015).

21. Орлов, А. М. Тайная история сталинского времени / А. М. Орлов. — М. : Алгоритм, 2014. — 320 с.

22. Сойма, В. М. Лубянка. 1917—1991. Энциклопедия карьер и судеб / В. М. Сойма. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 384 с.

23. Российские революции: 90 лет спустя. «Круглые столы» в институте российской истории РАН // Отечественная история. — 2008. — № 6. — С. 167—211.

24. Скипина, И. В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы / И. В. Скипина. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. — 208 с.

25. Тумшис, М. А. Большая чистка. НКВД против ЧК / М. А. Тумшис. — М. : Яуза; Эксмо, 2009. — 512 с.

ВАСИЛЕВСКИЙ Виталий Петрович, соискатель по кафедре отечественной истории.

Адрес для переписки: vasilevskiy-vitaliy@mail.ru

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: Alexsushko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2015 г.

© В. П. Василевский, А. В. Сушко

УДК 94(571.1+470)

М. С. НОВИКОВ

Омский государственный педагогический университет

РУССКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ ЛИДЕРЫ В КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКОЙ, ОМСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ). 1996 ГОД

Предстоящие выборы Президента РФ поставили вопрос о целесообразности сохранения института президентства и Конституции 1993 г. в России. В сложившейся политической ситуации между различными направлениями политических сил развернулась ожесточенная борьба. При этом не являлось секретом, что реальная борьба ведется действующим президентом Б. Н. Ельциным и поддерживающими его кандидатуру экономическими группировками и лидером лево-патриотической оппозиции Г. А. Зюгановым. Действующий президент в ходе выборов мог рассчитывать на «административный ресурс».

Ключевые слова: КПРФ, лидеры казачества, избирательные фонды, РОД, РНЕ, электоральные ожидания.

Не успело утихнуть обсуждение результатов прошедших выборов в Государственную Думу, подаваемых средствами массовой информации как победа левых сил, в полемику о политических комбинациях предстоящей избирательной кампании вступили функционеры различных политических партий и движений, от центра до периферии.

Так, один из руководителей сибирского «Яблока» депутат Государственной Думы И. Мальков заявил, что Дума просуществует не более 2-х лет, так как расстановка сил в ней вряд ли устроит вновь избранного президента страны. В серии публикаций на страницах газеты «Новая Сибирь» сторонники «Яблока» обосновывали опасность как со стороны Г. А. Зюганова, так и Б. Н. Ельцина в случае прихода первого к власти или сохранения власти за вторым.

В то же время представители «Яблока» заявили, что никогда не поддержат коммунистов. Среди публикаций в поддержку Г. А. Явлинского указывалось и на корректность отношений с НДР и ДВР, а также возможность со стороны Г. А. Явлинского взять в свои руки экономическую политику страны при условии доверия Б. Н. Ельцина. В конце января в Новосибирске А. Мананников начал создание инициативной группы в поддержку выдвижения М. С. Горбачева. Помимо него некоторые усилия по овладению инициативой в создании группы поддержки М. С. Горбачева предпринимал от имени Российского социал-демократического союза В. Липицкий [1].

Между тем интерес могут вызывать умонастроения потенциальных избирателей. Так, в ходе опросов с целью выявления популярных лозунгов на первое место в феврале 1996 г. были выдвинуты требования окончательного прекращения войны в Чечне, его поддержало 65 % опрошенных (в ноябре—декабре 1995 — 25 %). На второе место вышел лозунг «Не допустить гражданской войны!». Его безоговорочно поддержали 62 % опрошенных респондентов. На третье место лозунг «Верните уверенность в завтрашний день», занимавший в ноябре—декабре 1995 г. пятое место. Естественно, власти в ходе организации предвыборной кампании учли сложившиеся настроения [2, с. 153].

В конце февраля—марте 1996 г. на страницах газет региона появляются статьи, направленные против правонационалистических партий. Появление материалов не случайно, оно должно было подготовить население как к решению чеченской проблемы, так и к мысли о возможной негативной реакции властей на какое-либо неприятие хода

предвыборной кампании, проводимой властными структурами.

Антирусские по сути и антиармейские по содержанию статьи В. Новодворской в новосибирской газете «Новая Сибирь» объясняли населению, что «такие классные профессионалы, как чеченцы... разделывают Российскую армию как повар картошку». Так, силами СМИ будущему избирателю навязывали мысль о необходимости окончания войны и, как следствие, о политической мудрости того политика, который войну эту закончит [3–5].

Таким посредством СМИ готовился вариант реализации популярных у населения лозунгов. Вариант этот не должен был нанести ущерб Б. Н. Ельцину.

Кандидатура действующего президента должна была выглядеть меньшим злом на фоне наглого и пошлого «олигарха» В. А. Брынцалова. Что касается вины Б. Н. Ельцина за развал СССР, то в качестве громоотвода, принявшего на себя весь негатив национально-патриотического электората, сыграл М. С. Горбачев. Дело в том, что 24 апреля в Общественно-политическом центре Омска бывший Президент СССР получил затрещину от одного из граждан, которая с громким рокотом прокатилась по стране. Пресса, в том числе и оппозиционная, оправдывала праведную месть «за развал СССР», Б. Н. Ельцин был выведен из-под удара. Что касается упоминаний кандидатов в СМИ, то в Омске в мае количество публикаций разместилось следующим образом: Б. Н. Ельцин — 70, Г. А. Зюганов — 16, М. С. Горбачев — 15, А. И. Лебедь — 13, В. В. Жириновский — 13, А. Г. Тулеев — 2, Г. А. Явлинский — 2. Что касается предшествующего периода, то публикации, посвященные КПРФ, в феврале–апреле 1996 г. разделились следующим образом: февраль — 9, март — 7, апрель — 7. Нельзя не отметить, что в эти месяцы 30 % публикаций о КПРФ и Г. А. Зюганове носили отрицательный характер. В. В. Жириновский набрал около 35 % отрицательных публикаций, А. И. Лебедь — около 20 %; Б. Н. Ельцин — около 40 %. Отрицательные материалы по Б. Н. Ельцину, А. И. Лебедю и В. В. Жириновскому публиковались в основном в оппозиционной левой печати и перекрывались тиражами официальной прессы [6, с. 119].

При этом следует отметить, что в избирательных фондах Б. Н. Ельцина, А. И. Лебедя, В. В. Жириновского находилось соответственно: 14428, 14263 и 14160 млн руб. В фонде Г. А. Зюганова числилось 11371 млн руб. Все кандидаты, кроме лидера коммунистов, имели на своих счетах 62606 млн руб., что более чем в 5 раз превышало финансовые возможности лидера КПРФ [7, с. 75]. При этом следует отметить, что суммарное эфирное время платной рекламы для первой четверки участников разделилось следующим образом: Б. Н. Ельцин — 3020 минут на 57 региональных ГТРК, В. В. Жириновский — 1689 на 31, А. И. Лебедь — 908 на 31 и Г. А. Зюганов — 796 на 24 каналах [7, с. 58]. Одновременно следует отметить весомый пласт так называемой скрытой, неоплаченной рекламы, связанной с выполнением Б. Н. Ельциным своих должностных обязанностей. Всего в ходе избирательной кампании действующий президент посетил 27 субъектов Российской Федерации, среди которых были Омск и Новосибирск. Анализ СМИ позволяет сделать вывод, что Б. Н. Ельцин выглядел решительным и уверенным в себе руководителем страны, тогда как его основной оппонент смотрелся как сторонник абстрактных, ориентированных на вчерашний день идеалов. К тому же вокруг лидера КПРФ СМИ активно разыгрывалась национальная карта.

Так, в конце мая «Новая Сибирь» опубликовала статью о лозунгах чеченской войны: «Аллах — акбар!» и «Коммунисты — вперед!». По поводу последнего лозунга газета, со слов В. Купцова, пояснила, что «КПРФ имеет связи с обеими компартиями, имеющимися в Чечне», но «коммунисты из числа чеченцев в боевых действиях участия не принимают». В преддверии подписания Хасавюртских соглашений «Новая Сибирь» совершенно неожиданно сообщила читателям и тот факт, что телефон Д. Г. Завгаева указан как контактный в справочнике региональных работников КПРФ. Естественно, подобная публикация в период, когда население устало от войны, полностью запуталось в понимании ее причинно-следственных связей, не могло не вызвать неприятие Г. А. Зюганова и желания получить мир в Чечне от кого бы то ни было [8].

Отдельно следует указать на позиции, занятые организациями, обозначившими себя в качестве русских национальных и национально-патриотических партий и движений. ЛДПР выдвинуло В. В. Жириновского — это позволяло в первом туре оттянуть голоса протестного, но не коммунистического электората у лидера КПРФ и А. И. Лебедя. КРО в начале избирательной кампании, на съезде единогласно выдвинул А. И. Лебедя кандидатом в президенты [9]. Но последний, рассчитывая заручиться голосами патриотически настроенного электората, не проголосовавшего за КРО в декабре 1995 г., предпочёл идти на выборы как независимый кандидат, выдвинутый группой избирателей [10, с. 178–179].

Сторонники РНЕ в ходе избирательной кампании первоначально выдвинули в качестве кандидата А. П. Баркашова. Движение сумело собрать в его поддержку более миллиона подписей, однако от участия в избирательной кампании РНЕ отказалось. Затем РНЕ поддержало кандидатуру Б. Н. Ельцина, ссылаясь на симпатии к его «программному антикоммунизму» [10, с. 179]. Таким образом, уже в первом туре А. П. Баркашов, хотя и опосредованно, передал голоса своих потенциальных избирателей действующему президенту.

Совершенно неожиданной стала позиция крупнейшей национально ориентированной газеты «Омское время». Несмотря на заявление лидера РОС С. Н. Бабурина о поддержке кандидата КПРФ, редакционный коллектив в ходе первого тура размещал на страницах издания публикации в поддержку Ю. П. Власова [2, с. 161].

Позиция казачества в ходе президентских выборов была неоднозначной. Союз казаков от выражения своей официальной поддержки кому-либо из кандидатов уклонился. Хотя членство А. Г. Мартынова в думской фракции НДР предполагало поддержку Б. Н. Ельцина. Впрочем, провластные региональные отделения в Омской, Томской и Новосибирской областях сориентировали свою позицию с позицией губернаторов. В. Н. Ратиев и И. Н. Козицин — высказались за действующего президента. «Союз казачьих формирований» (СКФ) атамана Александра Дёмина, а также ряд более мелких казачьих организаций объявили своим кандидатом А. И. Лебедя. Всекубанское казачье войско Громова (бывшая Рада) поддержало Г. А. Зюганова, но договор о вхождении в блок народно-патриотических сил не подписало. Договор о поддержке

лидера КПРФ подписали: Казачий фонд (атаман А. Я. Сергейкин), ТОО «Торговое казачество» (Ю. Н. Смуров), Казачье землячество «Богородская дружина» (А. В. Кудинов), Московско-Богородское казачье войско (О. Н. Попов), Казачье землячество «Затишь» (И. М. Киляков) [11, с. 19—20].

Таким образом, в информационном пространстве заручиться криком «Любо!» и поддержкой «братьев казаков» могли Б. Н. Ельцин, А. И. Лебедь и Г. А. Зюганов. Поддержка последнего, пусть и не самыми известными казачьими организациями, делало малоэффективной использование казачьей риторики в агитации других кандидатов. Какой-либо реальной финансовой или организационной поддержки казаки «своим» кандидатам оказать не могли в связи с отсутствием ресурсов.

На указанном фоне выделялось РОД, активизировавшее свою деятельность в ходе визита Б. Н. Ельцина в Омск. Последний посетил город с визитом 18—19 мая. По словам газеты «Омская правда», выглядел этот визит государственным, оказался же предвыборным [12]. Визит президента в Омск широко освещался в средствах массовой информации (СМИ) с 19 мая по 3 июля. В 10 газетах города и области было опубликовано 16 объемных материалов, посвященных вопросам, решенным президентом и его командой в городе и области. Визит президента «совпал» с проведением в городе заседания Совета межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», ключевым моментом которого стало выступление председателя МАСС Л. К. Полежаева «О социально-экономическом развитии Сибири». В своем ответном выступлении Б. Ельцин сказал: «Для меня это путь к сохранению гражданского мира, к установлению прочного общественного согласия» [13].

Посещение Омска президентом послужило поводом к публикациям материалов на тему «Просто Ельцин», «Жена президента», «Телефон доверия президенту работает». Визит освещали все телестанции города и области. Большой материал о пребывании Б. Ельцина был показан телезрителям оппозиционной телестудией СТВ-3 в программе «Третий план», руководимой Е. И. Чентыревой [2, с. 160].

Частью предвыборной агитации стала публикация социологических прогнозов. Так: «Омская правда» 14 мая опубликовала итоги опроса фонда «Общественного мнения», проведенного в конце апреля—начале мая. По данным фонда, за Б. Н. Ельцина в первом туре готовы были голосовать 25 % избирателей, за Г. А. Зюганова — 24,5 %.

«Ореол» от 9—15 мая заявил, что «главу компартии Геннадия Зюганова намерены поддержать на президентских выборах большинство опрошенных жителей сельских районов Омской области. Таков один из результатов опроса, проведенного в апреле аналитической группой Омского гражданского клуба. Из 311 отпрошенных селян 79 готовы в первом туре выборов отдать голоса за Г. Зюганова. Что составляет 24,5 %. Второе место держит лидер ЛДПР В. В. Жириновский — 16,7 %, третье место у Г. А. Явлинского — 15,1 %, четвертое у А. И. Лебедя — 12,5 %. С. Н. Федоров набрал бы 4,8 %, Б. Н. Ельцин — 3,5 %. Менее 3 % взяли бы М. С. Горбачев — 2,8 % и А. Г. Тулеев — 2,3 % [6, с.120—123].

В ходе визита в город Омск Б. Н. Ельцина активизировали свою деятельность казачьи организации. Отдельно следует упомянуть РОД. Именно его члены, а также работники фирмы «Фатекс» с семьями встречали действующего президента у здания областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, а позднее были переведены к зданию Законодательного собрания, где встреча президента с жителями города была повторена вновь. Впрочем, среди омичей, встречающих Б. Н. Ельцина, находился и ростовский сопредседатель РОДа В. В. Мошняков, замеченный в группе сопровождения Б. Н. Ельцина в Барнауле накануне референдума 1993 г. Образ В. В. Мошнякова настолько слился с окружающей городской панорамой, что активист РОДа попал в прекрасно иллюстрированный альбом «Омск и омичи» [14].

В Новосибирске, где губернатор В. Муха не поддерживал действующего президента, в ходе посещения города 9—10 июня избирателям не была продемонстрирована поддержка последнего казачеством, местной организацией РОД. Упор был сделан на взаимодействие Б. Н. Ельцина с проправительственной НДР и рядом демократических организаций.

Данная ситуация, несомненно, отразилась на результатах голосования [15, с. 223—226].

Результаты выборов были следующими. В Томской области кандидатура Б. Н. Ельцина набрала 35,07 % голосов, оставив позади Г. А. Зюганова и А. И. Лебедя, получивших соответственно 21,97 % и 19,70 %. В Новосибирской и Омской областях действующий президент проиграл, а голоса распределились следующим образом. В Новосибирской области: Г. А. Зюганов — 34,96 %, Б. Н. Ельцин — 25,61 %, А. И. Лебедь — 10 %, Г. А. Явлинский — 13,94 %, В. В. Жириновский — 9,76 %. В Омской области: Г. А. Зюганов — 36,99 %, Б. Н. Ельцин — 32,80 %, А. И. Лебедь — 8,37 %, Г. А. Явлинский — 8,96 %, В. В. Жириновский — 6,95 % [7, с. 245, 247].

В ходе второго тура, с 25 июня, началась активная агитация за Б. Н. Ельцина посредством назначенного 18 июня секретарём Совета безопасности РФ А. И. Лебедя. В данном качестве он заявил об имеющихся договорённостях по достижению мира в Чечне, что предшествовало подписанию Хасавюртских соглашений. Казалось, мир в Чечне будет восстановлен. И сделать это обещал не Б. Н. Ельцин, обвинённый однажды в развале СССР, а боевой генерал, русский патриот А. И. Лебедь. Решение, как единственно возможное, не подлежало обсуждению. Одновременно отставки А. В. Коржакова, М. И. Барсукова и О. В. Сосковца подавались как отставки «ястребов» во время не остановивших войну под рубрикой «они наконец-то ушли».

В начале июля «Томский вестник» опубликовал обезоруживающую пассивную часть населения информацию: «Даже при равенстве в голосовании по всей России Москва и Санкт-Петербург отдадут голоса Ельцину, сделав его победителем», а в случае его поражения станут «островками сражающейся демократии» [16].

В Омской области с 18 июня по 3 июля на жителей обрушился шквал информации о смене курса реформ под влиянием известного политика-патриота. Он же, парируя высказывания справа и слева о возможной гражданской войне обещанием подавить любой мятеж, связанный с непризнанием результатов выборов. Справедливости ради следует отметить, что обещание (заявление) имело второй подтекст — оппозиции попросту грозили повторением 1993 г.

Таким образом, А. И. Лебедь ответил на популярные лозунги зимы 1995 г.:

— начал работу с целью прекращения войны в Чечне, осуществив пожелание 65 % респондентов (реализация по факту победы Б. Н. Ельцина);

— стал гарантом недопущения гражданской войны, пугающей 62 % респондентов.

Пропаганда в пользу Б. Н. Ельцина была обеспечена помимо двух центральных телеканалов областным ГТРК «Иртыш», городскими каналами — «ТелеОмск-АКМЭ», «Антенна-7», «Астра», «ТелеОмск-5», «Зодиак-видео», помимо этого, антикоммунистическая агитация велась всеми кабельными каналами города.

В пользу действующего президента работали три областные газеты: «Омская правда», «Омский вестник», «Крестьянское слово»; городские — «Ореол», «Новое обозрение», «Зеркало», «Четверг», коммерческий «Комок», а также распространяющиеся на территории города и области центральные издания.

В каждом районном центре тиражом 3—5 тысяч экземпляров выходили местные газеты, заполняемые посредством посылки материалов из Омска, статьями на антикоммунистическую тематику. В сложившейся ситуации силы оппозиции могли противопоставить команде президента два еженедельника: «Сибирское время» (РОС) — 21 тысяча экземпляров, «Красный путь» (КПРФ) — 20 тысяч экземпляров. Помимо этого, еженедельно в область поступало около 15 тыс. газет «Правда», «Советская Россия». Вышеназванные факты говорят об огромном агитационном перевесе президентской команды накануне второго тура выборов. Идентичная картина наблюдалась в Новосибирской и Томской областях. Данные социологического исследования, проведенного НСИАЦентром. Показали, что тактический шаг команды Б. Н. Ельцина оказался удачным. Среди 100 опрошенных респондентов-пенсионеров Б. Н. Ельцину предполагали отдать голоса 85,7 % электората А. И. Лебедя, 50 % сторонников Г. А. Явлинского и С. Н. Федорова, 29 % сторонников В. В. Жириновского.

В пересчете на весь электорат, принявший участие в голосовании 16 июня, к Борису Ельцину во время голосования должны были прибавиться 12 % электората, ранее голосовавшего за А. И. Лебедя, 6 % голосовавших за Г. А. Явлинского, по 2,08 % голосовавших за С. Н. Федорова и В. В. Жириновского» [7, с. 136—137].

В результате в Томской области победу одержал Б. Н. Ельцин, заручившись поддержкой 59,09 % голосов избирателей, против 33,65 % собранных Г. А. Зюгановым. В Омской области отрыв Г. А. Зюганова, победившего Б. Н. Ельцина, составил 1,26 %.

Претенденты на пост президента заручились соответственно поддержкой 47,51 % и 46,25 % голосов избирателей.

В Новосибирской области Б. Н. Ельцин проиграл Г. А. Зюганову 5,16 %, собрав 43,74 % голосов избирателей против 48,90 % голосов, поданных за Г. А. Зюганова. В целом по стране выборы были выиграны Б. Н. Ельциным. Он заручился поддержкой 53,7 % избирателей, тогда как его противник получил 40,41 % [15, с. 328].

Победа действующего президента не могла быть не признанной участником первого тура выборов секретарем Совета безопасности РФ А. И. Лебедем, она также была признана:

— лидером ЛДПР В. В. Жириновским, он предполагал в рамках демократического государства победить на следующих выборах;

— лидером РОС С. Н. Бабуриным, обвинившим Г. А. Зюганова в проведении недостаточно эффективной кампании, позднее будет выдвинут тезис о предательском признании лидером КПРФ результатов фальсифицированных выборов;

— казачьими атаманами и лидерами РОД, рассчитывающими на получение казачеством государственного статуса и на поддержку русской православной церкви;

— РНЕ на результаты выборов не как не отреагировало, а через некоторое время продолжило критику «прозападного антирусского режима».

Такова роль заявивших себя в качестве национально-патриотических сил движений и лидеров в политических событиях декабря 1995—июля 1996 гг.

Библиографический список

1. Новая Сибирь. — 1996. — 8 февраля, 28 февраля, 29 февраля, 14 марта,11 апреля.
2. Новиков, С. В. Политические партии, властные структуры в борьбе за влияние на печать и избирателя Западной Сибири. 1992—1996 гг. : моногр. / С. В. Новиков. — Омск : ОмГТУ, 2000. — 178 с.
3. Крестьянское слово. —1996. — 7 февраля.
4. Западно-Сибирский железнодорожник. — 1996. — 27 января.
5. Новая Сибирь. — 1996. — 7 марта.
6. Новиков, С. В. Политические партии и движения, пресса и избиратель Омского Прииртышья накануне и в период президентских выборов 1996 года / С. В. Новиков // Избирательный процесс в современной России. Ч. I. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1999. — С. 107—140.
7. Выборы Президента Российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. — М. : Весь мир,1996. — 302 с.
8. Новая Сибирь. — 1996. — 30 мая.
9. Конгресс русских общин (КРО) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://novikovvs.ru/?p=513 (дата обращения: 22.05.2014).
10. Бекбаев, А. Г. Становление и проблематика национальной периодической печати Западной Сибири в 1990—2002 гг. : дис. ... канд. истор. наук / А. Г. Бекбаев. — Омск, 2011. — 232 с.
11. Новиков, М. С. Казачьи движения: политическое лицо и взаимоотношение с органами власти (Конец 1980—2000 гг.) / М. С. Новиков // Сб. материалов к межвузов. науч. конф. аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ, 2013. — Омск : ИП Макшеевой Е. А., 2013. — С. 16—21.
12. Омская правда. — 1996. — 21 мая.
13. Омский вестник. — 1996. — 21 мая.
14. Омск и омичи. Фотоальбом. — Омск : Департамент культуры и искусства администрации г. Омска, 1996. — 232 с.
15. Осипов, А. Г. Политический спектр (формирование многопартийности в Западной Сибири 1986—1996 гг.) : моногр. / А. Г. Осипов, В. И. Козодой ; под ред. И. А. Молетотова. — Новосибирск : Новосиб. полиграф. комбинат, 2003. — 353 с.
16. Томский вестник. — 1996. — 22 июня, 25 июня, 26 июня, 2 июля.

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 16.10.2014 г.
© М. С. Новиков

УДК 355.233.2

Д. В. ЧЕРМОШЕНЦЕВ

Омский государственный технический университет

СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИДЕЙНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВУЗАХ НА ТЕРРИТОРИИ СИБВО В 1941—1945 гг.

В статье показана деятельность партийных организаций по идейному воспитанию преподавателей и студентов вузов в годы Великой Отечественной войны. На основе архивного материала раскрываются различные формы и методы идеологической работы. Детально характеризуется роль кафедр общественных наук в этом процессе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, парторганизация, вуз, идейно-воспитательная работа, агитаторы.

В период Великой Отечественной войны особо важное значение приобрела идейно-воспитательная работа партийных организаций. В первые же дни войны прошли заседания Алтайского краевого, Новосибирского и Омского комитетов ВКП (б), на которых обсуждались задачи партийных организаций в связи с войной и мобилизацией. Идеологическая работа стала перестраиваться.

Одной из главных трудностей в деятельности партийных организаций стало резкое сокращение численности коммунистов из-за ухода их в Красную Армию. Так, например, в Омском сельскохозяйственном институте накануне войны работало 200 коммунистов, а к 1942 г. осталось 36, в медицинском институте соответственно — 100 и 33, в ветеринарном — 32 и 10, в автодорожном — 40 и 13. В мае 1941 г. в партийной организации Томского пединститута насчитывалось 66 членов и кандидатов в члены ВКП (б), а к октябрю осталось 9 человек, в Новосибирском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии за это время парторганизация сократилась с 20 до 10 человек [1]. Значительно сократилась численность коммунистов и в других партийных организациях.

В связи с таким положением резко возросла роль кафедр общественных наук в идеологической работе. За редким исключением преподаватели этих кафедр состояли из членов ВКП (б). В течение всего периода войны секретарями или их заместителями первичных парторганизаций были обществоведы.

С первых дней войны стала совершенствоваться идейно-воспитательная работа в вузах. Перед парторганизациями стала задача: довести до каждого человека цели и характер войны. Использовали самые различные формы и методы.

Одно из главных мест в идейно-воспитательной работе заняла практика проведения докладов и лекций. Они организовывались и проводились в основном силами профессорско-преподавательского состава кафедр общественных наук. В начале июля 1941 г. партбюро Омского медицинского института, рассмотрев задачи агитационно-пропагандистской деятельности, поручило заведующему кафедрой марксизма-ленинизма тов. Степанкову разработать подробный план чтения лекций и подобрать соответствующих лекторов [2]. Партийное бюро Новосибирского инженерно-строительного института 23 сентября обсудило вопрос «О подготовке к новому учебному году». Члены партбюро подчеркнули, что в создавшихся условиях воспитательная работа приобрела исключительно важное значение. Было отмечено, что кафедра марксизма-ленинизма должна оказать помощь в идейно-воспитательной работе [3].

Впервые вопрос «Об участии кафедры марксизма-ленинизма в общественно-политической жизни института» был поставлен на заседании партийного бюро в Сибирском металлургическом институте 16 октября 1941 г. На бюро было отмечено, что кафедра проводит большую работу по линии горкома партии, но недостаточно оказывает помощи вузовской парторганизации в агитационно-пропагандистской деятельности, в частности, не организовывает общеинститутских лекций и докладов. По решению партбюро, заведующий кафедрой был отстранен от работы и откомандирован в распоряжение городского комитета партии [4]. Такое серьезное отношение к организации идейно-воспитательной работы было характерно и для других вузов. 30 октября 1941 г. вопрос о работе кафедры марксизма-ленинизма был рассмотрен на партийном собрании в Омском педагогическом институте. Коммунисты проанализировали деятельность партии и отметили, что обществоведы института успешно справились с организацией лекционной пропаганды, силами кафедры в вузе и в различных учреждениях и организациях Тобольска было прочитано 40 лекций и докладов [5].

В конце года эти проблемы были впервые рассмотрены на уровне бюро городского комитета партии. 11 декабря 1941 г. бюро Томского горкома ВКП(б) заслушало отчет «О состоянии агитационно-пропагандисткой работы в мединституте». Бюро проделало анализ этой деятельности и приняло постановление, в котором были даны основные

ориентиры работе вузовских коммунистов. Бюро горкома обязало партбюро института обсудить работу кафедры марксизма-ленинизма по политическому воспитанию студенчества. Оно подчеркнуло, что в организации лекционной пропаганды кафедра должна сыграть ведущую роль [6]. Усилили внимание к агитационно-пропагандисткой работе в вузах и другие партийные комитеты.

Бюро Новосибирского обкома партии, рассмотрев 19 декабря 1942 г. ход перестройки работы вузов на военный лад, обязало секретарей партбюро и руководителей кафедр марксизма-ленинизма шире развернуть массово-политическую работу в вузах.

Бюро Омского областного комитета партии, проанализировав деятельность Омского педагогического института, потребовало от дирекции и парторганизации обратить особое внимание на развертывание политмассовой, воспитательной работы среди студентов и научных работников путем чтения антифашистских, военно-оборонных лекций по вопросам международного положения, Отечественной войны и героического прошлого русского народа [7]. Партсобрание Томского пединститута от 9 декабря 1941 г. обязало кафедру марксизма-ленинизма взять руководство политико-воспитательной работой в вузе среди студенчества и научных работников во внеучебное время [8]. Да и во всех других вузах, где первичные парторганизации столь прямо не перепоручали вести политико-воспитательную работу обществоведам, сложилась такая практика, когда кафедры общественных наук почти всю ее вели своими силами при помощи актива.

Постоянное внимание партийных организаций к этой работе, особенно к проведению докладов и чтению лекций, способствовало тому, что во всех вузах Западной Сибири уже в 1941—1942 гг. учебном году имелся определенный опыт такой деятельности. Тематика читаемых лекций и докладов была в основном увязана с проблемами воны. Так, по подсчетам омского историка М. И. Машкарина, наиболее распространенными были следующие лекции и доклады: «Молодежь Советского Союза в Великой Отечественной войне», «Кто такие национал-социалисты?», «История борьбы русского народа против немецких захватчиков», «Партизанская борьба советского народа против немецких захватчиков», «Фашизм — лютый враг человечества», «Наши великие предки», «Александр Суворов и Михаил Кутузов», «XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» и другие [9]. В Томском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта в течение 1941—1942 учебного года лекции и доклады организовывались ежемесячно, в Омском ветеринарном институте было проведено 8 лекций и 12 докладов [10]. В некоторых вузах эта работа проводилась более интенсивно. Так, например, в автодорожном институте только в первом семестре было организовано 19 лекций и докладов, на которых присутствовало 2055 человек [11].

Накопив опыт лекционной пропаганды, в ряде вузов парторганизации при активнейшем участии кафедр общественных наук создали собственные лектории, университеты культуры, сыгравшие исключительно важную роль в идейно-политическом воспитании коллективов вузов. Первый лекторий был создан уже в октябре 1941 г. в Омском медицинском институте. В лектории регулярно по субботам, иногда и по средам читались лекции. Только за октябрь—декабрь 1941 г было прочитано 19 лекций, которые посетило 4260 студентов, а за январь—август 1942 г. — 19 лекций, на которых присутствовало 9670 студентов. Студенты и преподаватели прослушали следующие лекции: «Всю мощь нашей Родины — на разгром врага», «Фашизм — злейший враг славянских народов», «Маяковский — патриот своего Отечества», «Николай Островский — писатель-боец» [12].

Лекторий стал настолько популярным, что не вмещал всех желающих в зале вместимостью 250—300 человек. Некоторые лекции сопровождались кино- и литературно-художественной иллюстрацией, а нередко и демонстрацией отдельных сцен из репертуара спектаклей театра им. Е. Вахтангова (Московский театр им. Е. Вахтангова в 1941—1943 гг. находился в Омске в эвакуации).

В это же время в Томском государственном университете открылся городской публичный лекторий, который позднее стал называться воскресным университетом [13]. На лекции приходили не только студенты Томского государственного университета, но и других вузов, учителя школ города. Самые популярные ученые ТГУ, других институтов города читали здесь лекции, делали доклады по различным международным и другим проблемам. Большой интерес вызвала лекция заведующего кафедрой марксизма-ленинизма ТГУ А. Е. Абрамовича «Германия в 1919 г. (по личным воспоминаниям)» [14]. Областная газета «Красное знамя» регулярно публиковала объявления о тематике лекций и докладов в этом воскресном университете. В 1943—1944 гг. лектории и университеты культуры были созданы и в Новосибирском институте военных инженеров транспорта, Новосибирском медицинском институте, Новосибирском инженерно-строительном, Томском политехническом, Томском медицинском и Томском педагогическом, Колпашевском учительском и Тюменском педагогическом институтах [15].

Важное место в идейно-воспитательной деятельности партийных организаций заняли теоретические конференции. Правда, их тематика была менее многообразной, по сравнению с лекториями и университетами культуры. Они посвящались наиболее злободневным и актуальным вопросам. В отличие от других форм идеологического воспитания масс, теоретические конференции предлагали активную творческую работу ее участников. Проведению этих конференций, как правило, предшествовала огромная организационная работа парторганизаций вузов. Кировский райком ВКП (б) г. Томска в план работы отдела пропаганды и агитации на июль—сентябрь 1941 г. включил пункт о проведении в сентябре вузовскими парторганизациями конференции по теме «Теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и революции» [16]. С конца 1941 г. подобные конференций стали проводиться во всех высших учебных заведениях.

Если в первое время конференции проводились среди научных работников, то уже с начала 1942 г. к организации и проведению стали привлекать студенчество, рабочих и служащих. Кафедра марксизма-ленинизма Омского пединститута провела следующие теоретические конференции на тему: «ВОВ советского народа против фашистских захватчиков», «Справедливые и несправедливые войны», «Кто такие национал-социалисты?» [17].

С 1943 г. конференции стали проходить более регулярно не только в вузах г. Омска, но и других западносибирских институтах. Особенно успешно и организованно прошла в июне 1943 г. в Томском индустриальном институте по вопросам Великой Отечественной войны. На трех заседаниях было заслушано 5 докладов, в т.ч. «Решающие условия победы над врагом» лауреата Сталинской премии профессора Н. А. Чинакала. В прениях по докладу выступило 23 человека. Также выступил руководитель конференции — заведующий кафедрой марксизма-ленинизма доцент П. З. Захаров с докладом «Текущий момент Отечественной войны и международная обстановка». Доклад прослушали более 100 человек [18].

В 1942 г. вышло первое издание книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», в которую были включены его публичные доклады, речи и торжественные приказы в связи с революционными датами, опубликованные ранее в периодической печати. Выход этой книги оказал существенное влияние на идейно-политическую работу. Как правило, материалы этой книги, которая вышла всего пятью изданиями, служили основой для проведения очередных научно-теоретических конференций. Высказывания главы государства неоднократно цитировались и разъяснялись [19].

В конце войны в вузах идейно-политическая работа активизировалась. Это было связано с принятием ряда постановлений ЦК партии по различным проблемам идеологической работы [20]. В результате разнообразных форм и методов работы партийных организаций повышалась общественно-политическая активность студенчества, рабочих и служащих. Естественно, что идейно-воспитательная работа не могла проводиться только силами обществоведов. Поэтому парторганизации стремились привлечь наиболее активную часть коммунистов и комсомольцев из числа студентов и преподавателей. Только при этом условии можно было добиться серьезных успехов в воспитательной работе.

С первых дней войны большую роль в идейно-воспитательной работе стали играть агитколлективы, работающие, как правило, под руководством кафедр общественных наук. Агитаторы проводили читки и разъяснения газетных материалов, сообщений Совинформбюро, докладов и приказов И. В. Сталина, местных политических и хозяйственных мероприятий, призывали каждого советского человека внести свой вклад в разгром врага.

После того как в вузы стали поступать на учебу участники Великой Отечественной войны, пользовавшиеся заслуженным авторитетом, они быстро вовлекались в агитационно-пропагандистскую работу. Так, например, в Новосибирском сельскохозяйственном институте для работы в студенческом общежитии были выдвинуты участники войны Тимофеев и Антрощенко, которые вели там читки газет [21].

Большую помощь агитаторам оказывали кабинеты кафедр марксизма-ленинизма и политической экономии. Во многих из них имелись картотеки журнальных и газетных статей, подборки литературы по различным темам.

Работники кабинета кафедры СибАДИ готовили для агитаторов и вывешивали на видном месте списки рекомендуемой литературы в виде стенных альбомов: «В помощь агитаторам», «Агитатор! Прочти в группе!» и для самообразования «Что читать?» [22]. Кабинеты помогали агитколлективам проводить работу по популяризации лучших произведений русской, советской и зарубежной художественной и публицистической литературы. Особое внимание они уделяли выдающимся произведениям, посвященным Великой Отечественной войне: «Русский характер» А. Толстого, «В тихом городе» И. Эренбурга, «Радуга» В. Василевской, «Фронт» А. Корнейчука и др. По этим произведениям часто создавались литературные выставки, их рекомендовали для громких читок в группах, агитаторов учили использовать литературные произведения в агитмассовой работе. Огромной популярностью среди молодежи пользовалась в то время книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Слова ее главного героя — Павла Корчагина о том, что «жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое» — стали жизненным девизом для миллионов советских людей.

Таким образом, идейно-воспитательная деятельность партийных организаций в вузах на территории Сибирского военного округа имела разнообразные формы и методы и, несомненно, способствовала перестройке страны на военный лад и достижению Победы.

Золотыми буквами вписаны в историю Великой Отечественной войны подвиги воинов-сибиряков. Они находились на самых трудных, решающих участках фронтов: у стен Москвы и Ленинграда, под Сталинградом и Орлом, на Немане и Одере, при взятии Берлина. Даже видавшие виды солдаты были поражены мужеством и стойкостью сибиряков. Одно слово «сибиряк» приводило в трепет фашистов.

Библиографический список

1. ПАНО. Ф. 681. Оп. 1. Д. 5. Л. 20; Д. 7. Л. 63.
2. ИсАОО. Ф. 883. Оп. 4. Д. 293. Л. 47 об.
3. ГАНО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.
4. ГАКО. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 73. Л. 124 об, 126.
5. ГАСПИТО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 7. Л. 66, 66 об.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 2. Д. 8. Л. 58.
7. ИсАОО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 34. Л. 16.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 122. Л. 55.
9. Машкарин, М. И. Партийное руководство кафедрами общественных наук вузов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. истор. наук / М. И. Машкарин. — Томск, 1988. — С. 136.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 322, Оп. 1. Д. 60. Л. 76 об; ПАОО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 17. Л. 7 об.
11. ИсАОО. Ф. 1092, Оп. 1. Д. 44. Л. 39.
12. ИсАОО. Ф. 17. Оп. 18. Д. 357. Л. 168, 168 об.
13. Красное Знамя. — 1942. — 1 февраля; Красное Знамя. — 1944. — 4 марта.
14. ГА РФ. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 516. Л. 14; РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 37. Л. 6.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 25. Л. 9; ГАТО. Ф. 765. Оп. 1. Д. 34. Л. 72 об.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 122. Л. 12.
17. ИсАОО. Ф. 17. Оп. 17. Д. 331. Л. 81; ГАРФ. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 431. Л. 20.
18. Отчет каф. марксизма-ленинизма за 2-й семестр 1942/43 уч. год // ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 2. Д. 603. Л. 25 об, 26, 82.
19. Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. В. Сталин. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1946. — 207 с.
20. Об организации научно-просветительной пропаганды 27 сентября 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съез-

дов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. Т. 7. — М : Политиздат, 1985. — С. 513—523; 539—543.
21. ГАНО. Ф. 1487. Оп. 26. Л. 2.
22. ИсАОО. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 53. Л. 39.

ЧЕРМОШЕНЦЕВ Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета; преподаватель кафедры технического обеспечения (и тактики) Омского автобронетанкового инженерного института.
Адрес для переписки: DVCherm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2015 г.
© Д. В. Чермошенцев

УДК 94(430)

А. Н. СОРОКИН

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

НА ПЕРИФЕРИИ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ: АДЕНАУЭР И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматривается отношение первого федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра к государствам Восточной Европы. Определяются концептуальные основы этого направления внешней политики Аденауэра. Предметно рассматриваются главные инструменты (доктрина Халльштейна) и главные проблемы (непризнание границы Одер-Нейсе) внешней политики ФРГ по отношению к государствам Восточной Европы.

Ключевые слова: история ФРГ, внешняя политика ФРГ, Аденауэр, доктрина Халльштейна, линия Одер-Нейсе.

Первый федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр (1949—1963) вошел в историю как канцлер западной интеграции [1]. За время его правления ФРГ превратилась из оккупированной, лишенной суверенитета, буквально лежащей в развалинах части Третьего рейха в экономически развитое, интегрированное в западную систему союзов самостоятельное государство. При этом западная интеграция, безусловно, легла в основу многих успехов ФРГ «эры Аденауэра», в том числе способствовала складыванию и развитию прогрессивной политической и экономической системы внутри страны. Таким образом, западный вектор внешней политики Аденауэра необходимо признать полностью успешным [2].

Совсем по-другому обстояли дела с восточным вектором внешней политики Аденауэра. Отношения ФРГ с СССР в этот период были напряженными: Аденауэр обвинял советскую сторону в расколе Германии, возникновение социалистического лагеря в Европе считал экспансией и главной угрозой европейской безопасности. Установление дипломатических отношений с Советским Союзом в 1955 году помимо возвращения домой последних немецких военнопленных не принесло с собой значительных практических результатов. Отказываясь от конструктивного диалога, Аденауэр тем не менее признавал, или вынужден был признавать, сложившуюся значительную роль СССР на международной арене. При этом федеральный канцлер уповал на то, что рано или поздно Советский Союз перед лицом консолидированной жесткой позиции Запада и в силу внутренних и внешних проблем, в том числе ввиду грядущего кризиса восточного блока, будет вынужден сдать свои позиции, в том числе пойти на воссоединение Германии «в мире и свободе», то есть по западному сценарию. Признаки кризиса восточного блока Аденауэр видел в стремлениях Югославии к самостоятельности, в венгерских и польских событиях 1956 года. Он надеялся, что противоречия в восточном блоке однажды могут обрести такую динамику, которая может заложить основы для новой европейской системы в соответствии с его взглядами.

В этой связи интерес представляет такой структурный компонент восточной политики Конрада Аденауэра, как его непосредственное отношение к социалистическим странам Восточной Европы помимо СССР (Польше, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и др.). Здесь в первую очередь необходимо констатировать, что первый федеральный канцлер воспринимал эти страны лишь как сателлиты, «которые были слишком слабы, чтобы обеспечить себе свободу действий на продолжительное время» [3, S. 92]. Единственным самостоятельным актёром восточного блока для Аденауэра всегда оставался Советский Союз, который стремился всеми средствами сохранить контроль над своей сферой влияния [4, с. 239]. Подобная позиция обусловила в целом недифференцированный подход канцлера к этой группе государств, который выразился в отказе от поиска диалога и от налаживания двусторонних связей.

Юридически установлению дипломатических отношений с социалистическими странами Восточной Европы препятствовала «доктрина Халльштейна». Доктрина получила свое название от фамилии

государственного секретаря министерства иностранных дел ФРГ Вальтера Халльштейна, по предложению которого она была принята на совещании послов Западной Германии 8—9 декабря 1955 года. Её основные положения были сформулированы другим видным дипломатом правительства Аденауэра, руководителем политического отделения при министерстве иностранных дел ФРГ Вильгельмом Греве. Следуя доктрине, правительство ФРГ рассматривало официальное признание ГДР какой-либо страной как недружественный акт, что на практике вело к разрыву отношений с соответствующим государством. Единственным исключением во внешнеполитической практике применения доктрины стал Советский Союз ввиду исключительной важности поддержания отношений ФРГ с этим государством. Между тем страны восточного блока, следуя в фарватере советской внешней политики, просто вынуждены были признавать ГДР как самостоятельное государство.

Доктрина Халльштейна изначально воспринималась в общественно-политической мысли ФРГ как один из наиболее спорных моментов германской и восточной политики Конрада Аденауэра. Оживлённая дискуссия по поводу доктрины началась с момента ее появления. Типичные доводы в защиту этого инструмента внешней политики Аденауэра приводит, например, публицист Вернер Цолль в статье «О ценности доктрины Халльштейна». Доктрина, по его мнению, препятствовала укоренению раскола Германии, так как предотвращала широкое международное признание «советской зоны». Она привлекала внимание мирового сообщества, в том числе стран третьего мира, к нарушениям прав человека в ГДР, к неоколониальному характеру советской внешней политики в Восточной Европе. Наконец, доктрина Халльштейна была призвана показать серьёзность намерений ФРГ в вопросе объединения и обеспечить им международную поддержку [5]. Те же аргументы приводят в своих работах по внешней политике ФРГ один из авторов доктрины Греве [6] и депутат от ХДС Майоника [7]. Эти две монографии были переведены на русский язык как показатели реакционности и реваншизма западногерманских политических кругов. С момента появления доктрина имела и много противников. В политических кругах ФРГ в период канцлерства Аденауэра ими были сторонники так называемой «теории врождённого порока», которые подчёркивали, что страны Восточной Европы изначально поддерживали и были обязаны поддерживать отношения с ГДР в силу подчинённого положения по отношению к Москве [8, S. 32].

На практике следование ФРГ доктрине Халльштейна привело к разрыву отношений с Югославией, хотя отношения Бонна с этой страной потенциально имели особую важность: после конфликта Тито со Сталиным Белград мог рассматриваться как «центр одновременно националкоммунистического и реформаторско-коммунистического движения» [8, S. 28]. К тому же Тито декларировал внеблоковую принадлежность Югославии. Всё это в теории вписывалось в ожидания Аденауэром кризиса в восточном блоке. В 1955 году были установлены дипломатические отношения ФРГ и СФРЮ. Однако уже в 1957 году, тотчас после официального признания Югославией ГДР, отношения были разорваны. Это был первый случай применения доктрины Халльштейна (второй — разрыв отношений с Кубой в 1963 году).

С восточной политикой Вилли Брандта 1969—1974 годов доктрина Халльштейна ушла в прошлое, показав свою неэффективность как один из оборонительных инструментов Аденауэра при отстаивании основных положений германской политики [9, S. 375—385]. На практике она не привела к полномасштабному отказу от признания ГДР на международной арене, при этом блокируя развитие отношений с восточноевропейскими государствами.

Кстати, сам Аденауэр в «Воспоминаниях» обходит стороной доктрину Халльштейна. Для современных и последующих критиков политики Аденауэра доктрина предоставила большое поле деятельности. Немецкий историк Кристоф Клессманн относит к оборотной стороне доктрины «блокирование более гибкой и реалистичной восточной политики, шантаж стран третьего мира, внутриполитическое привыкание как к пустому ритуалу внутри ФРГ и постепенное размывание основного принципа непризнания в союзных государствах» [10, S. 63].

Не изменили коренным образом позиции К. Аденауэра по отношению к странам Восточной Европы и события 1956 года в Венгрии и Польше, которые на Западе многими трактовались как развитие либерализации и кризисные явления в восточном блоке. В это время в правительстве Аденауэра обсуждались возможности перехода к «новой восточной политики». В частности, прорабатывался вопрос о нормализации отношений с Польшей: установления с ней торговых отношений и провозглашения отказа от насилия в двусторонних связях. Западногерманский посол в Югославии Пфайдерер даже встречался с министром иностранных дел Польши Рапацким и обсуждал эти возможности. Один из советников канцлера К.О. Скибовски совершил ознакомительную поездку в Польшу [11]. Однако после того как глава Польши В. Гамулка выдвинул условие признания линии Одер-Нейсе в качестве окончательной польско-немецкой границы, западногерманская инициатива остановилась. Вскоре начался Берлинский кризис. Таким образом, представления Аденауэра по германскому вопросу в части непризнания послевоенных восточных границ блокировали развитие отношений со странами Восточной Европы.

В ограниченных рамках можно говорить об особом отношении Аденауэра к Польше. Наряду с Францией и Израилем, канцлер признавал особую моральную ответственность Германии перед Польшей за Вторую мировую войну [12, S. 48]. К тому же для Аденауэра Польша оставалась католической и западноориентированной страной. Однако не следует и переоценивать масштаб значения подобных воззрений. Немецкий историк Гансякоб Штеле, например, так характеризует отношение Конрада Аденауэра к Польше: «Этот рейнский католик, для которого уже протестантская Пруссия лежала в чуждой дали, правда, испытывал к ещё более отдалённой Польше симпатию, но она едва ли коснулась его политической мысли и действий» [13, S. 80].

Главную проблему для развития западногерманo-польских отношений представляла нерешенная проблема послевоенных границ, связанная с вопросом немецких беженцев с восточных территорий. Конрад Аденауэр отказывался признавать линию Одер-Нейсе в качестве немецко-польской границы. В соответствии с Потсдамскими договорённостями держав-победительниц, территории к востоку от линии Одер-Нейсе «до окончательного

определения западной границы Польши» мирным договором с Германией «должны находиться под управлением Польского государства» [14, с. 134—135]. Аденауэр рассматривал регулирование немецко-польской границы в неразрывной связи с будущим воссоединением и заключением мирного договора с Германией. В 1952 году во время консультаций с западными союзниками по поводу «Германского договора» Аденауэр попытался обязать их поддержать его стремление к воссоединению Германии с включением территорий Восточной Пруссии, отошедших к Польше по Потсдамским соглашениям, на что получил отказ [15, S. 891—893]. В 1953 году канцлер озвучил мысль о возможности создания польско-германского «кондоминиума» для управления этими территориями. В целом в большинстве официальных высказываний Конрад Аденауэр требовал единства Германии с включением восточных территорий, то есть в границах 1937 года.

Такая позиция Конрада Аденауэра имела во многом популистский подтекст [16, с. 47—48]. Внешнеполитическая проблема линии Одер-Нейсе смыкалась с внутриполитической проблемой беженцев с восточных территорий. Их число в ФРГ достигало 10-15 миллионов, вместе с родственниками и сочувствующими это был огромный электорат. Беженцы интегрировались в политическую систему: с 1950 по 1957 год в бундестаге был представлен «Блок изгнанных и лишённых прав», входивший в правящую парламентскую коалицию. По всей ФРГ существовали «землячества Восточной Пруссии», «землячества судетских немцев» и др.

Эти союзы, исходя из разработанного ими же «права на родину», выдвигали политические требования по возврату земель, входивших в состав Германии до Потсдамских соглашений союзников 1945 года. Союзы имели свои газеты и издательства. В 1999 году в ФРГ был издан сборник документов «Конрад Аденауэр в переписке с беженцами и перемещёнными лицами». Основная мысль ответных писем Аденауэра беженцам — признание несправедливости и неправомерности переселения немцев из восточных территорий и поддержка надежды, что когда-нибудь они смогут вернуться на историческую родину [17].

Конрад Аденауэр в приватных беседах признавал потерю восточных территорий. Его непризнание линии Одер-Нейсе рассматривается ими через призму предвыборных, популистских соображений. Ведущий немецкий специалист по Аденауэру, историк Ганс-Петер Шварц отмечает, что Аденауэр не решался на коренное улучшение отношений с Польшей, исходя из грядущих выборов 1957 и 1961 годов, в которых не хотел терять большую группу электората [8, S. 42]. Один из известных критиков восточной политики Аденауэра, историк Кристоф Клессманн, также считает, что первый федеральный канцлер едва ли представлял возможным возвращение восточных территорий и «незаслуженно прибрёл на Востоке славу реваншиста» [10, S. 61]. Беженцы выступали, по мнению Клессманна, как важный «потенциал на выборах» [10, S. 76].

Пограничный конфликт мешал налаживанию конструктивных двусторонних связей. Все другие появлявшиеся в течение более четырёх десятилетий сложности имели по отношению к этому второстепенное значение. Этот немецко-польский продолжительный конфликт в значительной мере детерминировал с конца Второй мировой войны политику обоих государств [18].

В свете ряда источников представляется обоснованным, что Аденауэр, как и его министр иностранных дел Брентано, не рассчитывали всерьёз на возврат бывших восточных провинций. Историк и один из издателей творческого наследия канцлера Арнульф Баринг в комментированной переписке Аденауэра с министром иностранных дел Г. фон Брентано приводит отрывок одного из писем последнего: «Я лично вижу этот вопрос (линии Одер-Нейсе — **А. С.**) во взаимосвязи с воссоединением, и я считаю очень даже возможным, что немецкий народ однажды будет поставлен перед вопросом, готов ли он отказаться от этих областей, чтобы этим освободить 17 миллионов немцев в Советской зоне, или он не захочет этого делать, только чтобы настаивать на довольно проблематичном притязании на восточные области» [19, S. 192].

Историк Аксель Фрон публикует важный источник в статье «Аденауэр и немецкие восточные области в пятидесятые годы» [20]. Согласно мнению автора, Аденауэр в начале 1950-х годов выдвигал требования по поводу возврата восточных территорий из «технических» причин: для мобилизации западных союзников, для ускорения интеграции в целях предотвращения роста националистических настроений в ФРГ [20, S. 502—503]. Фрон приводит цитату, затем широко заимствованную у него другими авторами, правда, ставя под сомнение аутентичность высказываний. Речь идёт о записках шеф-редактора информационного агентства dpa, впоследствии депутата от СДПГ Фрица Зенгера, который передаёт содержание разговора Конрад Аденауэра с председателем СДПГ Эрихом Олленхауэром в 1953 году. Зенгер в своих записках приводит слова Аденауэра: «Мы сначала ещё должны заплатить. Мы ведь ещё не рассчитались. Потому что нет нерешенности, господин Олленхауэр, потому что все вопросы давно решены. Одер-Нейсе, восточные области и т. д. Они потеряны! Их больше нет!» [20, S. 522]. Фрон ставит под сомнение достоверность источника, так как подтверждения Олленхауэром факта беседы не существует, как и других её доказательств. Тем не менее, тот же Фрон делает вывод, что Аденауэр не возлагал надежд на помощь западных держав в подобных притязаниях. Канцлер предпочитал держать вопрос открытым в надежде на изменения на Востоке и последующее регулирование вопроса границ новым мирным договором с Германией. Признание линии Одер-Нейсе могло также стать ценой за воссоединение. Авторитетный немецкий историк Ганс-Петер Шварц также подчёркивает, что Аденауэр уже рано был скептически настроен в отношении восточных областей, «смогут ли они вообще когда-либо снова быть заселены немцами», и ссылается на цитату, приведенную в работе А. Фрона. При этом Шварц также предполагает намерение Аденауэра ввести в игру этот вопрос в ходе возможных переговоров по воссоединению: канцлер уже в ранний период размышлял о связи «между воссоединением и отказом от восточных территорий», но не терял надежды и на уступки [21, S. 115]. Таким образом можно предположить, что Конрад Аденауэр пытался связать вопрос восточной границы с вопросом воссоединения Германии и заключения нового мирного договора, а до этого времени предпочитал оставить его открытым, то есть в действиях канцлера прослеживается не только популизм и предвыборная

агитация, но и реальный внешнеполитический расчёт.

В 1963 году, незадолго до отставки Аденауэра, был заключён торговый договор ФРГ с Польшей. Однако это событие — заслуга уже не канцлера, а нового министра иностранных дел Шрёдера, который выступал за новую восточную политику, прежде всего в части нормализации отношений со странами Восточной Европы. Ему, в частности, принадлежит формула «изменения за счёт торговли» (Wandel durch Handel). Первый шаг в этом направлении лишь хронологически относится к периоду канцлерства Аденауэра, который взирал на эти подвижки скорее со скептицизмом. После отставки Аденауэра, в 1960-е годы, Западной Германией были установлены торговые отношения со всеми странами восточного блока. В 1969—1974 годах восточной политикой Вилли Брандта были установлены дипломатические отношения и признаны послевоенные границы.

Конрад Аденауэр отказывал государствам Восточной Европы в политической самостоятельности, видя в них лишь сателлитов СССР, а коренной нормализации отношений со странами восточного блока мешали его основные убеждения в германском вопросе. На практике развитию двусторонних связей препятствовала доктрина Халльштейна и непризнание границы Одер-Нейсе (в случае с Польшей). Доктрина Халльштейна в целом показала себя как неэффективный инструмент внешней политики ФРГ. В факте непризнания границы Одер-Нейсе выделяются две составляющие: популистское желание заручиться поддержкой избирателей в лице беженцев с восточных территорий и долгосрочный расчёт связать эту проблему с возможными переговорами по воссоединению. Следует констатировать ограниченную гибкость и способность к диалогу в восточном направлении, негативное влияние основных установок в области германской политики. В итоге отношение к странам Восточной Европы предстаёт как несомненный недостаток восточной политики Аденауэра. Постепенное возвращение традиционного сильного присутствия и влияния ФРГ в регионе начинается с «новой восточной политики» Вилли Брандта, которая была основана уже на принципиально иной внешнеполитической доктрине.

Библиографический список

1. Ежов, В. Конрад Аденауэр. Немец четырёх эпох / В. Ежов. — М. : Молодая гвардия, 2003. — 311 с.

2. Петелин, Б. В. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики / Б. В. Петелин // Новая и новейшая история. — 2006. — № 3. — С. 142—169.

3. Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers / H.-P. Schwarz // Adenauer-Studien I. — Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag, 1971. — S. 71—108.

4. Павлов, Н. В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. — М. : Международные отношения, 2012. — 800 с.

5. Zoll W. Über den Wert der Hallstein-Doktrin / W. Zoll // Außenpolitik. — 1963. — Heft 9. — S. 602—609.

6. Греве, В. Германская внешняя политика в послевоенное время : пер. с нем. / В. Греве. — М. : Изд-во иностран. лит., 1961. — 211 с.

7. Майоника, Э. Германская внешняя политика. Проблемы и решения : пер. с нем. / Э. Майоника. — М. : Прогресс, 1965. — 349 с.

8. Schwarz H.-P. Die Ära Adenauer 1957—1963 / H.-P. Schwarz // Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Band 3. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983. — 462 S.

9. Schwarz H.-P. Adenauer. Der Staatsmann: 1952—1967 / H.-P. Schwarz. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1991. — 1083 S.

10. Klessmann C. Adenauers Deutschland- und Ostpolitik 1955—1963 / C. Klessmann // Adenauer und die deutsche Frage. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. — S. 61—79.

11. Синдеев, А. А. Сближение с Польшей, или Когда началась новая европейская политика ФРГ? / А. А. Синдеев // Современная Европа. — 2011. — № 4. — С. 124—130.

12. Bender, P. Neue Ostpolitik. Vom Mauerbau zum Moskauer Vertrag / P. Bender. — München : Deutsche Taschenbuch-Verlag, 1986. — 289 S.

13. Stehle, H. Adenauer, Polen und die Deutsche Frage / H. Stehle // Adenauer und die deutsche Frage. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. — S. 80—98.

14. Потсдамская конференция трех держав / Под ред. Б. Г. Гафурова [и др.] // Хрестоматия по новейшей истории. В III т. Т. II. 1939—1945. — М. : Издво соц.-эконом. лит-ры, 1960. — С. 134—135.

15. Schwarz H.-P. Adenauer. Der Aufstieg: 1876—1952 / H.-P. Schwarz. — Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. — 1024 S.

16. Раш, Г. Куда идёт Западная Германия? Размышления профессора Франкфуртского университета : пер. с нем. / Г. Раш. — М. : Прогресс, 1965. — 140 с.

17. Konrad Adenauer im Briefwechsel mit Flüchtlingen und Vertriebenen / Hrsg. von H. P. Mensing. — Bonn : Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1999. — 187 S.

18. Bingen, D. Die Polenpolitik der Bonner Republik von Adenauer bis Kohl 1949—1991 / D. Bingen. — Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1998. — 379 S.

19. Baring, A. Sehr verehrter Herr Bundeskanzler! Heinrich von Brentano im Briefwechsel mit Konrad Adenauer 1949—1964 / A. Baring. — Hamburg : Hoffman und Campe, 1974. — 511 S.

20. Frohn, A. Adenauer und die deutschen Ostgebiete in den fünfziger Jahren / A. Frohn // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 1996. — Heft 4. — S. 485—525.

21. Schwarz, H.-P. Anmerkungen zu Adenauer / H.-P. Schwarz. — München : Deutsche Verlags-Anstalt , 2004. — 218 S.

СОРОКИН Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений.
Адрес для переписки: SorokinAN@omsu.ru

Статья поступила в редакцию 02.09.2015 г.

© А. Н. Сорокин

УДК 654.191(091)

О. Я. ЗОРИНА
И. В. ХАЖЕЕВА

Тюменский государственный нефтегазовый университет

Тюменский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАДИО В СССР В 1920-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНИ)

В статье исследуются основные вехи и направления развития радио как средства массовой информации в России начала XX века. Авторы определяют роль государства в организации радиовещания в центре страны и на местах. На основе привлечения материалов делопроизводства местных архивов и региональной периодической печати проанализированы условия и специфика становления радио в Тюменском регионе в 1920-е годы.

Ключевые слова: Тюмень, радиовещание, государственное управление, радиотехника, средства массовой информации, радиостанции.

С момента формирования большевистского режима начала складываться система управления общественным мнением через средства массовой информации. Ее основу составляло включение в систему государственной инфраструктуры всех средств массовой информации: печатных изданий и радио. Это осуществлялось с изменением правового статуса информационных каналов и организации идеологического контроля содержательной части радиосообщений. В то же время сформировалась структура вещания — «эфирная сетка» или программа вещания, посредством которой осуществлялась политика в области распространения общественно-политических, культурных и иных ценностей.

Анализируя опыт взаимоотношений политических институтов и СМИ в СССР, следует отметить наличие особых периодов, способствовавших развитию радиовещания в России в советский период. По мнению Т. М. Горяевой, именно в 1920-е гг. в России существовала оптимальная модель его развития, когда акционерное общество «Радиопередача», при поддержке государственного финансирования, превратило радио в самостоятельную, самоокупаемую и доходную сферу деятельности, гарантирующую акционерам и журналистам финансовую и творческую свободу. В последующие «ведомственный» (1928—1933 гг.) и «государственный» (1933—1990 гг.) периоды радио было превращено в подсистему государственной политической цензуры [1].

До 1918 г. радио в России использовалось как особый вид связи на военно-морском флоте и средство для поддержания контактов с дипломатическими службами европейских государств, поэтому внимание государства к развитию радиоотрасли определялось прежде всего потребностями военного ведомства.

Передаваемая в это время информация с помощью телеграфного кода — условных сигналов «азбуки Морзе» не представляла радиовещания в современном значении этого слова [2, с. 20].

С приходом к власти большевиков все радиотехнические средства и радиостанции, в том числе завод в Петрограде и лаборатория в Москве (РОБТиТ) были национализированы и переданы под управление Народного комиссариата почт и телеграфов, организованного 25 декабря 1917 г. вместо ликвидированного Министерства почт и телеграфов Временного правительства. В составе наркомата при Радиотелеграфном отделе был создан Радиотехнический совет [3].

Переход радиоотрасли под управление полувоенного ведомства изменил социальное назначение радио. Оно стало использоваться в новом качестве как средство широкой внутренней связи, причем акцент делался на политическом использовании радиостанций. Решением Совета народных комиссаров от 24 ноября 1917 г. радиослужбам предписывалось передавать через радиотелеграф все правительственные постановления [4, л. 3].

В конце 1918 г. Радиотехнический совет разработал план создания государственной радиосети, которым предусматривалась организация радиостанций в стратегически важных районах страны. С 1918 г. по 1920 г. количество радиоприемных пунктов в стране увеличилось с 75 до 200 единиц [4, л. 3]. В Москве «для обеспечения надежной связи центра Республики с западными государствами и окраинами» 1 марта 1920 г. была сдана в эксплуатацию новая радиостанция на ул. Шаболовской. В это время радиосообщения в форме звуковых сигналов азбуки Морзе посылались в эфир одной радиостанцией и принимались другой, а затем в форме листовки переданная информация вывешивалась на вокзалах, площадях и пр. [5, л. 12].

В июле 1921 г. Радиотехническим советом была принята программа, предусматривавшая организацию радиовещания через громкоговорители в центральных городах, в 280 губернских и уездных центрах [2, с. 27, с. 34]. Постоянные радиопередачи с применением уличного громкоговорителя были

организованы в июне 1921 г. в Москве, а 2 августа в Люберцах (под Москвой) начал работу первый радиоузел.

Система проводного радиовещания была разработана в 1919 г. К. И. Четыркиным. Через два года право организации и эксплуатации радиостанций в целях «промышленно-коммерческого, культурно-просветительского, научного или любительского характера» распространилось на «государственные, профессиональные и партийные организации» [6, с. 505—506], а еще через год — на частные предприятия и граждан СССР [6, с. 507—508].

С целью популяризации радиосредств среди населения в июле 1924 г. было создано Общество радиолюбителей РСФСР (с декабря 1924 г. — Общество друзей радио), благодаря региональным отделениям которого во второй половине 1920-х гг. во многих городах организовывались передачи местных радиопрограмм через репродукторы [7, с. 293]. В марте 1933 г. по решению ЦК ВКП(б) это общество было упразднено, а руководство радиолюбительским движением в центре и на местах было передано комсомолу. А в мае 1935 г. руководить радиолюбительским движением стал Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР [2, с. 122—123].

В октябре 1924 г. для управления радиовещанием было организовано акционерное общество «Радиопередача». Учредителями его являлись акционерное общество «Трест заводов слабого тока», Российское телеграфное агентство (РОСТА) и Наркомат почт и телеграфов. Функции и задачи «Радиопередачи» были определены следующим образом: объединение всего радиодела в стране, организация широковещания, строительство и эксплуатация радиостанций, торговля радиоаппаратурой, издательская, рекламная и любая другая коммерческая деятельность [8, с. 24—25].

Первый номер «Радиогазеты РОСТА» «Всем, всем, всем!» был передан со станции им. Коминтерна 23 ноября 1924 года. Этот день принято называть днем рождения советского регулярного радиовещания [4, л. 3].

К концу 1920-х гг. система партийно-государственного контроля окончательно сложилась, но радио по сравнению с другими средствами массовой коммуникации организационно все еще оставалось общественным и независимым — акционерным обществом, владеющим и распоряжающимся всем имуществом, материальными и техническими средствами связи, творческими и техническими кадрами, прибылью.

С целью включения радио в рамки сложившейся государственной системы 7 июля 1928 г. Оргбюро ЦК приняло решение о ликвидации «Радиопередачи», а 13 июля 1928 г. — постановление «О реорганизации радиовещания», по которому организация и руководство радиовещанием переходила к Народному комиссариату почт и телеграфов [1, с. 143]. Впоследствии, 31 января 1933 г. постановлением СНК СССР был образован Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, деятельность которого полностью финансировалась и контролировалась государством [9, с. 21].

Становление и развитие радиовещания в региональном масштабе является следствием политики государства в данной сфере. Материалы местных архивов позволяют увидеть специфику процесса реализации решений политического истеблишмента в области развития радиовещания, отметить общие черты и особенности. Объектом изучения этой проблемы авторы статьи выбрали Тюменский край (с 1919 по 1923 гг. — Тюменская губерния, с 1923 по 1932 гг. — Тюменский, Тобольский и Ишимский округа).

Как и в целом по стране развитие радиовещания в Тюменском регионе началось с радиоинфраструктуры, созданной в целях военной и транспортной координации. Выход декрета «О частных приемных радиостанциях» в июле 1924 года [10, 11] вывел отрасль на уровень применения в повседневной гражданской жизни. С его выходом активизировалось «радиолюбительское» движение, ускорившее процесс развития радиовещания в регионе. Вместе с тем развитию радиолюбительского движения способствовали и улучшение технических характеристик передающих радиостанций, развитие радиопромышленности в целом, появление в свободной продаже радиоизделий.

При этом текст декрета носил скорее рекомендательный характер и его основной задачей являлось определение характера взаимоотношений между населением и радиослужбами, где подчеркивалось доминирующее положение государства в отрасли [12, с. 84].

Следует отметить, что технические характеристики регионального радиовещания, в том числе регулярность, устойчивость и чистота радиосигнала оставляли желать лучшего: послушать радиопередачу было непросто даже в конце 1920-х гг. [13, 14], хотя сигналы московской радиостанции «Коминтерна» ретранслировала Шартоимская радиостанция, открытая в сентябре 1926 г. под Свердловском [15].

Одной из существенных проблем, сдерживающих развитие радио в Тюмени в исследуемый период, был кадровый дефицит. Возможно, в числе первых «радиолюбителей», составлявших штат радиослужб, были репрессированные специалисты из центральных городов России. Так, практически ничего не известно об изобретателе В. Я. Михайлове. В краеведческой литературе за этим человеком закрепился статус «крестьянина», самостоятельно собравшего первый «коллективный» радиоприемник [16, 17]. Поверить, что специальными знаниями в области радиофизики можно было овладеть самостоятельно — сложно, тем более что необходимая литература появилась несколько позже.

С приемника В. Я. Михайлова в 1925 г. началась история тюменского радиовещания. Хотя первые опыты приема радиопередач радистами-любителями Тюмени могли состояться и раньше, еще в начале 1920-х годов [18—22]. Численность первых радиослушателей была ограничена размерами помещения Центрального клуба городских профсоюзов по ул. Республики, 36. В нем размещалась и радиомастерская изобретателя.

Через два года горожане слушали передачи московской радиостанции на улице с помощью громкоговорителя, установленного на балконе клуба. Вначале сеансы приема радиопередач осуществлялись два-три раза в неделю. Вещание было весьма слабого качества, то же можно сказать и о его содержании. Например, после коротких новостей о достижениях руководства страны звучал пространный доклад о роли армии, а затем — частушки. Однако в 1920-е гг. радиослушатель если и был чем-то недоволен, то только кратковременностью вещания. Главным достоинством нового средства массовой информации была доступность содержания «говорящей газеты», для понимания

содержания которой грамотность не требовалась [23, с. 24].

К числу условных недостатков радио в 1920-е гг. можно причислить его высокую стоимость. Индивидуальный приемник, фабричный или собранный радиолюбителями значился в списке недоступных предметов домашнего обихода [24]. Поэтому в первое время радиоприемники приобретались преимущественно руководителями профсоюзов в рамках выполнения решений истеблишмента о развитии политической, правовой и культурной грамотности. В 1927 г. в Тюмени насчитывалось 6 радиоприемных установок [25].

До конца 1927 г. основную роль в развитии радиовещания в Тюмени играло Окрпрофбюро, инициировавшее вместе с организацией работы коллективного радиоприемника (декабрь 1926 г.) и радиокурсы, на которых можно было узнать о принципе работы радиосредств и научиться собирать простейшие приемные устройства.

В декабре 1927 г. при содействии Тюменского горкома ВКП(б) был создан новый центр радиолюбительского движения — Тюменское окружное общество друзей радио. Тогда же появилась и редакционная комиссия, отвечавшая за трансляцию городских радиопередач по тюменскому радио. В апреле 1928 г. в Тюмени действовали 52 радиоприемника, половина из них принадлежала организациям. В городе насчитывалось 13 ячеек ОДР, в близлежащих районах — 7. В них состояли 1300 человек [26, л. 4; 27]. С августа 1928 г. жители города могли принимать радиопередачи и по проводному радио. Для того чтобы стать абонентом тюменского радиоузла, горожанину нужно было заплатить 40 руб. за установку радиоточки и приобрести репродуктор. Можно было слушать радио и по телефону, что было значительно дешевле [28]. К этому времени руководство радиолюбительским движением и организация вещания на территории региона осуществлялись окружными конторами связи.

В 1928 г. был открыт городской радиоузел, и в Тюмени появилось проводное радиовещание, транслирующее передачи Тюменской радиостудии [25]. Техническое обеспечение проекта осуществлялось Тюменским отделением общества друзей радио, а финансировалось городскими органами власти.

Применение технологии проводного вещания в некоторой степени удешевило радио, но не сделало его доступным. Так, чтобы слушать радиопередачи по репродуктору, горожанину следовало потратить 40 руб. на установку радиоточки, купить репродуктор и ежемесячно вносить абонентскую плату в размере 50 копеек. Стоимость радиотелефона — альтернативы радиоточки составляла 15 рублей [26, л. 4]. В августе 1929 г. радиоузел работал на 70 радиоточек, половина из них принадлежала городским учреждениям [29].

Следует учитывать то обстоятельство, что тюменская радиостанция довольно длительное время считалась непопулярной. Слушатели были недовольны как технической подготовкой тюменского радиовещания, так и его содержанием — «однообразным чтением дикторами газетных публикаций и объявлений» [29]. Одной из причин подобного положения являлось недостаточное финансирование радиоузла и радиостудии [30, л. 17].

В июле 1928 г. произошел перевод инфраструктуры радиовещания под контроль Министерства связи, однако ситуация на местах не улучшилась. В статье «Почему молчит радио?», опубликованной в газете «Красное знамя» 26 января 1930 г., отмечалось: «Передавая узел окружной конторе связи, ОДР надеялось, что связисты смогут организовать работу радиоузла удовлетворительно, ведь радиоузел располагает лучшим оборудованием по уральской области... Но недостатки в трансляции приняли систематический характер...» [31].

Однако популярность радио как средства передачи информации и проведения досуга была высокой. К концу 1920-х гг. в городе действовало более 10 радиосекций, где можно было получить бесплатную консультацию, приобрести необходимые детали и инструменты для того, чтобы самостоятельно собрать приемник. Таким образом, массовое увлечение «радиолюбительством» в 1920-е гг. способствовало воспитанию поколения изобретателей, сыгравших важную роль в развитии радиоиндустрии региона.

Таким образом, история развития радио в Тюмени в 1920-е гг. в полной мере отражает общие черты, характерные для развития радиоотрасли в целом для СССР: появление и развитие радиовещания обусловлено организационными мерами со стороны государственно-политического руководства. Правда, в отличие от центральных радиослужб, региональное радио никогда не имело статуса «выгодного самоокупаемого проекта».

В рассматриваемый период происходил процесс становления системы государственного управления радио, в связи с чем менялся состав и структура государственных органов, которым подчинялась радиоотрасль.

Основными тенденциями в развитии радио и системы радиовещания в Советской России в 1920-е гг. были: во-первых, использование радио в политических целях как средство агитации и пропаганды, во-вторых, распространение радиовещания как средства связи центра и окраин, и в-третьих, активная популяризация радиосредств и радиолюбительства на местном уровне для дальнейшего совершенствования его технических возможностей.

Первоначально радио не подвергалось жесткому контролю со стороны партийных и советских органов и имело относительную свободу для развития по сравнению с печатными средствами массовой информации. Вместе с тем работа региональных радиослужб с самого начала имела рекомендации и указания как относительно кадрового состава сотрудников радиостанций и радиоузлов, так и их творческих планов.

Библиографический список

1. Горяева, Т. М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история / Т. М. Горяева. – М. : РОССПЭН, 2000. – 175 с.

2. Гуревич, П. Советское радиовещание / П. Гурвич, В. Ружников. – М. : Искусство, 1976. – 382 с.

3. О централизации радиотехнического дела в РСФСР : декрет Совета народных комиссаров [июль 1918 г.] // Декреты Советской власти. В 5 т. Т. 3. – М., 1964. – С. 58–61.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6903.Оп. 48. Д. 213.

5. ГАРФ. Ф. 6903. Оп. 48. Д. 212.

6. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении : сб. док. – М., 1972. – 520 с.

7. Справочник партийного работника. – М., 1925. – Вып. V. – 574 с.

8. История советской радиожурналистики: Документы. Тексы. Воспоминания. 1917–1945 гг. / Т. М. Горяева. – М. : МГУ, 1991. – 435 с.

9. Радиоежегодник / Под общ. ред. М. А. Копорина. – М. : Радиоиздат, 1934.

10. Красное знамя. – 1927. – 26 января, 15 октября.

11. Красное знамя. – 1928. – 16 февраля, 3 апреля, 13 июня.

12. Зорина, О. Я. Об организации радиовещания в Тюмени (1920-е гг.) / О. Я. Зорина // Проблемы колонизации Сибири и Севера в XXI веке : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень : РИО ТюмГАСУ, 2011. – С. 56–62.

13. Трудовой набат (Тюмень). – 1926. – 17 сентября, 12 декабря.

14. Северянин (Тобольск). – 1926. – 22 января.

15. Красное знамя (Тюмень). – 1923. – 23 марта, 31 июля.

16. Трудовой набат. – 1926. – 21 ноября.

17. Красное знамя. – 1927. – 9 января, 26 января.

18. Трудовой набат. – 1922. – 25 ноября.

19. Трудовой набат. – 1923. – 9 марта, 31 июля.

20. Трудовой набат. – 1924. – 14 февраля.

21. Трудовой набат. – 1925. – 6 ноября, 2 июля.

22. Трудовой набат. – 1926. – 9 января, 21 ноября.

23. Зорина, О. Я. История организации радиовещания в Тюмени (1920-е гг.) / О. Я. Зорина // Тюменский исторический сборник. – Тюмень : Экспресс, 2012. – Вып. XIV. – С. 23–28.

24. Красное знамя. – 1927. – 26 января.

25. Красное знамя. – 1928. – 15 марта.

26. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). – Ф. 1830.Оп. 1. Д. 1.

27. Красное знамя. – 1928. – 21 января, 15 января.

28. Красное знамя. – 1928. – 20 декабря.

29. Трудовой набат. – 1929. – 29 ноября.

30. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп.1. Д. 6675.

31. Красное знамя. – 1930. – 26 января.

ЗОРИНА Олеся Ярославовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета.
Адрес для переписки: ozorina@pochta.ru
ХАЖЕЕВА Ирина Викторовна, ассистент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета.
Адрес для переписки: ivkha@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 06.08. 2015 г.
© О. Я. Зорина, И. В. Хажеева

Книжная полка

Наш Омский край: 2-й конкурс исследовательских краеведческих работ, посвященный памяти М. Е. Бударина : сб. докл. / Под ред. С. В. Новикова, И. В. Цыгановой, Л. В. Аплетаевой. – Омск : ОмГПУ, 2015. – 194 с. – ISBN 975–5–8268–1954-8.

Сборник содержит тексты докладов, представленных на 2-й конкурс исследовательских краеведческих работ, посвященный памяти М. Е. Бударина. Материалы сборника представляют интерес для учителей истории, краеведов, учащихся, а также всех тех, кому интересна история родного края.

Данное издание подготовлено на факультете повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Омского государственного педагогического университета.

ББК 63.3(2)712л0(25)
Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 12–13 ноября 2014 года / Под ред. Д. И. Петина. – Омск : Амфора, 2015. – 232 с. – ISBN 978–5–906706–40–6.

В сборнике материалов опубликованы доклады и материалы, представленные в оргкомитет Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие», посвящённой 140-летней годовщине со дня рождения адмирала А. В. Колчака и 95-летней годовщине с момента восстановления Советской власти в Омском Прииртышье. Также представлена резолюция конференции. Материалы конференции освещают военно-политические и социально-экономические аспекты, культуру, духовную и повседневную жизнь общества, а также содержат историко-биографические исследования. Кроме того, отдельным блоком представлены фотодокументы и иллюстрации, отражающие тематику ряда докладов. Большая часть этих изображений публикуется впервые.

Издание предназначено для широкого круга читателей — историков, архивистов, преподавателей, докторантов, магистрантов, аспирантов и студентов учебных заведений высшего и среднего специального образования, музейных сотрудников и краеведов.

ББК 63.3(2)7/Э95
«Эхо русского народа»: отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве : материалы III Междунар. молодеж. науч.-практ. конф., 28 апреля. 2015 г. / ОмГТУ ; редкол. : А. В. Сушко [и др.]. – Омск : ОмГТУ, 2015. – 159 с.

Представлены материалы, посвященные истории Великой Отечественной войны, нашедшие отражение в поэтическом и песенном творчестве. Издание адресовано широкому кругу научной общественности, а также всем, кто интересуется проблемами отечественной истории и культуры.

УДК 811.112.2'38

Г. Г. БАБАЛОВА
Е. В. БАСТИНОВИЧ

Омский государственный университет путей сообщения
Сургутский государственный университет

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ НОМИНАЦИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблематике отрицательного компонента в оценочной лексике немецкого языка. Особое внимание авторы акцентируют на том, что отрицательная оценка более дифференцирована по сравнению с положительной и выделяет основные способы образования отрицательного оценочного компонента.

Ключевые слова: отрицательная оценка, метафора, фразеология, язык, оценочный компонент, эмоциональность, экспрессия.

Язык отражает мир во всем его многообразии. Прежде всего, в языке представлены объекты, действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками в их взаимодействии. Одним из аспектов взаимодействия действительности и человека является оценочный аспект. Исследованием этой проблемы занимались как зарубежные учёные (Фабело Корсо Х. Р., Хэар Р. М. и др.), так и отечественные лингвисты (Арутюнова Н. Д., Вольф Е. М., Ивин А. А., Перл Н. Е. и др.). Наиболее авторитетными в этой области исследования являются работы Арутюновой Н. Д., Вольф Е. М., Ивина А. А. Названные исследователи отмечают, что оценка является универсальной категорией практически для всех языков. Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность. Это легко объяснить принадлежностью оценки к интенсиональному аспекту языка, где огромную роль играет преломление картины мира в сознании говорящего, т. е. здесь можно говорить о субъективном факторе оценки. По мнению Е. М. Вольф, объективно-оценочные смыслы «хорошо / плохо» располагаются по шкале оценок, на которой есть зоны положительного и отрицательного. Между ними расположена зона нейтрального, где эти признаки находятся в известном равновесии. Все «хорошее» ориентировано на норму, а все «плохое» — отклонение от нее. Но существует такая оценочная лексика, которая группируется вокруг понятия «средний», указывая на нейтральную зону на шкале. Такие слова легко сдвигаются в сторону «плохого» со значением: средний, посредственный, заурядный. Как можно заметить, оценочная шкала не любит положения равновесия; в самом ее устройстве, подчеркивает Е. М. Вольф, заключена ассиметрия [1, с. 27]. Ранее было отмечено, что «норма» и «среднее» не совпадают, «норма» сдвинута к положительной части шкалы.

Ассиметричность оценки, на которую делает акцент Е. М. Вольф, усиливается, если оценочная шкала рассматривается не в статике, допускающей прямое противопоставление «хорошо / плохо», а в динамике. Движение по шкале происходит по разным параметрам: индивидуальная оценка субъекта очень подвижна. Субъективный фактор является основой аффективных оценок. В частности, при описании внешности человека, при создании новых отрицательных наименований как в языке, так и в речи неизбежно встаёт вопрос о предпосылках образного словоупотребления. Образное переосмысление слов основывается на предпосылках различного характера: гносеологических, психологических, прагматических и собственно языковых. В гносеологическом плане предпосылки образности кроются в способности языка отражать отношения сходства между предметами.

Для разных культур набор таких образов и метафор будет разным. Приведём несколько примеров фразеологизмов из «Немецко-русского словаря разговорной лексики» [2]: das schwarze Schaf sein — быть белой вороной; eine lahme Ente — тюфяк, рохля; ein schlimmer Finger — злопыхатель; der Hecht im Karpfenteich — как лиса в курятнике; ein krummer Hund — мошенник. Отношения сходства, тождества, подобия отражаются в единстве материальной оболочки слова, и эта общность имени побуждает адресата речи осознавать общность объектов. Однако сами по себе отношения тождества объектов практически беспредельны, и формированию нормативных образных значений способствуют типовые ассоциации. Этот механизм, разумеется, действует в пределах одной культуры, также это связано с историей данного народа и особенностями видения мира конкретного человека. То же происходит и при переводе немецких фразеологизмов на русский язык. Это даже не перевод, а подмена фразеологизма языка оригинала (культуры оригинала) на фразеологизм языка перевода.

Для выражения образности действуют разные метафоры, например, das schwarze Schaf — чёрная овца (пословный перевод) с немецкого языка на русский, а в вышеназванном словаре В. Д. Девкина [2] — белая ворона. Для русской культуры

«белая ворона» — действительно редкое явление, чего не скажешь о «черной овце», в то время как в немецкой культуре «черная овца» означает человека, не похожего на остальных. Немецкие крестьяне не разводили черных овец, так как шерсть от такого животного считалась непригодной для использования. Приведём ещё примеры из вышеупомянутого словаря, в частности, eine lahme Ente — тюфяк (используется для обозначения безвольного неуклюжего человека). В немецком языке такой человек сравнивается с хромой уткой — неуклюжей медлительной птицей. А в русском языке, чтобы усилить значение «мягкий, безвольный», идёт сравнение с тюфяком. Ein schlimmer Finger означает «злопыхатель». Злой, опасный человек — метафора русского языка; «злопыхатель» — человек, который пышет злом, гораздо ярче, чем в немецком языке, — «плохой палец». Такая метафора не лишена смысла, в среде ремесленников эта номинация была особенно распространена. Человек, чья рука или палец повреждены, не способен хорошо выполнять свою работу, а это означает, что работа будет заведомо некачественной. Таким образом, пораненный, или «плохой» палец причиняет неприятности и мастеру и человеку, который покупает изделия этого мастера. Der Hecht im Karpfenteich имеет эквивалент: как лиса в курятнике. Это означает «быть возмутителем спокойствия». В обоих случаях метафоры абсолютно прозрачны: хищник и жертвы в одном пруду (немецкий вариант) или в курятнике (русский вариант). Ein krummer Hund — мошенник, плохой, нечестный человек. В немецком языке идёт сравнение с нечистой собакой — абсолютно прозрачная метафора: krumm — нечистый на руку, нечестный; Hund — о падшем человеке. В русском языке этимология затемнена: мошенник — человек — вор, мошна — сумка для денег. Следовательно, мошенник — человек, ворующий мошны (сумки с деньгами).

Фразеология и образные выражения обогащают язык, делают его красивее и ярче, разнообразнее. Для выбора метафор большую роль играет культурологический аспект. На наш взгляд, необходимо рассмотреть исследуемую лексику ещё и с другой стороны. В частности, существительные der Fleischberg, der Fettkloß, der Bulle обозначают толстого человека, толстяка. Напрашивается вывод о том, что для обозначения одних и тех же физических особенностей тела действуют различные метафоры. Der Fleischberg — жирдяй, толстяк. das Fleisch — мясо, плоть; der Berg — гора. Здесь метафорически усиливается отрицательное значение, человек сравнивается с горой, как символ чего-то огромного (гротескная метафора). Der Fettkloß — жиртрест, жиробас. Нетрудно заметить, что это сложное существительное, в состав которого входят два корня: das Fett — жир, сало; der Kloß — туалет, отхожее место. Оба корня имеют отрицательную коннотацию, и, как следствие, слово приобретает оттенок вульгарности. Der Bulle — здоровяк, толстяк, дословно — бык. В данном примере имеет место зоометафора, перенос по смежности значений. Это слово употребляется для обозначения толстого человека, имеет также отрицательную коннотацию, но по сравнению с выше рассмотренными примерами, имеет значение более ироничное, нежели резко отрицательное.

Далее обратимся к вопросам оценочности, экспрессии и эмоциональности. Оценочность является функциональной категорией, экспрессия — стилистической, а эмоциональность — психологической категорией. Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная оценка человека (предмета, явления). Оценочность представляет собой разновидность номинативной функции [3, с. 32].

Пути появления отрицательного оценочного компонента различны. В частности, оценочное значение может возникнуть вследствие снижения концентрации фразеологизмов в одном из его компонентов. Например, der Bärenhäuter — лежебока (отношение к работе); auf der Bärenhaut liegen — лежать на медвежьей шкуре (досл. перевод); в качестве русского эквивалента можно предложить вариант «лежать на боку». Это словосочетание образовано вследствие стяжения фразеологизма, что придаёт этой оценочной номинации гораздо большую глубину, нежели в русском эквиваленте.

Следующим коннотативным признаком, также сопровождающим переносные значения, является экспрессия. Например, der Heuochse означает «дубина». Здесь экспрессия основана на образе в немецком языке слова der Ochse — бык (символ глупости). Die Gurke — чудик; в данном случае в основе глупости, экспрессии лежит сравнение с огурцом. «Слова не могут обойтись без эмоциональности и экспрессии, если они оценочные и образные», справедливо замечает В. Н. Телия. Экспрессию можно определить как заведомое несоответствие каких-либо языковых средств языковым стандартам [3, с. 35], например, der Sauiegel — стервец.

Менее регулярное в языке, как правило, экспрессивнее, выразительнее типичного, хотя и в речи существуют определенные многочисленные способы усиления выразительности, сама по себе экспрессивность высказывания является категорией языковой и относить ее к области речи нецелесообразно. «Экспрессивные фонды» есть на различных уровнях языка [3, с. 6]. У выделенных сознаний оценочности, экспрессии и эмоциональности есть ряд общих свойств, которые обусловливают трудности практического разграничения этих сознаний.

К общим свойствам коннотативных элементов относятся следующие:

— их прагматический разряд;

— сознания объединяет их большая диффузность;

— они характеризуются взаимосочетаемостью.

Итак, в смысловой структуре слова между эмоциональностью и экспрессией, оценочностью и образностью существует определенная иерархия. Все эти признаки тем не менее отличаются друг от друга, в смысловой модели слов они располагаются не только по принципу дополнительности (оценочность и образность), но и на основе причинно-следственных связей (образность и экспрессия) [3, с. 38].

Отрицательная оценка сама по себе более дифференцирована. В отличие от положительной, в формировании отрицательной оценки участвуют различные средства, в частности, метафора, словосложение, стяжание фразеологизмов, сравнение и т.д.

Библиографический список

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.

2. Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики / В. Д. Девкин. — М. : Русский язык, 1994. — 768 с.

3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 221 с.

БАБАЛОВА Галина Григорьевна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры русского и иностранных языков Омского государственного университета путей сообщения.

БАСТИНОВИЧ Екатерина Владимировна, преподаватель кафедры иностранных языков Сургутского государственного университета.
Адрес для переписки: Galya-05@Yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.07.2015 г.
© Г. Г. Бабалова, Е. В. Бастинович

УДК 81.347.7

О. П. ФЕСЕНКО
С. С. ЛАУХИНА

Омский автобронетанковый инженерный институт

ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК ПРОДУКТ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются положительные и отрицательные особенности электронных (компьютерных) словарей. Помимо их общеизвестных свойств (гибкости, объемности, интерактивности, непрерывного пополнения словарного фонда и использования дополнительных мультимедийных возможностей) поднимаются проблемы, определяющие сложности создания электронных словарей (темпы развития информационных технологий, объем словаря и его коммерциализация).

Ключевые слова: электронный (компьютерный) словарь, компьютерная лексикография, современная лексикография, пользователь словаря.

Современный мир погружен в компьютерную коммуникацию. Разного рода гаджетами, портативными компьютерами, айфонами и смартфонами сегодня пользуется большинство жителей России, США и Европы. Словари гармонично вписываются в такую информационную модель, начиная отвечать новейшим техническим требованиям, подчиняясь необходимости быть адаптированными к электронной среде. Однако, несмотря на то что современные лексикографические жанры давно используются в электронном виде, распространяются на электронных носителях и в сети Интернет, они, тем не менее, часто неудобны потребителям, не соответствуют их нуждам и недостаточно четко отражают тот или иной отрезок языковой картины мира или период существования языка. Кроме того, современная лексикография, столкнувшись с необходимостью создания электронных словарей, пока еще не определилась, что же считать такими словарями. Основной спор сегодня идет вокруг того, можно ли рассматривать в качестве электронного словаря обычный текстовый словарь, переведенный на электронный носитель, или это все-таки должен быть особый лексикографический продукт, расширяющий возможности своего использования благодаря особым платформам и программам.

Большинство исследователей склоняются к тому, что электронный компьютерный словарь требует особого подхода и разработки компьютерной программы, которая могла бы позволить потребителям различного уровня (от рядовых носителей языка до ученых) максимально продуктивно использовать возможности словарной базы каждого конкретного словарного жанра.

Быстрое освоение электронного пространства привлекло как к теоретическим (терминологическим), так и практическим сложностям в лексикографии. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего, как мы уже отмечали, наблюдается расхождение в понимании того, что считать электронным словарем. Разброс определений и дефиниций достаточно большой. В науке используются термины «электронный словарь» [1, с. 47; 2, 3], «электронная версия словаря» [4], «автоматический словарь» [5], «компьютерный словарь» [6], «машинный словарь» [7]. Часть этих терминов может одновременно употребляться в качестве синонимов в рамках одного научного исследования.

Если проанализировать содержание приведенных терминов, то все их можно разделить на две группы. В первую войдут те, которые обозначают словари, представляющие собой электронные версии печатных лексикографических изданий. Во вторую — словари, создающиеся специально для использования в электронном формате. Последние наиболее насыщены дополнительными функциями, предусмотренными компьютерными программами, на базе которых создаются такие словари. Добавим, что и те и другие виды лексикографических изданий могут быть названы электронными, поскольку под электронным словарем понимается «произведение на машинных носителях [...], кото-

рым пользуются с помощью персонального компьютера, загружая словарь с диска как обычное программное приложение» [8, с. 182]. В таком случае потребителю, пользователю словаря совсем не важно, создавался ли он на базе печатного варианта или имеет только электронную версию. Поэтому, с нашей точки зрения, нет необходимости спорить об особенностях терминологии. Все эти словари можно назвать и компьютерными, и электронными, и машинными и пр. Отметим, что первые два термина на сегодняшний день нам представляются наиболее удачными, поскольку отражают сферу использования таких словарей.

Сделаем акцент на том, чем полезны компьютерные словари (в нашей работе речь идет о тех компьютерных словарях, которые адресованы читателю (а не о тех, которые предназначены для программ обработки текстов).

Как отмечают многие исследователи, электронный словарь имеет ряд отличительных особенностей, выгодно противопоставляющих его печатному лексикографическому изданию.

Во-первых, электронный формат значительно ускоряет процесс поиска искомой словарной единицы, что очень важно для рядового пользователя (от школьника до взрослого человека). Кроме того, если в поисковую строку неверно забито «заголовочное слово», то электронная версия словаря позволяет предложить варианты правильного написания вместо ошибочного. Вдобавок такой словарь может привести сведения, касающиеся не только значения каждого конкретного слова, но и показать его функционирование в составе фразеологических единиц, отображение которых в печатных словарях вызывает много вопросов и споров. Также процесс поиска нужной информации может быть максимально сокращен за счет использования гиперссылок, отсылающих пользователя к необходимым ему сведениям. Все эти возможности лексикографы называют гибкостью словаря [8, с. 182], или гипертекстовостью [1, с. 48].

Во-вторых, компьютерный словарь значительно расширяет возможности описания словарной единицы. Это не просто увеличение количества включенных в словарь единиц, отражение их значения и функционирования, но и описание грамматических характеристик, состава слова, особенностей произношения, происхождения, неограниченного числа контекстов, фразеологии, концептуальных и культурологических составляющих и т.д. Такое разнообразие характеристик делает словарь универсальным, позволяя проследить жизнь слова и специфику его использования в речи. А. В. Шляхова называет это свойство словаря объемностью [8, с. 183].

В-третьих, электронный формат дает возможность размещать в словарной статье дополнительные иллюстрации, схемы, картинки, использовать видеоряд или запись звучащей живой речи и т.д. Это свойство словаря в лексикографии называют мультимедийностью [1, с. 48]. Одним из примеров такого продуктивного использования возможностей электронного словаря может послужить сетевой «Ангарский словарь» [9], созданный при Региональном лингвистическом центре Приенисейской Сибири (г. Красноярск, рабочая группа — Э. Астраханцева, О. Фельде, Л. Карнаухова, В. Вараксина). Словарь уникален тем, что содержит видеозаписи песен и бесед носителей исчезающего ангарского говора, позволяя окунуться в атмосферу их жизни.

В-четвертых, электронный словарь полностью отвечает запросам пользователя, который ищет в нем только то, в чем нуждается в конкретный момент обращения к словарю: кому-то необходимо проверить написание слова, кому-то — его произношение, употребление и т.д. Тем самым компьютерный словарь в максимально полном объеме ориентирован на читателя разного уровня образования, культуры, представителей разных профессий, жителей города и села, школьников, студентов и ученых и т.д. Электронный формат, позволяя объединить самые разные характеристики языковых единиц, делает словарь удобным для использования во всех случаях обращения к нему. Такое свойство словаря в лексикографии называют интерактивностью [1, с. 49], направленностью на человека, который «приобретает решающую роль в машинной лингвистике и шире — во взаимодействии с ЭВМ» [10, с. 27].

В-пятых, учет современной лексикографией потребностей читателя во многом осложняет процесс создания словарей, заставляя авторов и составителей постоянно расширять «лексикографическое поле», непрерывно пополнять словарь новыми единицами [11, с. 8]. Компьютерные издания позволяют это делать без особых дополнительных затрат и усилий. Электронный словарь, особенно если он подготовлен к функционированию в сети Интернет, становится постоянно пополняемым, обновляемым источником информации о жизни языка, а значит, всегда актуальным.

Все перечисленные нами положительные стороны электронных словарей неизбежно влекут за собой появление новых сложностей и противоречий при их создании.

1. Прежде всего, учитывая темпы развития информационных технологий, те платформы и программы, на основе которых создаются электронные словари, могут быстро устаревать. Поэтому современным лексикографам приходится постоянно обновлять не только сами словарные фонды, но и компьютерные программы. И с течением времени эта проблема будет только острее.

2. Кроме того, сегодня назрела необходимость создавать словари, объединяющие в себе результаты научных исследований многих ученых и научных школ. Именно такую возможность дает компьютерная версия словаря. На современном этапе развития лексикографии в арсенале исследователей огромные словарные базы не только лексики современного русского языка, но и различных периодов его существования (XII—XXI вв.). Накоплен фразеологический словарный фонд различных периодов истории языка, составлены словари диалектов и говоров и.т.д. Главная сложность — объединить все эти исследования в общие «глобальные» словари, способные максимально полно отражать конкретный пласт национального языка со структурно-семантической, грамматической, концептуальной, культурологической, исторической, дискурсивной точек зрения. Безусловно, такая работа требует дополнительного финансирования, поддержки со стороны государства и, что очень важно, желания самих исследователей делиться результатами своих изысканий.

3. В современных условиях создание электронных словарей может стать средством коммерциализации (в самом отрицательном смысле этого термина), превращая компьютерную лексикографию в прикладную отрасль, направленную лишь

на получение прибыли. И сегодня мы, к сожалению, видим такие примеры, когда на рынке электронных изданий огромный выбор словарей-переводчиков, привлекающих потребителя самыми разными, часто — некорректными, названиями [11]. При этом практически отсутствуют в продаже электронные толковые, фразеологические, диалектные словари русского языка. Для того, чтобы такие работы пользовались потребительским спросом, необходима государственная поддержка, направленная на воспитание потребности у читателя обращаться к словарям.

Несмотря на названные сложности, компьютерный словарь медленно, но верно вытесняет своего печатного предшественника, что вполне оправданно. Поэтому разработка оптимальных в использовании, полных, универсальных электронных словарей — насущная задача современной компьютерной лексикографии. Именно электронная лексикографическая форма позволит в недалеком будущем объединить результаты исследований, направленных на создание самых разных типов словарей. Поисковая система компьютерного словаря даст возможность: 1) представить различные языковые единицы в структурно-семантическом аспекте; 2) в когнитивном; 3) динамическом; 4) функциональном; 5) показать их как составные элементы концептосферы; 6) продемонстрировать речевой потенциал, проявляющийся в процессе функционирования различных языковых единиц и т.д. И при этом учесть интересы и потребности читателя.

Библиографический список

1. Кантышева, Н. Г. Гипермедиальные структурные элементы представления специальных знаний в компьютерной лексикографии / Н. Г. Кантышева // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. — 2012. — Вып. 71. — № 32 (286). — С. 47—50.

2. Селегей, В. П. Лингвистические проблемы автоматического создания интернет-корпуса русского языка / В. П. Селегей // Инновации и высокие технологии : тр. 55-й науч. конф. МФТИ. — М. : Изд-во Московского физико-техн. ин-та, 2012. — С. 53—54.

3. Убоженко, Е. В. Бумажный и электронный словарь: достоинства и недостатки / Е. В. Убоженко // Новые технологии преподавания русского языка в школе и вузе. — Минск : Изд-во БГУ, 2011. — С. 181.

4. Ваулина, Е. Ю. Толковый словарь. Возможности электронной версии / Е. Ю. Ваулина // Структурная и прикладная лингвистика. — 2007. — № 7. — С. 187—196.

5. Беляева, Л. Н. Потенциал автоматизированной лексикографии и прикладная лингвистика / Л. Н. Беляева // Известия Российского гос. ун-та. — 2010. — № 134. — С. 70—78.

6. Мандрикова, Г. М. Лексикографическая интерпретация таронимов: к проблеме отбора словника / Г. М. Мандрикова // Вестник Томского гос. ун-та. — 2011. — № 350. — С. 17—20.

7. Марчук, Ю. Н. Проблемы машинного перевода / Ю. Н. Марчук. — М. : Наука, 1983. — 232 с.

8. Шляхова, А. В. Электронный словарь и его специфика / А. В. Шляхова // Вестник Тюменского гос. ун-та. — 2008. — № 1. — С. 181—185.

9. Ангарский словарь [Электронный ресурс] / Сост. : Э. Астраханцева, О. Фельде, Л. Карнаухова, В. Вараксина. — Режим доступа : http://angara-dictionary.ru (дата обращения: 02.02.2015).

10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 264 с.

11. Козырев, В. А. Современные ориентации отечественной лексикографии / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вопросы лексикографии. — 2014. — № 1 (5). — С. 5—15.

ФЕСЕНКО Ольга Петровна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры иностранных и русского языков.
Адрес для переписки: Olga.Fesenko2015@yandex.ru
ЛАУХИНА Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры иностранных и русского языков.
Адрес для переписки: svetlau@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2015 г.
© О. П. Фесенко, С. С. Лаухина

Книжная полка

ББК 81.432.4/К36
Кербер, Е. В. Синонимические отношения в экономической терминологии : моногр. / Е. В. Кербер. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 129 с. — ISBN 978—5—8149—1912—0.

Монография посвящена исследованию синонимических отношений немецкоязычной экономической терминологии. В работе осуществлено системное описание синонимичных терминов, предложена их классификация с учетом многообразия терминологических единиц, проанализированы источники появления терминов-синонимов в немецкой экономической терминологии, проведено описание семантических и структурных особенностей терминологических синонимов. Предназначена лингвистам — преподавателям, аспирантам, магистрантам.

ББК 81.432.4/Ш25
Шарапова, Т. Н. Становление и развитие терминологии бионики в немецком языке : моногр. / Т. Н. Шарапова. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 115 с. — ISBN 978—5—8149—1910—6.

В монографии излагаются основные теоретические положения о сущности термина, рассматриваются этапы становления и развития терминологии бионики в немецком языке, предлагается классификация терминов бионики по тематическим группам, осуществляется их структурный анализ, а также предлагаются наиболее эффективные способы перевода безэквивалентной лексики исследуемой терминологии. Может представлять интерес для филологов, специализирующихся в области терминоведения, преподавателей и аспирантов, интересующихся проблемами исследования лексики, а также переводчиков литературы соответствующей отрасли знания.

УДК 801.310.4:802.0

Т. В. АЛЕЙНИКОВА

Омский государственный
технический университет

ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЭТИКИ)

Статья посвящена исследованию и лексикографическому описанию научной терминологии этики в прикладных целях. Затрагиваются современные подходы к системному описанию научного знания, обосновывается необходимость создания терминологического двуязычного словаря по этике, описаны особенности процесса составления словаря и его использования в профессиональных видах деятельности.

Ключевые слова: терминологический двуязычный словарь, язык науки, терминология этики.

В современном мире информационная открытость, увеличение разнообразия межкультурных коммуникаций, интенсивный рост научного знания в языке поднимают проблему эффективности взаимопонимания и взаимодействия в глобальном научном и культурном пространстве. Необходимо отметить, что переводческая деятельность за последнее время приобретает все большие масштабы и все большую социальную значимость. Полностью и точно перевести специальный текст с английского, французского на русский или с русского на английский или немецкий с опорой только на общеязыковой словарь возможно далеко не всегда. Так, опытные переводчики хорошо знают, что для перевода научных или деловых текстов знание иностранного языка — это еще половина дела. Очевидна необходимость знания логико-понятийной системы (т.е. какими терминами обозначается то или иное понятие) и типовой структуры подобных текстов. Затруднения могут вызвать и грамматические особенности стандартных словосочетаний и подбор соответствующих переводных эквивалентов. Кстати сказать, степень несовпадения понятийных систем разных культур может быть весьма значительной. Следовательно, как выделять и подавать те или иные лексические единицы — одна из важных собственно лексикографических терминологических проблем, решать которую и призваны терминологические словари и научно-техническая лексикография в целом.

В связи с этим подчеркнем, что терминография представляет собой один из важнейших видов человеческой деятельности в области терминологии, задачами которой является систематизация, упорядочение и унификация языка науки. Отвечая потребностям сегодняшнего дня, появляются новые разделы лексикографии. Информационные процессы ускорили создание всевозможных методик формализации языка, в том числе и системное описание языка. Необходимо отметить, что практическая учебная лексикография — это быстро развивающийся, едва ли не самый представительный раздел современной английской лексикографии. Учебная направленность английских словарей объективно обусловлена тем, что английский язык изучается во всем мире. Таким образом, все аспекты современной лексикографии за последние годы доказали право на существование в качестве одного из ведущих направлений современной науки о языке.

Известно, что в настоящее время, обращаясь к теоретическим основам этой проблемы, согласно С. В. Гриневу, сформировалось несколько направлений терминологической работы [1, с. 7]. Одним из этих направлений является инвентаризация терминов — сбор и описание всех терминов, принадлежащих выбранной предметной области или ее фрагменту. Эта работа обычно состоит из ряда этапов, основными из которых являются следующие:

— установление границ выбранной области (это обычно делается путем составления перечня образующих ее рубрик);

— отбор источников (текстов, в которых содержатся термины) и выбор терминов из источника;

— лексикографическая обработка терминов (приведение их в единообразную грамматическую форму, снабжение омонимичных и полисемичных терминов пометами, при необходимости уточнение значений и формы терминов);

— описание терминов — запись всей доступной информации о терминах: их происхождении, особенностях употребления, значении, синонимах, вариантах и т.д.; там, где это возможно, устанавливается авторство терминов и их принадлежность лексике конкретных научных школ [1, с. 62—64].

Разумеется не следует забывать, что инвентаризация терминологии может быть самостоятельной работой, результатом которой является описательный терминологический словарь, но чаще она является предварительным условием и этапом работы по упорядочению терминологии, и тогда ее результатом является словник — собрание терминов, упорядоченное по определенному признаку, например, алфавитному или тематическому.

Далее следует отметить, что первым этапом терминологической работы является отбор специальной лексики, причем здесь первой проблемой становится выбор источников специальной лексики, подлежащей обработке. Наиболее очевидным источником лексики считаются существующие терминологические словари. Из них важнейшим

является толковый терминологический словарь, который может быть использован не только для упорядочения терминологии, результатом чего будет нормативный толковый словарь, но и для создания любого другого типа словаря. Особенно важной для упорядочения терминов разновидностью толковых словарей являются уже существующие в данной области и в смежных науках терминологические стандарты и сборники рекомендуемых терминов. Не менее важным источником специальной лексики на сегодняшний день стали машинные информационные и частотные словари, в которых есть очень полезная информация о сравнительной употребительности терминов. Кроме того, в информационных словарях, содержащих наиболее употребительные термины, наглядно представлены системные отношения между терминами.

Другим достаточно надежным, на наш взгляд, источником специальной лексики являются энциклопедии, особенно отраслевые, где собрана уже вполне устоявшаяся и общепринятая специальная лексика. Кроме того, энциклопедии часто содержат крайне важные данные об условиях появления и семантическом окружении терминов. Помимо этого, чрезвычайно полезным источником терминов являются учебные материалы, которые не только содержат общепринятые термины, но и в дальнейшем активно используются в упорядочении терминологии — не только потому, что содержат дефиниции и другую информацию о терминах, но и поскольку в них наиболее отчетливо представлена система терминов и понятий, так как они предназначены для системного изложения знаний.

Разумеется, во всех перечисленных источниках специальная лексика содержится в сконцентрированном виде. Однако в дополнение к ним необходимо брать и наиболее распространенные виды специальной литературы — монографии и статьи в журналах и сборниках, где содержится новая и авторская терминология. В этих сборниках терминология рассеяна по всему тексту, поэтому их обработка довольно трудоемка и они используются в незначительной степени. Необходимо отметить, что в настоящее время практически каждое существительное (за исключением стилистически окрашенных) обозначает понятие, которое, по мнению С. В. Гринева, является предметом исследования той или иной науки [2, с. 28].

Действительно, теория лексикографии возникла не только в результате потребности теоретического обобщения, классификации и систематизации накопленных практической лексикграфией словарных описаний, но и в ответ на поиск новых парадигм в науке. В последних публикациях ведущих философов, логиков, лингвистов мы находим постановку проблемы описания языка в разных ее аспектах. Так, философия языка сегодня рассматривается как ответвление философии сознания, и, следовательно, общая модель языка — как когнитивная теория языка. Принимая во внимание приоритеты когнитивного подхода моделирования языка, следует подчеркнуть, что словарь становится предметом исследования как форма представления и способ моделирования научного знания. Так, в нашем исследовании мы не ставили перед собой задачу стандартизации и унификации исследуемой нами англоязычной терминологии этики (АТЭ). Хотя следует отметить, что в случае работы с АТЭ вопрос определения материала, его организации и методов анализа представлял некоторые сложности. В наших работах уже говорилось о том, что АТЭ как интеграционная терминосистема [3] имеет определенные специфические особенности, которые, в частности, заключаются в том, что для любой другой терминологии, говоря о языках точных наук и устоявшихся терминологических системах отдельных наук, материал не представляет проблемы: так, например, можно взять любой словарь химических или математических терминов и заранее знать, что содержащиеся там лексические единицы, их толкование и взаимное систематическое соотнесение будут совпадать в западной и российской традициях. Что же касается АТЭ, то здесь положение осложняется, по крайней мере, по двум причинам. Англоязычная терминология этики активно пополняется новыми единицами в связи с рождением новых и переосмыслением уже существующих социальных, политических и культурных феноменов. Неоднородность лексического состава данной терминологии обусловлена наличием значительного пласта привлеченной лексики. Для наименования собственно этических понятий активно используются общеупотребительные слова, общенаучные, междисциплинарные термины, специальная лексика других терминосистем. Разнообразие анализируемой терминосистемы обусловлено и спецификой становления и развития самой АТЭ. Эти обстоятельства не позволяют создать сегодня четкий список этических терминов с однозначным и полным толкованием каждого из них. Во-вторых, очевидно и то, что проблема соотнесения терминологической системы АТЭ с ее русским эквивалентом может осложняться тем, что культурные реалии и ценностные установки различных этических школ во многом различаются и потому наблюдается отсутствие денотатов для некоторых этических концептов.

Исходя из этого, наша цель состояла в анализе АТЭ и ее изучении с различных позиций, таких как: толкование этических понятий и концептов с точки зрения их сущностного содержания; выявление характера английских терминов этики, их структуры, особенностей этимологии и функционирования. В качестве источников материала лингвистического анализа использовались следующие справочные издания:

— Longman Dictionary of Contemporary English. — 2 Volumes. — Moscow, 1992.

— The American Heritage Dictionary of the English Language. — 1550 p.

— Webster's New Dictionary of Synonyms. — G&C. Merriam Co. — Springfield, 1973. — 909 p.

— Oxford Concise Dictionary of English Etymology / Ed. by T.F. Hoad. — Oxford, New York, Oxford University Press, 1996. — 552 p.

— J. Bowker. Oxford Concise Dictionary of World Religions. — Oxford University Press, 2000. — 702 p.

— Murray J.A.H., Bradley H., Craigie W.A., Onions C.T. The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933. — Vols. I—XII with Supplement and Bibliography.

— S. Blackburn. Oxford Dictionary of Philosophy. — Oxford University Press, 1996. — 418 p.

— The Concise Oxford Russian Dictionary / Ed. by C. Howlett. — Oxford University Press, 1996. — 1007 p.

Кроме того, нельзя сказать, что все представленные в этих словарях лексические единицы можно четко определить как собственно этические термины, поскольку часть из них относится к общефилософской, политологической, социологической или другим терминологиям. Поэтому весь

терминологический корпус, который предстояло проанализировать, можно разделить на три условные группы:

1) собственно термины и характерные словосочетания терминологии этической науки;

2) термины и словосочетания смежных областей;

3) полутермины и околотерминологические выражения общего языка.

Помимо этого, обширный лингвистический материал был получен в ходе проведенного сопоставительного анализа основных философских работ по этике: «Ethica Nicomachea» Аристотеля, «Ethik» Н. Гартмана, «Grundlinien der Philosophie des Rechts» Г. В. Ф. Гегеля, «Zur Genealogie der Moral» Ф. Ницше, «The Principles of Ethics» Г. Спенсера и др. По-видимому, несмотря на долгий путь развития этики как науки, в настоящее время ее терминология не представляет собой строгой системы терминов, закрепленных за определенными понятиями. Процессу упорядочения АТЭ препятствуют такие проблемы, как размытость границ передаваемых термином понятий, внутриотраслевая синонимия, междисциплинарная омонимия, иноязычные заимствования. Все это затрудняет процесс поиска эквивалентов терминов в национальных языках. Действительно, вопросы, связанные с системным описанием научной терминологии, основанным на лингвистическом моделировании, хотя и решаются — в связи с необходимостью издания словарей, энциклопедий и справочников — стали предметом специальных теоретических исследований терминоведов лишь в сравнительно недавнее время, и представляются весьма перспективным направлением современной терминографии в плане решения основных задач делового и научного общения.

В рамках решения данной проблемы нами была предпринята попытка разработки терминологического переводного двуязычного словаря по этике [4], ориентированного на использование в таких профессиональных видах деятельности, как обучение языку науки, научно-технический перевод, редактирование и терминография. Так, понятия этики и отдельные единицы терминосистемы данной науки зафиксированы в различных лексикографических источниках, а отдельного терминологического словаря по этике не представлено. Тем не менее, на наш взгляд, необходимость его создания очевидна, поскольку это может стать одним из этапов на пути к упорядочению и систематизации данного пласта терминологической лексики, а также важна для студентов при овладении навыками письменного и устного перевода научно-технических текстов профессиональной направленности, обучении языку науки. В основу нашего словаря, составленного при непосредственном участии кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета, легла выборка англоязычных терминов этики, собранная на основе сплошного просмотра исследовательских работ современных отечественных и зарубежных специалистов по моральной философии, общим объемом более 3000 терминологических единиц. В словаре представлены термины на английском языке с их переводом и/или толкованием на русском языке, отражающие все основные тематические группы понятий этической науки, а также ряд лексических единиц общенаучного характера и терминологические сочетания, в состав которых они входят. Словарь построен по алфавитно-гнездовому способу, который, на наш взгляд, давно и заслуженно оправдал себя как наиболее удобный способ размещения слов в словаре, весьма продуктивен в терминографической практике, а также оптимален с точки зрения преподавания иностранного языка в процессе поиска необходимых терминов.

Так, например, **cause** [4, с. 17] и **world** [4, с. 87], а также терминологические сочетания, в которых данные термины являются ядерными, представлены следующим образом:

cause *n.*	1) причина; 2) основание, повод; 3) дело
formal ~	формальная причина
material ~	материальная причина
efficient ~	действующая причина
final ~	конечная причина
occasional ~	1) *(идеал. фил.)* умственное состояние, рассматриваемое как причина физических явлений, и наоборот; 2) обстоятельство, предшествующее результату и, не будучи действительной его причиной, оказывающееся таковой
composition of ~ s	*(лог.)* сложение причин
plurality of ~ s	*(лог.)* множественность причин
moving ~	движущая причина
ultimate ~	первопричина
first ~, universal ~	1) первопричина; 2) бог
world *n.*	1) мир, вселенная; 2) человечество, люди; 3) общественная жизнь, обычаи, занятия; 4) мир, царство; 5) мир, кругозор
~ event *n.*	явление, воспринимаемое в четырех размерах
~ concept *n.*	философское понимание мира
~ ground *n.*	основа всего существующего,
~ self *n.*	источник, причина то, что составляет отличительные черты вселенной
~ soul *n.*	(*идеал. фил.*) мировая душа
~ spirit *n.*	(*идеал. фил.*) мировой дух, бог, абсолют
inner ~	внутренний мир
outer, external ~	внешний, материальный мир
other ~	потусторонний мир
phenomenal ~	феноменальный мир
space ~	1) физический мир с точки зрения трехмерного пространства; 2) мир здравого смысла

Суммируя все сказанное, можно полагать, что понятия и термины в исследуемой нами англоязычной терминологии этики, как и термины любой другой научно-технической терминологии, обладают определенной специальной и социальной информацией, дают возможность наиболее точно и четко излагать содержание предмета, а также кодируют знания, представляющие ценность для общества, и требуют внимательного изучения. Ускорению данных процессов может способствовать создание терминологических переводных словарей терминов определенных областей знаний, первый вариант которого на примере этической науки мы попытались

составить. Лексикографическое описание научной терминологии этики представляется особенно важной, так как данная наука ставит перед собой задачи интерпретации ценностных норм и правил поведения в социуме, однако, достичь же подобного понимания не всегда удается без наличия соответствующей систематизированной терминологии.

Итак, мы убеждаемся в том, что сегодня терминологические системные словари приобретают все большую значимость в процессе структурирования и моделирования знаний, систематизации и упорядочения научной терминологии, формирования терминологических банков данных и их прикладном использовании. Кроме того, необходимо отметить, что терминографическое описание научной терминологии в целом, учитывающее структуру специального научного знания в полном объеме, служит отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствует оптимальной организации деятельности специалистов, переводчиков и преподавателей иностранного языка.

В заключение отметим, что современная терминографическая работа сегодня уже, безусловно, невозможна без широкой компьютеризации. Постепенно традиционные методы заменяются компьютерной обработкой лексикографических данных. Компьютеризация терминологической деятельности заключается, прежде всего, в создании специализированных машинных терминологических банков данных и в разработке методов формирования этих банков, представления информации в банках и ее использовании. Современная лексикография все шире пользуется машинными банками данных, или, по определению Шелова С. Д., автоматизированными базами знаний, в которых по запросу осуществляет поиск нужных слов [5, с. 215]. На этой основе формируется целое новое направление лингвистики и лексикографии — корпусная лингвистика и лексикография. Кроме того, как убедительно доказывает весь ход научно-технического прогресса, компьютеризация словарной деятельности существенно расширяет возможности терминографов. Непрерывное развитие информационных технологий подсказывает необходимость полной компьютеризации словарных исследований. Все это подтверждают сейчас новые направления лексикографии: создание словарных карточек на основе компьютерных баз данных, электронное построение словарных статей и автоматическая обработка лексического материала, составление печатных словарей на компьютерной основе и создание собственно электронных словарей и т.д. На наш взгляд, именно развитие терминологических баз данных, компьютерных словарных исследований, наряду с глубокими традиционными лингвистическими и переводческими открытиями, определяет широкое будущее терминографии в современной лингвистике.

Библиографический список

1. Гринев-Гриневич, С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневич. — Изд. 3-е, доп. — М. : Книж. дом ЛИБРОКОМ, 2009. — 224 с.

2. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М. : Моск. лицей, 1993. — 309 с.

3. Алейникова, Т. В. Английская терминология этики как интегративная система / Т. В. Алейникова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2010. — № 4 (89). — С. 84—88.

4. Алейникова, Т. В. Англо-русский словарь этических терминов: Ethics / Т. В. Алейникова. — Омск : ОмГТУ, 2005. — 88 с.

5. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. — М. : КомКнига, 2006. — 256 с.

АЛЕЙНИКОВА Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: tanya_aleynik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2015 г.
© Т. В. Алейникова

Книжная полка

ББК 81.411.2/Н64

Никонова, М. Н. Современный русский язык : учеб. электрон. изд. локального распространения : учеб. пособие / М. Н. Никонова. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM). — ISBN 978-5-8149-0562-8.

Пособие содержит курс лекций, кратко, в доступной форме, с использованием традиционных лингвистических терминов излагаются основы теории языка и представляются все разделы современного русского языка. Включен практикум, в котором представлены как теоретические вопросы, так и практические задания, способствующие овладению основами теоретических знаний по лингвистике и применению их в практической деятельности студента в вузе, а также развитию профессиональной компетенции будущего специалиста. Содержатся материалы для самостоятельного освоения дисциплины. В частности, даются рекомендации по выполнению практических заданий, курсовой работы и домашних заданий, по самостоятельному освоению теоретического материала. Представлен перечень экзаменационных вопросов. В приложении приводятся планы и образцы разбора языковых единиц, а также дан образец оформления библиографической карточки.

Предназначено для студентов специальности 030602 «Связи с общественностью».

УДК 81-114.2+821.161.1«158/16»

С. А. ДЕМЧЕНКОВ
Н. Д. ФЕДЯЕВА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Омский государственный педагогический университет

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВЫХ НОРМ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ КОНЦА XVI—XVII вв.

(НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ)

В статье рассматривается становление жанровых норм в русских автобиографических памятниках конца XVI—XVII вв. («Закон» Герасима Болдинского, «Житие Елезара Анзерского», «Житие Мартирия Зеленецкого», «Житие» старца Епифания, «Житие» протопопа Аввакума). Показано, что можно выделить две традиции автобиографического повествования, жанровая норма которых обусловлена соотношением субъекта и объекта высказывания: «очевидческая» (автор выступает свидетелем уникальных событий; первичным является объект, а не субъект повествования) и личностно-ориентированная (автор выступает носителем уникального опыта; первичен субъект, а не объект повествования).

Ключевые слова: жанровая норма, автобиографизм, древнерусская литература, русская лингвокультура.

Развивая широко известную идею Ю. М. Лотмана, можно распространить его тезис о системе норм и запретов [1, с. 7] на лингвокультуру — ту часть культуры народа, которая представляет собой совокупность явлений культуры и явлений языка, взаимосвязанных друг с другом и отраженных в сознании отдельной личности [2, с. 5].

В число национально-специфических норм лингвокультуры, воплощающих ее глубинные особенности и вместе с ней развивающихся, безусловно, входят жанры, литературные и речевые, условно противопоставленные как высокие и повседневные.

Рассмотрение жанра в контексте нормы (иначе говоря, жанра как нормы) обосновано сущностью исследуемого феномена.

С одной стороны, жанровые нормы задают определенные рамки-ориентиры, в которых действует автор, при этом нормы реализуют обычные для себя функции: регулятивную, унифицирующую, селективную, стабилизирующую и оценочную. Так, регуляция осуществляется через систему жанрового канона; механизмы унификации упорядочивают, типизируют стихийное множество речевых произведений; результатами селекции становятся как сам выбранный жанр, так и внутренние характеристики текста; стабилизирующая функция формирует ожидания читателя; наконец, оценка сопровождает все этапы создания/бытования текста, предполагает осуществляемое и автором, и читателем соотношение канона и текста. С другой стороны, власть любых норм, в том числе жанровых, относительна: автор может выйти за установленные пределы, создав новую жанровую единицу, а также, находясь в них, проявить свою индивидуальность. Таким образом, нормы жанров выступают как направляющая, но не полностью подчиняющая себе сила.

В статье будет рассмотрено становление жанровых норм автобиографической прозы, возникшей из гармоничного синтеза освященных традицией, канонических, иначе говоря, нормативных особенностей и стихийно складывающихся черт. Каноны жанров, задавших нормы-границы автобиографии, соединившись с биографическими описаниями, появлявшимися в житийных текстах, породили новое весьма значительное явление в лингвокультуре и литературе Древней Руси. Постепенный дрейф жития в сторону автобиографии свидетельствует о динамичности, «гибкой стабильности» жанровой нормы — консервативной и подвижной одновременно. Иерархия норм обнаруживается на уровне жанра и различных жанровых традиций.

Проблемы генезиса жанровых норм автобиографической прозы в лингвокультуре и литературе Древней Руси активно разрабатываются исследователями с 50-х гг. XX века. Начало этой растянувшейся на несколько десятилетий дискуссии положил С. Зеньковский, в 1956 году выступивший со статьей о литературных предшественниках протопопа Аввакума и старца Епифания, в числе которых были названы Герасим Болдинский, Мартирий Зеленецкий и Елезар Анзерский, а также Филипп Ирапский, Корнелий Комельский, Антоний Сийский, Геннадий Костромской, Феодосий Тотемский, в чьих жизнеописаниях присутствуют отдельные автобиографические элементы [3]. И, хотя сами приведенные Зеньковским факты ни у кого не вызывали сомнений, существенные разногласия породил вопрос о том, на основе какой традиции зарождается автобиографическое повествование.

Сам Зеньковский полагал, что прародителями русской автобиографии являются, с одной стороны, духовное завещание и монастырский устав

и, с другой, автобиографические элементы, спонтанно возникающие в житиях канонического образца. Оба этих предположения оказались достаточно плодотворны и затем получили детальную разработку в трудах других ученых.

Первое из них (с определенными оговорками) было поддержано Н. В. Понырко [4] и Е. В. Крушельницкой [5]. В защиту второго высказалась М. Б. Плюханова. По ее мнению, «в житии есть элементы, подготавливающие его переход в биографию. Это описания индивидуальных черт подвижника». Более того: житие можно считать «выражением архетипа идеализирующей биографии вообще» [6, с. 125]. Коренное отличие жития от биографии заключается в том, что оно «являет лик единого из множества святых» в аспекте вечности; биография же «описывает тленного и временного человека» [6, с. 127]. По существу, единственным эмбрионом автобиографизма в древнерусской агиографии становится «стоящее над этой системой и организующее ее евангелие». Автобиографические жития XVII века отличаются от классических образцов жанра тем, что «святость стала средством самосознания, результатом выбора на жизненном пути» [6, с. 128].

Иного мнения придерживается А. М. Ранчин. На его взгляд, весьма проблематично (да и бессмысленно) возводить все случаи автобиографического повествования в древнерусской литературе к одному общему источнику. Полемизируя с Е. В. Крушельницкой, он справедливо отмечает, что «первые древнерусские тексты с автобиографическими элементами», действительно восходящие к жанру духовного завещания, «не имеют никакого отношения к генезису автобиографического пласта у Мартирия Зеленецкого, Елезара Анзерского, Аввакума и Епифания» [7, с. 160]. Так, например, «Житие Мартирия Зеленецкого» обнаруживает явную связь с рассказами об основании монастырей и патериковыми рассказами о чудесах икон, «Житие Елезара Анзерского» — с жанром видения, «Житие Епифания» — с патериковыми рассказами и сказаниями о чудесах [7, с. 165—167].

Позиция А. М. Ранчина представляется весьма убедительной. Действительно, вполне вероятно, что автобиографическое повествование на Руси развивалось сразу несколькими параллельными путями. Однако, на наш взгляд, размышляя о генезисе автобиографических житий переходного периода, следует рассматривать не только их ближайшие жанровые прототипы, но прежде всего две магистральные традиции автобиографического (точнее, потенциально автобиографического) повествования, уходящие своими корнями в первые века существования русской литературы и еще глубже — в литературу византийскую и древнееврейскую.

Говоря об автобиографических памятниках Киевской Руси, С. Зеньковский перечисляет в одном ряду «Поучение» Владимира Мономаха и «Хождение игумена Даниила». Пример очень показательный. В обоих случаях авторы апеллируют к своему личному опыту, сообщают о пережитом. В обоих случаях образ повествователя становится важнейшим организующим началом в произведении. Более того, неверно будет заключить, что Даниил, в отличие от Мономаха, лишь беспристрастный свидетель, с точностью кинооператора запечатлевающий людей и события. Его путевые заметки не менее личностно окрашены, чем «Поучение». Паломничество Даниила одновременно развертывается в двух планах: это и физическое путешествие по святым местам, и странствия души в сакральном пространстве.

Принципиально значимой здесь оказывается не бóльшая или меньшая степень проявленности авторского «я» в тексте, а проблема соотношения повествователя и предмета повествования.

В ряде жанров (хождение; видение; рассказ о чуде, об основании монастыря и др.) роль героя-повествователя — даже если он активно вовлечен в действие, даже если позиция его резко оценочна — сводится к роли очевидца. Закрепленный в произведении субъективный опыт как бы отрывается от субъекта этого опыта. Фигура свидетеля необходима; кто станет этим свидетелем, не столь существенно. Воспринятое им самоценно, оно может существовать до и вне его восприятия. Читателю интересен не опыт определенного, конкретного лица, а сам объект этого опыта; личность пишущего значима лишь постольку, поскольку она причастна к этому объекту.

В ряде жанров (пророческая проповедь, апостольское послание, поучение отца сыну, исповедь, духовное завещание и др.) субъективный опыт автора, напротив, приобретает значение именно потому, что это опыт конкретной личности, либо (гораздо чаще) личности, обладающей определенным социальным или духовным статусом. Объект, на который направлен этот опыт, вторичен.

Возможны и переходные формы. К примеру, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, генетически связанное с жанрами «очевидческой» группы, обнаруживает явственное тяготение к противоположному полюсу. Если в «Хождении игумена Даниила» «главным героем» является сама святая земля, записки Никитина окончательно реабилитируют путешественника-рассказчика, который также становится полноправным героем произведения. Даниил ставит перед собой задачу воспроизвести все увиденное с предельной достоверностью. Свое хождение он считает настолько фотографически точным, что духовный подвиг читателя, совершившего под его руководством «виртуальное» путешествие, на его взгляд, ничуть не меньше, чем духовный подвиг человека, исходившего Палестину своими ногами: «Да кто убо, слышавъ о местехъ сихъ святыхъ, поскорблъ бы ся душею и мыслию къ святымъ симъ местомъ, и равну мзду приимутъ от бога с теми, иже будуть доходили святыхъ сихъ местъ». Афанасий Никитин не скрывает своего субъективизма. Главное для него уже не Индия как таковая, а его личные впечатления от Индии.

Ни для одной из указанных жанровых коалиций автобиографизм не является обязательной нормой. Каждая из них характеризуется лишь возможностью автобиографизма. Так, наряду с реальным героем-повествователем («Хождение игумена Даниила», «Хождение Добрыни Ядрейковича» и т.д.) среди произведений первой группы мы нередко встречаем повествователя условного («Хождение Богородицы по мукам», «Хождение Трифона Коробейникова»). Точно так же реальный повествователь в «Поучении» Владимира Мономаха ни в коей мере не отменяет условного повествователя библейских «Притч Соломоновых» или «Слова» Даниила Заточника. Однако, вне зависимости от того, как далеко образ автора в тексте отходит от реальной авторской личности, установка на автобиографизм присуща всем памятникам как первой, так и второй группы. Таким образом, несводимость

автобиографических житий XVI—XVII вв. к одному общему жанровому источнику объясняется тем, что источников этих было, по крайней мере, два (причем каждая из двух противонаправленных традиций охватывала значительное число жанров).

Обратимся к конкретным примерам.

Композиционным центром одного из ранних автобиографических произведений, «Закона» Герасима Болдинского (около 1554 г.), является его вторая часть, где даются практические рекомендации по соблюдению монастырского устава. Первая, автобиографическая часть, в которой перечисляются основанные Герасимом монастыри, носит подчиненный, служебный характер. По объему она приблизительно в два раза меньше второй и отличается крайней лаконичностью. Вся она состоит из ряда однотипных эпизодов:

«Пришел есми аз на место сие [...], в пустыню [...], зовому Болдино, в Доробужской уездъ, в лето 7036-го (1528) марта в 25 день [...] и создал обитель сню, общий монастырь, и храм поставил во имя Пресвятыя Троицы да пределъ Сергия чудотворца в лето 7038 (1530). И потом пространнее того храм воздвигнул, и освящен бысть в лето 7048-го (1540) декабря въ 14 день. [...] Братии же ныне 127 братов [...]. Потом устроил во граде Вязме, конецъ посаду место пусто, зовомы Ольшняг, на речке Дебре монастырь во имя Иоанна Предтечи [...] в лето 7051-го. Братн ныне числом 42» [5, с. 210—211] и т.д.

Факты своей биографии Герасим приводит в пример не потому, что они значимы сами по себе, а потому, что они подтверждают его статус духовного наставника. Очень симптоматична последняя фраза биографической части: «И сказа имъ: Жилъ есми азъ в различныхъ пустыняхъ 26 лет. О всем бо сем известно постриженику обители сея старцу Симеону» [5, с. 210—211]. Повествование о своих трудах Герасим завершает ссылкой на свидетеля, способного удостоверить правдивость сказанного.

Не значимость события оправдывает упоминание о личности очевидца, а значимость авторской личности оправдывает упоминание о пережитых ею событиях. Но хотя биографический факт полностью подчинен здесь жанровым установкам духовного завещания, он не перестает быть биографическим фактом, поскольку обретает ценность лишь как факт чьей-то конкретной судьбы.

С противоположной ситуацией сталкиваемся мы в «Житии Елезара Анзерского» (30-е гг. XVII в.). На первый взгляд, это произведение гораздо более автобиографично. Однако здесь налицо автобиографизм «очевидческого» типа. Факт биографии, становясь самоценным и самодостаточным, утрачивает значение биографического факта. Оставляя себе роль пассивного наблюдателя, автор как бы самоустраняется из произведения, подлинным героем которого выступает основанная им Анзерская обитель.

В действительности из «автобиографии» Елезара мы почти ничего не узнаем о его жизни. Собственно биографические сведения могут быть буквально сочтены по пальцам одной руки: 1) услышав в 1615 году от некоего «христолюбивого мужа» об острове Анзерском, Елезар отправляется туда и строит там келью; 2) к нему вскоре присоединяется соловецкий инок Кирилл; Елезар уговаривает его не браться за возведение церкви, пока они не освятят «церковь телесную», т. е. не очистят свои души от греха; 3) по повелению царя Михаила Федоровича на острове закладывается основание церкви Пресвятой Троицы; 4) Елезар хочет покинуть Анзерскую обитель «от стужения злых человек и бесовских страстей», но Бог возбраняет ему это сделать.

Основное содержание жития составляют видения самого Елезара и других людей, так или иначе связанные с «местом Анзерским». В сущности, перед нами не житие и уж тем более не автобиография, а цикл видений, объединенных общей темой и образом самого наблюдателя.

К той же традиции восходит и «Житие Мартирия Зеленецкого» (1570—1595 гг.). Хотя в обращении к духовному брату Досифею, открывающем житие, автор прямо указывает на свою задачу: «Повем ти о себе» [5, с. 285], в действительности, говоря словами самого Мартирия, речь пойдет о том, «каки Пресвятая Троица и Пречистая Богородица чюдеса творить от образа своего» [5, с. 292]. Фигура героя-повествователя служит лишь своеобразным гарантом подлинности этих чудес: все они совершаются на глазах у основателя Зеленой пустыни.

Трудно согласиться с Е. В. Крушельницкой в том, что входящее в состав жития «Наказание ко братии игумена Мартирия», близкое к жанру духовного завещания, определяет жанровую специфику всего памятника в целом. По своему происхождению автобиографическая повесть Мартирия — это свидетельство о чудесах, только благодаря иножанровой «прививке» приобретшее несвойственные ему ранее функции. Призывая иноков следовать его заветам, пишущий опирается не столько на свой личный авторитет, сколько на «авторитет» основанного им монастыря как места явно отмеченного Богом. Характерно, что, упоминая о целях, которые он преследовал, создавая свою автобиографию, Мартирий на первое место ставит свидетельство о чудесах и лишь на второе дидактическую функцию:

«Молю же ся вамъ, братие, о еже веру несуменну имейте къ святому месту сему, и любовь межи собою нелицемерну имейте, и моего словеси не попирайте — еже сказахъ вамъ и заповедахъ, тако творите» [5, с. 292].

В отличие от «очевидческих» жизнеописаний Мартирия и Елезара, «Житие» протопопа Аввакума является наивысшей точкой в развитии иной традиции автобиографического повествования, утверждающей самоценную личность в противовес самоценному событию видений и рассказов о чудесах. Во многом приближается к нему и автобиографическое житие ближайшего сподвижника «мятежного протопопа» — старца Епифания. «Сама возможность автобиографического творчества у Епифания появилась потому, что в его сознании сложилось представление о себе как о небесном избраннике, история жизни которого могла быть предложена «верным» в качестве поучительного примера» [8, с. 105]. Однако его книга — это «скорее исповедь, чем автобиография» [9, с. 160]; она представляет собой повесть о мученике, а не о борце за веру, хотя первоначально старец, как и Аввакум, по-видимому, готовил себя к роли пророка [8, с. 105].

Но Епифаний не был борцом по своему душевному складу. Полный поначалу радостных надежд на скорый триумф защитников «древнего благочестия», после окончательного крушения Раскола он разочаровывается в прежних идеалах «революционной борьбы» и отстраняется от активной преобразовательной деятельности, сочтя, что его миссия — не пророчествование, а искупительное страдание, мученичество [8, с. 105].

Житие было написано им, когда душевный переворот уже совершился, поэтому «жизненный путь Епифания предстает перед современниками как предначертанный самим богом подвиг мученика за «старую веру»» [8, с. 122], а его житие по внешним жанровым признакам остается близким к традициям агиографии [8, с. 129].

Так же как и «исповедь-проповедь» Аввакума, этот памятник тяготеет к группе личностно-ориентированных жанров. В центре повествования — внутренний мир самого автора; его личность, а не пережитые им события.

Думается, есть все основания говорить об отсутствии единой автобиографической традиции в русской литературе XVI—XVII вв. Установка на автобиографизм потенциально была присуща многим жанрам. Сама внутренняя логика их развития способствовала дальнейшей эмансипации авторского «я». Постепенная смена социально-культурных ориентиров (раскрепощение личности, прогрессирующая десакрализация литературы, усиление в ней развлекательного начала, интерес к жизненной конкретике) сделала такую эмансипацию возможной. Как после дождей дремлющие в земле семена прорастают и пустыня покрывается ковром растительности, так в литературных памятниках эпохи рубежа прорастают зерна автобиографизма. В обоих случаях процессы отличаются поразительной синхронностью. Движение начинается практически одновременно на всех фронтах и происходит в едином темпе. Однако это еще не дает нам оснований считать разнородный конгломерат растений сложным, внутренне целостным организмом. Каждое из них самостоятельно борется за свое место под солнцем, вступает в конкурентные отношения с соседями, «мыслит» себя обособленным от других. Лишь в отдаленной перспективе разобщенность, «война всех против всех» оборачивается гармонией.

Библиографический список

1. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. — М. : Гнозис : Прогресс, 1992. — 270 с.

2. Городецкая, Л. А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Л. А. Городецкая. — М., 2007. — 48 с.

3. Zenkovsky, S. A. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie / S. A. Zenkovsky // Die Welt der Slaven. — Wiesbaden, 1956. — Jahrgang 1. Heft 3. — P. 276—293.

4. Понырко, Н. В. Житие Аввакума как духовное завещание / Н. В. Понырко // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л. : Наука, 1985. — Т. 39. — С. 379 —387. — Ежегод. изд.

5. Крушельницкая, Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе / Е. В. Крушельницкая. — СПб. : Наука, 1996. — 368 с.

6. Плюханова, М. Б. К проблеме генезиса литературной биографии / М. Б. Плюханова // Ученые записки Тартусского гос. ун-та. Вып. 683. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Труды по русской и славянской филологии. — Тарту : Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1986. — С. 122—132.

7. Ранчин, А. М. Статьи о древнерусской литературе / А. М. Ранчин. — М. : Диалог-МГУ, 1999. — 195 с.

8. Робинсон, А. Н. Автобиография Епифания / А. Н. Робинсон // Исследования и материалы по древнерусской литературе. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 101—132.

9. Демкова, Н. С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения) / Н. С. Демкова. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 168 с.

ДЕМЧЕНКОВ Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
Адрес для переписки: demchenkovsa@omsu.ru
ФЕДЯЕВА Наталья Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета.
Адрес для переписки: ndfed@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2015 г.
© С. А. Демченков, Н. Д. Федяева

Книжная полка

ББК 81.432.1/К88
Кубышко, И. Н. Сокращения в области ракетно-космической терминологии в английском языке : моногр. / И. Н. Кубышко. – Омск : ОмГТУ, 2015. – 91 с.

Изложены когнитивные подходы к изучению профессиональной терминологии. На основе структурно-семантического анализа, опирающегося на системный подход, рассмотрены общие закономерности развития сокращений в ракетно-космической терминологии в английском языке, общие и специфические черты функционирования и другие особенности. Предназначено лингвистам, специалистам в области ракетостроения, а также специалистам, занимающимся вопросами терминоведения.

ББК 81/А43
Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве : IV межвуз. молодеж. науч.-практ. конф., 8 апреля 2015 г. / ОмГТУ ; редкол. : Л. К. Кондратюкова [и др.]. – Омск : ОмГТУ, 2015. – 210 с.

Сборник содержит тезисы докладов студентов, магистрантов, аспирантов на IV межвузовской молодежной научно-практической конференции по актуальным проблемам лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве. Адресован преподавателям, аспирантам, студентам и магистрантам.

УДК 811.112.2:007:574.6

Т. Н. ШАРАПОВА

Омский государственный технический университет

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП ТЕРМИНОПОЛЯ «БИОНИКА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается понятие «терминологическое поле» и его основные признаки, а также осуществляется анализ тематических групп и построение классификационной схемы терминологического поля «Бионика» в немецком языке. Разработанная автором классификация иллюстрируется большим количеством примеров.

Ключевые слова: терминология, бионика, терминологическое поле, тематические группы.

Вся терминологическая лексика представляет собой систему взаимосвязанных, структурно-организованных групп, классов, рядов, гнезд терминов, семантических полей, где каждому компоненту отводится чёткое место, а само поле представляется как структура мозаичного характера. Терминология науки — это не просто набор терминов, но и «семиологическое выражение определенной системы понятий» [1, с. 509], «способной образовывать устойчивые терминологические поля с хорошо выраженными лексическими парадигмами для каждой из таких терминоединиц» [2, с. 11].

Сущность современного полевого подхода к терминологии представлена в определениях терминологического (семантического) поля в исследованиях Л. В. Морозовой [3] и О. Н. Кавериной [4], где границы микрополей являются взаимопроницаемыми, а между ними существуют так называемые промежуточные зоны. Однако мы сочли возможным опираться на определение терминологического поля Е. В. Бекишевой, поскольку терминосистема является особым образованием в языке с характерными для неё принципами и представляет собой «строгую, логически последовательную иерархию между терминами на основе их абсолютных семантических показателей — обязательных научных дефиниций, отображающих логико-понятийные отношения в соответствующей области знания» [5, с. 6].

По мнению В. А. Татаринова, которое также отражает наше понимание данного явления, терминополе является многоуровневой классификационной структурой, которая объединяет термины сферы одной профессиональной деятельности» [6, с. 275].

Таким образом, с учетом существующих в науке дефиниций, определим терминологическое поле (далее ТП) как совокупность терминов, объединенных общим семантическим компонентом. Компоненты ТП, имеющие общее значение, связаны между собой определенными системными отношениями. Общее значение в ряде случаев распадается на несколько частных значений, образуя тематические группы (далее ТГ), подгруппы и т.д. ТГ рассматривается как микрополе в составе ТП, поскольку, по мнению О. Н. Кавериной, оно представляет собой совокупность терминов, объединенных общим родовым семантическим компонентом, а под ТГ понимается совокупность лексических единиц, связанных общим предметным признаком, внешним по отношению к языку. Таким образом, они соотносятся друг с другом как часть и целое [4, с. 19].

Под ТГ мы, вслед за Ф. П. Филиным, понимаем объединение слов, основывающееся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений [7, с. 231]. ТГ, в свою очередь, распадаются на тематические подгруппы, состоящие из меньших терминологических объединений. Необходимо отметить, что в подгруппы постепенно вовлекаются все новые терминологические единицы. Этот процесс будет происходить непрерывно, следуя за развитием данной области научного знания.

При исследовании немецких терминов бионики одной из наших задач было осуществить анализ содержания тематических групп, входящих в терминополе «Бионика».

В специальных словарях и справочниках мы обнаружили 3215 единиц, которые могут быть идентифицированы как термины бионики за счет своей соотнесённости с понятиями данной области знания, нормативности и наличию дефиниций. Для распределения данных терминов на тематические группы мы провели анализ специальной литературы и тщательно изучили логико-понятийные отношения, существующие между терминами.

ТП «Бионика» основано на немецких терминосистемах биологии, химии, физики и кибернетики, о чем свидетельствует большое количество терминов данных отраслей, прежде всего, это названия различных методов, эффектов, процессов, а также явлений и их описания: **Schallsehen** *n ~ звуковидение (получение с помощью звука видимого изображения объекта, находящегося в оптически непрозрачной среде)*; **funktionelle Anpassung** *f ~ функциональная адаптация;* **Korrelationseffekt** *m ~ корреляционный эффект;* **Längeneffekt** *m ~ эффект долготы;* **probabilistische Logik** *~ вероятностная логика, логика вероятности*; **Retest-Methode** *f ~ метод повтор-*

ного тестирования (бионической модели); **Landscher Effekt** *m ~ эффект Ланда;* **Langzeitspeicherprozess** *m ~ процесс хранения долговременной информации* и многие другие.

Для того чтобы выявить тематические группы и подгруппы исследуемой терминологии, рассмотрим определение понятия «Бионика», представленное в разных печатных источниках, а также этапы бионических исследований.

Словарь «DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch» 1996 г. издания дает такое определение термину *бионика*: «Bionik – (englisch. *bionics*, zu griech *bios* = Leben und Elektronik, und Technik). Wissenschaft, die technische Probleme nach dem Vorbild biologischer Funktionen zu lösen versucht». *«Бионика — (в англ.* ***bionics,*** *от греч.* ***bios*** *= жизнь и электроника, техника). Наука, решающая задачи техники, опираясь на примеры биологических процессов* [8, с. 134].

Согласно Большому энциклопедическому словарю 1998 г., термин *бионика* обозначает направление в биологии и кибернетике, которое изучает особенности строения жизнедеятельности организмов с целью создания новых приборов, механизмов и совершенствования уже существующих систем [9, с. 64].

Автор монографии 2005 г. издания «Bionik. Grudlagen und Beispiele für Ingenieure und Naturwissenschaftler» («Бионика. Основные положения и примеры для инженеров и естествоиспытателей») В. Нахтигалл, куратор бионического течения в Германии, трактует этот термин следующим образом: **Bionik als Wissenschaftsdisziplin befasst sich systematisch mit der technischen Umsetzung und Anwendung von Konstruktionen, Verfahren und Entwicklungsprinzipien biologischer Systeme** — *бионика как научная дисциплина занимается систематизацией технических преобразований и применением конструкций, технологий и принципов развития биологических систем* [10, с. 3].

Энциклопедический словарь «Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика» (2005 г.) определяет **бионику** как науку, изучающую принципы строения и функционирования живых систем для решения инженерных задач: совершенствования и конструирования машин, приборов, строительных конструкций и технологических процессов. Основное внимание в бионике направлено на изучение возможностей применения в технике закономерностей систем приема и переработки информации, присущих человеку и животным, результаты изысканий используются для оптимизации деятельности людей в системах «человек – машина», а также в эргономике при проектировании новых технических средств и технологий [11].

Таким образом, проанализировав различные подходы к определению термина **Bionik** как в словарях, так и в работах отдельных авторов, мы пришли к заключению о том, что данный термин употребляется в следующем значении: «**Бионика** — наука, изучающая особенности строения и жизнедеятельности живых организмов с целью использования полученных знаний в практической деятельности человека (создание новых приборов, механизмов, систем и совершенствования уже ранее существующих)».

Чтобы разобрать действующие компоненты терминополя «Бионика», рассмотрим кратко этапы проведения бионических исследований:

1. Биологический этап является исходным и включает в себя изучение данных для формализации, построения модели, ведется поиск «патентов живой природы» с учетом важности их для современной техники. Так, например, в преобладающем большинстве исследований, связанных с ориентацией и навигацией, бионические исследования пока не выходят за пределы сбора биологических данных о миграции животных, о чувстве направления, времени, их физиологических механизмах и т.д., и лишь в отдельных случаях дело доходит до модельных построений. Биологический этап необходимо рассматривать широко, как изучение в конкретном плане весьма разнообразных многочисленных свойств, закономерностей, принципов живого, которые будут исходным материалом для дальнейших шагов бионической технологии. Изучение может проводиться с привлечением методов биологии, физики, химии, математики, техники, в том числе с применением познавательного моделирования биологических процессов и структур.

2. Теоретико-математический этап связан с абстрагированием, обобщением данных, полученных на биологическом этапе, их формализацией, моделированием, построением функциональных схем и установлением определенных закономерностей. Здесь же выявляются возможные границы реализации идеи на третьем техническом этапе, отбираются полезные и неполезные для современной техники, современного производства стороны замысла, и тем самым фактически решается судьба рассматриваемой задачи.

3. Технический этап заключается в инженерной разработке действующего устройства или конкретной модели. Перед тем как внедрить в технику бионическую модель, строится её математическое описание. Далее составляется компьютерная программа, которая позволяет обработать различные параметры и устранить конструктивные недостатки. Программное моделирование позволяет провести анализ функционального состояния модели, техническое построение модели предусматривает обеспечение наиболее эффективных и необходимых её свойств.

Взаимосвязь биологического, теоретико-математического и технического этапов с передачей прикладных результатов в общественное производство является продуктивной основой для выработки общенаучных средств познания в бионическом творчестве. Трехэтапная технология бионических работ вплотную приближается к вопросу об общности «языка» в смысле взаимного понимания постановок задач, методов и подходов между специалистами различного профиля.

Далее перейдем непосредственно к определению тематических групп (ТГ) немецкой терминологии бионики, которые были выделены на основе близости обозначаемых понятий. Исходя из выделенного нами определения бионики, описания технологии бионических исследований и используя принципы системного подхода в качестве методологической базы, нам удалось выделить основные взаимодействующие компоненты в системе изучаемой нами научной дисциплины, которые мы представили на рис.1.

1. Первая тематическая группа **«Человек-исследователь»** представлена 392 терминами, что составляет 12 % от составленной нами выборки общим объемом 3215 терминологических единиц и включает в себя следующие подгруппы:

1.1. **Антропометрические признаки человека-исследователя.** К данной подгруппе мы отнесли

Рис. 1. Тематические группы и подгруппы в немецкой терминологии бионики

следующие термины и терминологические сочетания: **Sinnesleistung** *f ~ функция чувств;* **Körperbewegung** *f ~ телодвижение;* **Körperkonstitution** *f ~ телесная конституция;* **Körperreaktion** *f ~ соматическая реакция;* **Sehlinie** *f ~ зрительная линия (линия между фиксируемой точкой и центральной ямкой желтого пятна сетчатки);* **Sehnerv** *m ~ зрительный нерв;* **Sehfeldbeeinträchtigung** *f ~ нарушение поля зрения* и др.

1.2. **Психофизиологические процессы.** Эта подгруппа включает в себя свойства психики, особенности реакции, деятельность центральной нервной системы: **Eigenreflex** *m ~ проприоцептивный рефлекс;* **Motivationsstruktur** *f ~ структура мотивации;* **ZNS < Zentralnervensystem** *n ~ центральная нервная система;* **Reaktionsbereitschaft** *f ~ готовность к реакции; реактивное образование;* **Reaktionspotential** *n ~ потенциал реакции (переменная, опосредующая связь между стимулом и реакцией),* и многие другие.

2. По количеству терминов, вторая тематическая группа **«Окружающая среда как объект исследования»,** является самой объёмной и составляет 1376 терминоединиц, или 43 % от нашей выборки. В рамках данной ТГ мы выделили следующие подгруппы:

2.1. **Мир живой природы.** К этой подгруппе мы отнесли объекты флоры и фауны, живые организмы, их свойства и особенности, например: **Chemoorientierung** *f ~ хемоориентация (навигационная система живого организма, функционирующая на базе рецепторов обоняния);* **Johnston's organ** *n ~ джонстонов орган (орган слуха у насекомых);* **Temperaturorgan** *m ~ термочувствительный орган (у насекомых);* **Mondkompaßorientierung** *f ~ ориентация птиц и насекомых в пространстве посредством луны;* **Tapetum** *~ тапетум (особый слой сосудистой оболочки глаза позвоночных);* **Anthropodenkutikula** *f ~ кутикула (наружная кожица) членистоногих (антроподов)* и др.

2.2. **Физические явления и эффекты: Johnson-Effekt** *m ~ эффект Джонсона, тепловой флюктуационный эффект;* **Lichtadaptation** *f ~ световая адаптация;* **Hall-Spannung** *f ~ напряжение Холла, холловское напряжение;* **Ultraschall** *m ~ ультразвук;* **Schalldruck** *m ~ звуковое давление;* **Schallfeld** *n ~ звуковое поле;* **räumliche Schallwahrnehmung** *~ восприятие звука;* **Kraft-Dauer-Abhängigkeit** *f ~ зависимость «сила — длительность»;* **Markoff-Prozeß** *m ~ марковский процесс, процесс Маркова* и др.

2.3. **Химические процессы.** Данная подгруппа включает названия химических элементов, названия продуктов химических реакций с указанием на их системные характеристики: **Reduktionsreaktion** *f ~ реакция восстановления;* **stereoselektive Elektrolyse** *f ~ стереоселективный электролит;* **Synthese nach Müller-Rochov** *~ синтез Мюллера—Рохова (кремнийорганических соединений);* **Aminosäuresequenz** *f ~ последовательность аминокислот, секвенция аминокислот* и др.

3. К третьей тематической группе **«Теоретико-математическая база исследований»** мы отнесли 568 терминов (18 %) и выделили 3 подгруппы:

3.1. **Законы, уравнения, величины.** Данную подгруппу составляют названия разного рода законов, уравнений и величин: **Nernstsches Gesetz** *n ~ закон Нернста, закон распределения растворимого вещества;* **Stevens-Gesetz** *n ~ закон Стивенса;* **Chronaxie** *f ~ хронаксия (временной показатель возбудимости мышечной или нервной ткани);* **Schrödinger Gleichung** *f ~ уравнение Шрёдингера;* **Laplace - Transformation** *f ~ преобразование Лапласа;* **Bruchfestigkeit** *f ~ предел прочности при разрыве;* **Weber-Fechnersches Gesetz** *n ~ закон Вебера—Фехнераи* и др.

3.2. **Принципы и методы моделирования: Imitationsmodellierung** *f ~ имитационное моделирование (метод, позволяющий строить модели, описывающие процессы так, как они проходили бы в действительности);* **Känguru-Prinzip** *n ~ принцип кенгуру;* **Katzenpfotenprinzip** *n ~ принцип кошачьей лапы;* **Zwiebelschalenprinzip** *n ~ принцип луковой кожуры (принцип проектирования архитектурных сооружений);* **Top-Down-Ansatz** *m — исходное проектирование «сверху вниз»;* **Bottom-Up-Ansatz** *m —*

исходное проектирование «снизу вверх»; **Geckomat – Konzept** *n ~ принцип ящерицы геккона (принцип сцепления с поверхностью)* и др.

3.3. **Области применения бионики согласно целям исследований: Konstruktionsbionik** *f ~ бионика конструкций;* **Energetobionik** *f ~ энергобионика;* **Baubionik** *f ~ архитектурная бионика;* **Sensorbionik** *f ~ сенсорная бионика;* **Neurobionik** *f ~ нейробионика;* **Evolutionsbionik** *f ~ эволюционная бионика;* **Prozessbionik** *f ~ бионика процесса;* **Anthropobionik** *f ~ антропометрическая бионика;* **Bewegungsbionik** *f ~ бионика движения;* **Bionik f – Design** *n ~ бионический дизайн* и др.

4. **«Техническое обеспечение»** — четвёртая тематическая группа, имеющая 879 терминологических единиц, т.е. 27 % от общего числа терминов нашей выборки, и состоящая из двух подгрупп, таких как:

4.1. **Техника контроля и технологии управления.** Данную подгруппу составляют термины, обозначающие измерительные приборы, оборудование, системы и программы обеспечения, применяемые в исследовании: **Aktionsakzeptor** *m ~ акцептор действия (аппарат, оценивающий целесообразность операции или действия);* **Algenkonverter** *m ~ преобразователь (конвертер) водорослей;* **Hall-Sensor** *m ~ датчик Холла;* **Winston-Kollektor** *m ~ коллектор Уинстона;* **Turing-Maschine** *f ~ машина Тьюринга;* **CAD-Programm n < Computer Aided Design Programm** *~ система проектирования, автоматизированное программирование* и др.

4.2. **Продукты и технологии бионических исследований.** Эта подгруппа включает в себя наименования бионических разработок, например: **Festo-«Fluidmuskeln»** *pl. ~ «жидкие мышцы» Фесто (изобретение германской фирмы «Фесто» в 2001 г.);* **Anti-Wicking** *m ~ гидроустойчивость текстильной поверхности;* **Echolot–Interface** *n ~ эхолот-интерфейс (сканирующие эхолоты переднего обзора, впередсмотрящие эхолоты);* **Haifischhautanzug** *f ~ гидрокостюм, изготовленный из материала, по своей структуре напоминающий акулью кожу;* **PowerSkip – Sportgerät** *n ~ тренажер для бега и прыжков;* **Perzeptron** *m ~ перцептро́н (математическая и компьютерная модель восприятия информации мозгом);* **Saugnapf** *m ~ вакуум-присос;* **Geckoroboter** *m;* **Geckomat** *m ~ Геккомат (специальное устройство для передвижения по вертикальным поверхностям, изобретено в Германии в 2005 г.);* **Salzstreuer Francés** *~ солонка Франса* и др.

Таким образом, на базе проведённого исследования немецких терминов бионики была выявлена и осуществлена тематическая классификация терминологии, что позволило нам выделить четыре тематические группы: *«Человек-исследователь», «Окружающая среда как объект исследования», «Теоретико-математическая база исследований», «Техническое обеспечение»,* которые, в свою очередь, делятся на подгруппы, представляющие собой четкую иерархическую систему. Действия человека-исследователя направлены на манипуляции с объектами окружающей среды, далее создается теоретико-математическая база для обработки полученной информации и построения экспериментальных моделей, затем при соответствующем техническом обеспечении проводятся исследования и испытания, результатом которых являются продукты и технологии бионических исследований.

Библиографический список

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Липатов, А. Т. Метаязык лингвистики и метаксонимия лингвистических терминов / А. Т. Липатов // Вопросы терминологии : межвуз. сб. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1993. – С. 3–19.
3. Морозова, Л. В. Опыт дефинитивного описания терминополя (на базе терминов ядерной физики и техники) : дис. ... канд. филолог. наук / Л. В. Морозова. – Калинин, 1970. – 186 с.
4. Каверина, О. Н. Типы семантических отношений в лексико-семантическом поле / О. Н. Каверина. – Балашов : Балаш. фил. Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2002. – 44 с.
5. Бекишева, Е. В. Специфика процессов образования производных терминов (к проблеме национального и транснационального в терминологических подсистемах) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Е. В. Бекишева. – Саратов, 1991. – 15 с.
6. Татаринов, В. А. Общее терминоведение: энцикл. словарь / В. А. Татаринов // Российское терминологическое общество РоссТерм. – М. : Московский Лицей, 2006. – 528 с.
7. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Языковедческие исследования в честь академика Стефана Младенова. – София, 1957. – С. 526.
8. DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch / Auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreiberegeln. – 3., neu bearb. und erw. Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
9. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 1998. – 1434 с.
10. Nachtigall, W. Bionik. Grundlagen und Beispiele für Ingenieure und Naturwissenschaftler / W. Nachtigall. – Berlin : Springer-Verlag, 2002. – 545 S.
11. Душков, Б. А. Психология труда, рекламы, управления, инженерная психология и эргономика : энциклопед. слов. / Б. А. Душков, А. В. Королев, Б. А. Смирнов. – Екатеринбург : Деловая Кн., 2000. – 462 с.

ШАРАПОВА Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: Treselle_omsk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2015 г.
© Т. Н. Шарапова

УДК 811.11-112

Ю. В. ПЛОЦКАЯ

Омский государственный
медицинский университет

АНГЛОАМЕРИКАНИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются англо-американские заимствования как один из источников обогащения немецкой стоматологической терминологии. Представлена классификация англоамериканизмов в данной терминосистеме, выделены их характерные особенности.

Ключевые слова: англоамериканизмы, заимствования, стоматологическая терминология, аббревиатурные заимствования, интернационализмы.

В настоящее время многими лингвистами отмечается тенденция к использованию английского языка в качестве международного языка науки. Эта тенденция отчетливо прослеживается и в подъязыке медицины: огромное количество научных медицинских публикаций различных областей либо издается на английском языке, либо содержит наряду с немецкоязычным текстом англоязычное резюме. Таким образом, немецкий язык на современном этапе испытывает сильное влияние английского языка, проявляющееся в различных видах заимствования. Е. В. Розен отмечает, что немецкий язык, как и прежде, интегрирует сегодня много новых обозначений из самых разных языков, особенно заметно стремление черпать слова и выражения из английского, точнее, его американского варианта [1]. Этот процесс обусловлен как экстралингвистическими, так и интралингвистическими причинами. К внешним причинам С. В. Гринев-Гриневич относит культурное влияние одного языка на другой; наличие контактов между разноязычными странами; авторитетность языка-источника; исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой другой страны; условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово [2]. По мнению Л. П. Крысина, внутренними (языковыми) причинами заимствований являются: устранение полисемии исконного слова; необходимость в наименовании нового понятия или явления; уточнение или детализация соответствующего понятия; стремление языка к названию обозначаемого одним словом, а не словосочетанием [3]. Медицинская терминология, являясь одной из самых развитых и обширных терминосистем, испытывает тем не менее потребность в образовании терминов в связи с появлением новых технологий, инструментов, методов и средств лечения. Заимствования помогают решить эту проблему, пополняя и расширяя словарный запас языка-рецептора.

Проблеме англо-американских заимствований в немецком языке, их классификации и систематизации, а также определению их целесообразности посвящено большое количество исследований (Бондаренко, 1994), (Жабина, 2001), (Карнаухов, 2000), (Мангушев, 2002), (Червова, 1996) и др. Немецкий язык с начала 20 века, особенно после второй мировой войны, и по настоящее время испытывает значительное культурное, политическое, научное и социальное влияние Америки. Это послужило причиной проникновения англоязычных заимствований практически во все области жизни Германии. Точно не установлено, какие заимствования пришли из американского, а какие — из британского варианта английского языка, поэтому в литературе принято называть их англоамериканизмами. В современных исследованиях представлены различные точки зрения на понятие «англоамериканизм»: Т. А. Киселева определяет англоамериканизмы как языковой знак, в плане выражения складывающийся из английских морфем или комбинации английских и немецких морфем, а в плане содержания предполагающий заимствование значения из английского языка [4]. Ю. М. Калашникова понимает под англо-американскими заимствованиями лексические единицы, возникшие либо в английском языке, либо в немецком с использованием лексем английского языка, при условии, что их словообразовательная функция активизировалась именно в английском языке [5].

В нашей работе мы придерживаемся определения, данного И. В. Лысиковой, относящей к англоамериканизмам слова, заимствованные из английского языка, обозначающие предметы и явления британского или американского происхождения, и являющихся неотделимой частью духовной и материальной культур Англии и Америки, а также слова-англицизмы, заимствованные языком-адресатом через языки-посредники, или слова с нечеткой этимологией [6].

Для анализа нами было отобрано 384 англоамериканизма и их производных (что составляет 7,3 % от всей выборки (5246) терминов), функционирующих в немецкой стоматологической терминологии. Проведенное исследование позволило выделить следующие группы заимствований:

1. Полностью заимствованные термины — 19,5 % (75 ТЕ), например: Scaler — скалер, стоматологический аппарат, предназначенный для снятия с помощью ультразвука зубного камня; Veneers — виниры, фарфоровые или композитные пластинки, замещающие вестибулярный (внешний) слой зубов; Abutment — абатмент — связующее звено между зубным имплантатом и крепящимся на нем зубным протезом; Attachment — аттачмент, замковое или шарнирное устройство, предназначенное для механической фиксации, ретенции и стабили-

зации зубного протеза; Mottling — крапчатость; Overbite — глубокий прикус.

2. Гибридные термины — 35,1 % (135 ТЕ), термины, состоящие из английского и немецкого компонентов, либо из английского и интернационального: *Attachment*verlust — потеря десневого аттачмента; *Sandwich*schiene — сэндвич-шина; *Inlay*brücke — мостовидный протез на опорных вкладках; *Double-flare*-Technik — техника двойного конуса; *Jacket*krone — жакетная коронка; *Nylon*prothese — нейлоновый протез.

3. Устойчивые терминосочетания — 6,8 % (26 ТЕ): pink spot — розовое пятно; Tissue engineering — тканевая инженерия; walking bleach — внутреннее отбеливание девитальных зубов, «гуляющее отбеливание»; Root planing — сглаживание корня; Deep Scaling — глубокий скейлинг (удаление твердых наддесневых налетов, а также поддесневых конкрементов).

4. Аббревиатуры и сокращения — 27,6 % (106 ТЕ): ART — **A**traumatic **R**estorative **T**reatment — атравматическая реставрационная терапия; DDE-Index — **D**evelopmental **D**efects of **E**namel — DDE-индекс (модифицированный индекс дефектов развития эмали); DMF-Index — **D**ecayed **M**issing and/or **F**illed — разрушенные, отсутствующие и/или пломбированные (зубы), индекс интенсивности кариеса; OHIP — **O**ral **H**ealth **I**mpact **P**rofile — профиль влияния стоматологического здоровья; PES — **P**ink **E**sthetic **S**core — оценка розовой эстетики.

5. Эпонимные термины — 11 % (42 ТЕ): Pott's Puffy Tumor — «одутловатая» опухоль Потта; Roach-Klammer — кламмер Роуча; Owen Linien — линии Оуэна; Maryland-Brücke — мэрилендский мостовидный протез; Balkwill-Winkel — угол Балквиля; Bonwill-Artikulator — артикулятор Бонвиля.

Анализ показал, что наиболее продуктивным видом англо-американских заимствований являются гибридные термины, образование которых представляет собой результат лексической ассимиляции англоамериканизмов. Их словообразовательная активность приводит к появлению многочисленных терминов-композитов с заимствованным элементом, который может находиться как на первом, так и на втором месте: так от заимствованного акронима Laser (**L**ight **A**mplification by **S**timulated **E**mission of **R**adiation — усиление света индуцированной эмиссией излучения) были образованы следующие гибридные термины: *Laser*-Doppler-Messmethode — лазерная доплеровская флоуметрия; MiLaDi (**Mi**nimalinvasive ***La****ser*ablation und **Di**agnose) — минимально инвазивная лазерная абляция и диагностика; Farbstoff*laser* — лазер на красителях (жидкостный); Festkörper*laser* — твердотельный лазер; Gas*laser* — газовый лазер; *Laser*bohrer — лазерный бор; *Laser*schweißen — лазерная сварка; Femtosekunden*laser* — фемтосекундный лазер; *Laser*-Präparation — лазерная подготовка; *Laser*gerät — лазерное устройство. Процесс образования гибридных терминов в немецкой стоматологической терминологии является активным процессом, что подтверждается наличием словообразовательных парадигм с одним и тем же заимствованным компонентом.

Характерной особенностью рассматриваемой терминологии является также наличие заимствованных англо-американских аббревиатур и сокращений, что свидетельствует о наметившейся в настоящее время в языке как общелитературном, так и в языке для специальных целей, тенденции к краткости, компактности, к выражению многословного термина его более коротким вариантом. К. Я. Авербух отмечает наличие и действие в языке вообще и в сфере специальной коммуникации, в частности, закона экономии. Говорящие или пишущие на языке профессионального общения стремятся передать максимум информации при минимуме затрат [7]. Немецкая терминология стоматологии использует средства компрессии для образования терминов из исконных слов языка, но в то же время заимствует уже готовые сокращенные термины из английского языка. Опираясь на классификации, предложенные И. В. Арнольд [8, с. 187], В. В. Борисовым [9], Л. Б. Ткачевой [10], мы выделили следующие виды сокращений:

1. Инициальные аббревиатуры, сложные термины, образуемые начальными буквами своих элементов. Среди инициальных аббревиатур различают буквенные, т.е. произносимые по буквам: ISQ — **I**mplant **S**tability **Q**uotient — фактор стабильности имплантата; ECC — **E**arly **C**hildhood **C**aries — кариес раннего детского возраста; RPP — **R**apidly **P**rogressive **P**eriodontitis — быстропрогрессирующий пародонтит. Звуковые аббревиатуры, произносящиеся как слова: BOP — **B**leeding **O**n **P**robing — кровотечение при зондировании; SPECT — **S**ingle **P**hoton **E**mission **C**omputer **T**omography — однофотонная эмиссионная компьютерная томография. Буквенно-звуковые, сочетающие в себе оба вида произношения: CCARD — **C**ologne **C**lassification of **A**lveolar **R**idge **D**efect — Кельнская классификация дефектов альвеолярного гребня.

2. Омоакронимы — сокращения, образованные из начальных элементов терминов, совпадающие по форме со словами общеупотребительной лексики: Nitinol — **Ni**ckel **Ti**tanium **N**aval **O**rdnance **L**aboratory — нитинол, сплав титана и никеля, открытый в военно-морской лаборатории; FACE — **F**luorescence **A**ssisted **C**aries **E**xcavation — экскавация кариеса с помощью флуоресценции; LIFE — **L**ight **I**nduced **F**luorescence **E**valuator — анализатор индуцированной флуоресценции; ADAM — **A**mniotic **D**eformity **A**dhesions **M**utilations — амниотические деформации, адгезии, мутиляции;

3. Гибриды, состоящие из инициальной аббревиатуры и несокращенного термина: ECM-Methode — **E**lectrical **C**aries **M**onitor — метод электрометрической диагностики кариеса (ECM); RDA-Wert — **R**adioactive **D**entin **A**brasion — показатель радиоактивной абразии дентина; AGC-Verfahren — **A**uro **G**alvano **C**rown — метод золотой гальванической коронки.

4. Усечения — термины, образованные путем сокращения начальных элементов каждого слова: CEREC — **Cer**amic **Rec**onstruction — керамическая реконструкция; ORMOCER — **Or**ganical **Mo**dified **Cer**amics — органически модифицированная керамика; DIFOTI — **Di**gital **F**iber **O**ptic **T**ransillumination — цифровая волоконно-оптическая трансиллюминация.

Основным недостатком аббревиатур является омонимия. Стремление языка к экономии языковых средств влечет за собой появление новых сокращений, часто становящихся омонимами уже существующих: BOP — **B**leeding **o**n **P**robing — кровотечение при зондировании; BOP — **B**andscheiben-**O**peration — операция на межпозвоночном диске; BOP — **B**urn-**o**ut-**P**rävention — профилактика эмоционального выгорания. Приведем еще примеры: RCI — **R**oot-**C**aries-**I**ndex — индекс, учитывающий

Таблица 1

Примеры интернационализмов			
немецкий	английский	французский	русский
overbite	overbite	overbite	овербайт
ECC (early childhood caries)	ECC (early childhood caries)	ECC (early childhood caries)	ECC (early childhood caries)
Veneers	Veneers	Veneers	Виниры
Brackets	Brackets	Brackets	Брекеты
Invisalign	Invisalign	Invisalign	Инвизилайн
Overjet	Overjet	Overjet	Оверджет

количество открытых поверхностей корня; RCI — **R**echte **C**arotis **I**nterna — правая внутренняя сонная артерия; RCI — **R**ekombinanter **C**holera**i**mpfstoff — рекомбинантная вакцина против холеры; RCI — **R**espiratory **C**ontrol **I**ndex — индекс дыхательного контроля. В связи с явлением терминологической омонимии, возникает проблема перевода аббревиатур и сокращений. По мнению Г. Г. Бабаловой, перевод терминов-аббревиатур представляет большую трудность по причине многозначности и отсутствия прецедента их использования ранее [11]. Широкая распространённость терминов-омонимов, в частности, терминологических аббревиатур-омонимов, требует от переводчика глубокого знания предмета. Употребление сокращений вне контекста влечет за собой необходимость в консультации со специалистами данной области науки. Так, например, инициальная аббревиатура RDA может расшифровываться следующим образом: **R**adioactive **D**entin **A**brasion — стираемость радиоактивного дентина; **R**amus **D**escendens **A**nterior — передняя нисходящая ветвь; **R**einigungs- und **D**esinfektions**a**nlage — устройство для очистки и дезинфекции; **R**otatoren-manschetten**d**efekt**a**rthropathie — артропатия с дефектом ротаторной манжеты; **R**ettungs**d**iens**t**assistent — ассистент скорой помощи. При переводе сокращений в большинстве случаев необходимо прибегать к использованию описательного перевода, так как транслитерация может повлечь за собой терминологические ошибки.

Анализ выборки позволил выявить, что 42,7 % англоамериканизмов являются интернациональными терминами — интернационализмами, под которыми мы, вслед за В. Н. Ярцевой, понимаем слова, совпадающие по своей внешней форме, с полно или частично совпадающим смыслом, функционирующие в разных, прежде всего, неродственных (не менее чем в трех) языках [12]. Л. П. Крысин отмечает, что «американизмы» находятся, по существу, на положении интернациональной лексики, поскольку они употребляются во многих языках, хотя и ощущаются в них иногда как нечто чужеродное [3]. В табл. 1 представлены примеры интернациональных англоамериканизмов.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что англо-американские заимствования в немецкой стоматологической терминологии являются неотъемлемой частью немецкого языка. Чем правильнее, рациональнее и шире родной язык носителя языка, тем целесообразнее словарь заимствований. Медицина, как наука, имеет международный характер, что обусловливает процесс интернационализации медицинской терминологии. Можно также предположить, что английский язык и дальше будет служить важным источником пополнения и развития немецкой стоматологической терминологии.

Библиографический список

1. Розен, Е. В. Немецкая лексика: История и современность / Е. В. Розен. — М. : Высш. шк., 1991. — 96 с.
2. Гринев-Гриневич, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. — М. : Издат. центр Академия, 2008. — 304 с.
3. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
4. Киселева, Т. А. Англо-американские терминозаимствования в телеинтервью экономического медиадискурса : на материале немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Т. А. Киселева. — Смоленск, 2011. — 23 с.
5. Калашникова, Ю. М. Экстра- и интралингвистические предпосылки проникновения английских экономических терминов в немецкий язык : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Ю. М. Калашникова. — Омск, 2005. — 24 с.
6. Лысикова, И. В. Англоязычные педагогические и лингводидактические термины в современном немецком языке: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / И. В. Лысикова. — М., 2012. — 18 с.
7. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. — М. : Изд-во МГОУ, 2006. — 252 с.
8. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. — М. : Флинта, 2012. — 376 с.
9. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия / В. В. Борисов. — М. : Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1972. — 320 с.
10. Ткачева, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии: монография / Л. Б. Ткачева. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. — 200 с.
11. Бабалова, Г. Г. Оптимизация функциональной природы подъязыка информатики : моногр. / Г. Г. Бабалова. — Омск : Б.и., 2007. — 216 с.
12. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Рос. Энцикл., 1998. — 685 с.

ПЛОЦКАЯ Юлия Валериевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: inconnue1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.04.2015 г.
© Ю. В. Плоцкая

УДК 811.111:351.74

В. В. ГАЛКИНА

Омский государственный технический университет

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИСЕМИИ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объектом исследования данной статьи является англоязычная терминология правоохранительной деятельности. Цель статьи — исследовать понятие полисемии в английском языке. Для достижения поставленной цели нами предпринята попытка изучить теоретические вопросы, найти примеры этого явления в английской терминологии правоохранительной деятельности. В статье проводится краткий обзор толкований и определений понятия полисемии, предложенных авторитетными терминологами.

Ключевые слова: полисемия, терминология, многозначность, единица языка, признак, термин.

В связи с динамичным развитием и распространением научных знаний в современном обществе актуальность исследования специальных понятий неуклонно растет. Юриспруденция как специальная сфера знаний претерпевает в настоящий момент серьезные изменения, которые по-особенному отражаются в терминологии, т.е. в системе терминов, оперирующих в данной предметной области. В последнее время наблюдается активная разработка теоретических и практических аспектов в терминологии, однако далеко не на все вопросы можно найти ответ. Так, разнообразие способов терминологической номинации и их особенности в юридической терминологии в подъязыке «правоохранительная деятельность» представляют собой широкое поле для научной деятельности. Центральной единицей отсчета можно считать термин как «номинативную, специальную, лексическую единицу» (слово или словосочетание) для точного наименования понятия. Как показывает анализ, в сфере правоохранительной деятельности большое количество терминов данной области специального знания не отвечают основным критериям и требованиям системности. В первую очередь следует упомянуть об основном свойстве термина — однозначности. Данное свойство определено самой природой термина как знака, т.е. неделимого единства выражения и содержания. При этом в теории одному означающему соответствует одно означающее, а на практике часто наблюдается нарушение данного принципа, которое выражается таким явлением, как полисемия.

Лингвистическое явление многозначности — одно из основных направлений научных лингвистических исследований. Еще в 70-е годы прошлого столетия известный лингвист В. В. Виноградов в своей работе «Русский язык: Грамматическое учение о слове» писал: «Ни один язык не был в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Язык вынужден разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...» [1, с. 18]. Что же такое полисемия? Полисемия слова (от латинского poly — «много» + sema — «знак», соответственно, polysemos — многозначный) — это наличие у языковой единицы более одного значения при условии их семантической связанности.

Явление полисемии, его природа, основные характеристики вызывают у ведущих терминоведов неоднозначное отношение и находят свое отражение в работах известных ученых И. В. Арнольд, Ю. Д. Апресяна, А. И. Смирницкого, Е. С. Кубряковой, Л. К. Кондратюковой, Л. Б. Ткачевой и др. На протяжении многих лет полисемия остается в центре изучения ученых-лингвистов.

Д. С. Лотте одним из первых заявил, что «термин не должен быть многозначным». Он поясняет, что многозначность может быть различной: допустимая полисемия имеет место в случае, когда термин соотносится с понятиями, совершенно не связанными друг с другом, а само явление полисемии проявляется в отдаленных друг от друга системах; многозначность недопустима, если термин объединяет достаточно близкие понятия. Так, Д. С. Лотте наделяет термин одним значением в рамках определенной терминосистемы и подчеркивает большую значимость межотраслевых терминов в узкоспециальных терминосистемах [2, с. 8].

Проблеме многозначности термина большое внимание в своих работах уделил и В. А. Татаринов. Согласно его определению, полисемия — «способность термина иметь два или несколько взаимосвязанных значений, между которыми существуют отношения производности, взаимной мотивированности и категориальности». В. А. Татаринов не считает полисемию показателем неточности термина, а, напротив, утверждает, что чем сильнее развита система многозначности в терминологии, тем основательнее изучен предмет мысли, тем точнее установлены связи между общенаучными понятиями и отраслевым понятийным аппаратом, тем структурированнее предстает объект исследования [3].

Требование однозначности термина поддерживает С. В. Гринев. Он дает толкование основных

конституирующих свойств термина, его признаков, позволяющих отграничить термины от нетерминов. Термин, по мнению С. В. Гринева, должен обозначать понятия, принадлежность к специальной области знания, характеризоваться дефинированностью, точностью значения, контекстуальной независимостью, конвенциональностью и целенаправленным характером появления, устойчивостью и воспроизводимостью в речи, номинативностью и стилистической нейтральностью» [4, с. 30].

По мнению А. А. Реформатского, полисемия, или «многозначность», свойственна большинству обычных слов. Слова, как и названия, способны легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак этой вещи или на ее часть [5, с. 81].

Л. К. Кондратюкова утверждает, что однозначность термина можно проследить только в пределах одной области знания, при этом, имея определенный контекст, термин всегда соотнесен только с одним объектом [6, с. 281].

А. В. Суперанская полагает, что равные по значению слова могут быть только в языке науки, а в общем языке преобладают только близкие по значению слова [7, с. 51].

В. М. Лейчик выявляет несколько случаев многозначности. Наиболее часто встречающимся явлением можно считать использование термина в близких отраслях знания и причиной данной многозначности является межсистемное заимствование. Категориальная многозначность, по его мнению, вторична (например, процесс и результат обозначается одним и тем же термином) [8, с. 45]. В этом случае между значениями устанавливаются метонимические отношения, один термин служит для названия и науки, и аспекта языка (фонетика, морфология) [9, с. 31].

Категориальная полисемия, по мнению Е. Н. Толикиной, относится к разряду истинной многозначности, и только этот вид имеет право существовать в терминологических системах [10, с. 60]. В качестве особого типа полисемии называют авторскую полисемию, которую определяют как «обозначение уже существующим в науке термином новых объектов и понятий в зависимости от авторской исследовательской позиции, принадлежности к научной школе» [11, с. 51].

Проведенный анализ выборки английских терминов подъязыка правоохранительной деятельности позволяет нам говорить о наличии полисемии в данной терминологии. В качестве примера можно рассмотреть английское слово *officer.* Оно является многозначным, соответственно, переводится как *1. чиновник, должностное лицо, служащий; 2. офицер, pl. офицерский состав; 3. полицейский; 4. капитан на торговом судне.* В сочетании *officer of the court — судебный пристав, судебный исполнитель; officers of the state — высшие сановники государства; officer of health — санитарный инспектор; returning officer — председатель избирательной комиссии (в Англии); officer of the day — дежурный офицер; billeting officer — квартирьер; first officer — старший помощник.* Необходимо отметить, что данный термин используется в различных сферах деятельности человека, но при этом имеет свои определенные оттенки значений. Чаще всего он употребляется в терминологии правоохранительной деятельности в значении *офицер правоприменения* или *командный состав (pl).* Например: *Thus in a modern democratic society the law enforcement officers are strictly to observe the principles of legality and protect the rights and interests of citizens. Таким образом, в современном демократическом обществе офицеры правоприменения должны строго соблюдать принципы законности и защищать права и интересы граждан* [12, с. 100]. *The great benefit from a college education of police officers is training future police workers to think. Большая польза от обучения командного состава в колледже — это научить будущих сотрудников полиции думать* [12, с. 164].

По мнению С. В. Гринева, самым надежным методом определения многозначности является метод изучения особенностей функционирования терминов в специальных текстах. Как показывает исследование англоязычных терминов правоохранительной деятельности, разница в значениях терминов имеет отражение в различном терминологическом окружении в тексте. Например: *How long does it take the police officer to get to the* ***scene****? The investigator examines the* ***scene****.* Очевидно, что в первом примере слово *scene* имеет значение *место*, а во втором — *место преступления.*

Наличие определенного контекста, а также знание особенностей сочетаемости данного многозначного термина позволяет подобрать необходимое значение термина. Например: *It means* ***a search*** *for the truth, for the offender, for witnesses who help to reconstruct the happening and will present evidence of it in the court. Это означает* ***поиск*** *правды, преступника, свидетелей, которые помогут восстановить случившееся и будут представлять доказательства в суде* [12, с. 253]. *He collects and protects evidence, interviews witnesses and details a number of other factors, e.g.* ***search*** *of the premises and persons for discovery of stolen property and instruments of the crime. Он собирает и сохраняет доказательства, опрашивает и детально изучает ряд других факторов, например,* ***осмотр*** *помещений и лиц, для того чтобы найти похищенное имущество и орудия преступления.*

Важно учесть и мнение ученых по поводу источников полисемии. Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин выделяют следующие источники полисемии: 1) полисемия соответствующих общеупотребительных слов; 2) метонимия, при которой происходит перенос названия одного предмета на другой, находящийся с первым в ассоциативных отношениях (часть — целое, род — вид); 3) авторское терминотворчество, т.е. обозначение новых понятий и объектов уже имеющимися терминами [11, с. 49].

К источникам многозначности в научной литературе причисляют также метафору. Метафорический перенос представляет собой перенос названия одного понятия на другое на основе сходства признаков этих двух понятий. Некоторые ученые-лингвисты утверждают, что явление полисемии вредно и вызывает затруднения при чтении литературы, при коммуникации, нарушает взаимопонимание, ведет к шаткости представлений. В результате неизбежен вывод о том, что полисемия в терминологии в идеале должна устраняться [2, с. 20].

Многозначность как обыденный и неотъемлемый процесс литературного языка способна проникать в общенаучный и узкоспециальный слои языка, поскольку терминологические единицы в силу экстралингвистических факторов в процессе терминологизации переходят из категории общеупотребительных слов в категорию терминов.

С середины XX века в языкознании появилась новая когнитивная парадигма полисемии в терминологии, что нашло свое отражение в работах

отечественных и зарубежных ученых-лингвистов (Л. М. Лещёва, М. Н. Лапшин, Дж. Лакофф, Р. Джэкендофф и др.). «Как известно, многозначность является неотъемлемой чертой естественных языков, их конституитивным средством. Она, с одной стороны, представляет собой следствие, вытекающее из природы языка, а с другой — исходит из особенностей функционирования сознания. Слова естественных языков представляют универсальную основу для развития многозначности, практически любая единица языка имеет достаточный потенциал для развития значений, обозначающих различные понятия...» [13, с. 19]. Так, в своей работе «Лексическая полисемия в когнитивном аспекте» Л. М. Лещёва обращает внимание на то, что полисемия, находясь в новой лингвистической парадигме, в широком смысле именуемая когнитивной, рассматривает семантическую структуру слова исключительно как внутреннее, интериоризированное явление, как концептуальный кластер, объединяющий разные по характеру концепты по принципу семейного сходства [14, с. 10].

Для успешного функционирования терминосистемы необходим процесс полисемии, поэтому можно сделать вывод, что многозначность терминов — это обычное проявление естественных законов развития лексики, имеющий выход в терминологию как составную часть системы языка.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — М., 1972. — С. 18.
2. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. — М., 1961. — 159 с.
3. Татаринов, В. А. Теория терминоведения. В 3 т. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние / В. А. Татаринов. — М., 1996. — 311 с.
4. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М., 1993. — 309 с.
5. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. — М., 2003. — 536 с.
6. Кондратюкова, Л. К. Особенности образования немецкой военно-морской терминологии / Л. К. Кондратюкова // Материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. — Омск, 2010. — С. 281—283.
7. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева ; отв. ред. Т. Л. Канделаки. — М., 2004. — 248 с.
8. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М., 2006. — 256 с.
9. Куликова, И. С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. — СПб., 2002. —352 с.
10. Толикина, Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина / Е. Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.,1970. — С. 53—67.
11. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие для филолог. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М., 1987. — 104 с.
12. Соловей, С. С. Учебник английского языка для профессионалов правоприменительной деятельности / С. С. Соловей. — М., 2004. — 616 с.
13. Боярская, Е. Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности / Е. Л. Боярская // Вестник Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. — 2010. — № 10. —С. 19—27.
14. Лещёва, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещёва. — М., 2014. — 256 с.
15. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск, 1987. — 200 с.

ГАЛКИНА Вероника Викторовна, аспирантка кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета; преподаватель кафедры иностранных языков Омской академии МВД России.
Адрес для переписки: veronika.klimenko2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.06.2015 г.
© В. В. Галкина

Книжная полка

ББК 81/Я41

Язык науки и техники в современном мире : материалы IV Междунар. студ. науч.-практ. конф., 16 апреля 2015 г. / ОмГТУ ; редкол. : Л. К. Кондратюкова [и др.]. – Омск : ОмГТУ, 2015. – 321 с.

Сборник содержит результаты научных исследований студентов, магистрантов, аспирантов по актуальным проблемам лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве. Представлены статьи, в которых анализируются особенности функционирования и развития специальной лексики и терминологий научно-технических дисциплин, а также сложности ее перевода; теоретические и практические аспекты когнитивных и концептуальных исследований; методика преподавания иностранного языка и методология обучения. Адресован преподавателям, аспирантам, студентам и магистрантам.

ББК 81.432.1/К92

Куприна, О. Г. English for managers. Курс английского языка для магистрантов : учеб. пособие для студентов-магистрантов по направлению подготовки «Менеджмент» / О. Г. Куприна. – М. : Горячая линия-Телеком, 2015. – 138 с.

Содержит профессионально ориентированные тексты на английском языке с системой различных заданий и упражнений, направленных на развитие навыков чтения и понимания оригинальной литературы по специальности, а также устного и письменного общения профессиональной направленности у магистрантов. Для студентов-магистрантов, обучающихся по направлению «Менеджмент».

УДК 811.111:351.74

В. В. ГАЛКИНА

Омский государственный технический университет

СИНОНИМИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объектом исследования данной статьи является английская терминология правоохранительной деятельности. Цель статьи — исследовать понятие синонимии в английском языке. В статье дается характеристика данного явления в английской терминологии, описываются различные подходы ученых-лингвистов к проблеме терминологической синонимии, а также выявляются основные типы терминов-синонимов, характеризующих терминологию правоохранительной деятельности. В статье проводится краткий обзор толкований и определений понятия синонимии, предложенных авторитетными терминологами.

Ключевые слова: синоним, синонимия, термин, лексическая единица, классификация, правоохранительная деятельность.

Проблема использования терминологических единиц для передачи одного понятия была предметом обсуждения с начала развития терминоведения. Многие отечественные и зарубежные учёные-лингвисты: Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, С. В. Гринёв, В. М. Лейчик, Л. К. Кондратюкова, Л. Б. Ткачёва, Д. С. Лотте и др. занимались исследованием этой проблемы. Несмотря на многочисленные исследования, многое в причинах проявления, функционирования и тенденциях развития этого явления остается неясным [1, с. 106]. Что же такое синоним? В литературе по лингвистике нет общепринятого определения. Слово «синоним» греческого происхождения («sinonimos») означает соименование, одноименность. Так, под синонимами принято понимать слова, имеющие одно и то же значение. В Толковом переводческом словаре Л. Л. Нелюбина можно найти следующие определения синонимов: 1) слова, близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся или оттенками, или стилистической окраской, или тем и другим, как правило, принадлежат к одной и той же части речи и выступают как взаимозаменяемые элементы высказывания; 2) слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие лексические значения; 3) слова настолько близкие по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств [2, с. 162].

Интересными, на наш взгляд, являются точки зрения некоторых учёных в определении понятия «синоним». А. В. Суперанская относит к синонимам «знаки, максимально приближенные друг к другу вследствие сходства с ними понятий и общности именуемых вещей» [3, с. 49]. По мнению Б. Н. Головина синонимия — это совпадение слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц по их основному значению. Слова-синонимы выражают одно понятие и различаются оттенками значения или стилистической окраской и способны к взаимозаменяемости в контексте [4]. Л. К. Кондратюкова обращает внимание на то, что синонимия — нехарактерное явление для отдельных технических терминосистем [5, с. 280]. По мнению Л. Б. Ткачевой, синонимы-термины характеризуются как «абсолютно тождественные в значении и взаимозаменяемые в любом контексте» [6]. Д. С. Лотте категорично утверждает, что к синонимам можно отнести практически все явления номинативной вариантности, и синонимия как явление приводит к неправильному пониманию и толкованию понятий, затрудняет научную и профессиональную коммуникацию, вносит определенные трудности в процесс перевода и поэтому должна быть устранена.

Говоря о классификации синонимов, необходимо отметить классификацию, предложенную С. В. Гриневым, которая, на наш взгляд, является наиболее комплексной и охватывает все возможные типы терминов-синонимов. Разрабатывая свою классификацию, Гринев впервые в терминологии ввел понятие «равнозначность» для выражения отношений абсолютной и условной синонимии терминов и эквивалентности разноязычных терминов. По его мнению, «равнозначность» служит для обозначения терминов общелитературного и научного языка, с учетом различного характера синонимии в специальной лексике. Равнозначные термины имеют одинаковое или подобное значение и используются для наименования одного и того же понятия и подразделяются на термины-синонимы, являющиеся равнозначными терминами одного языка, и эквиваленты, представляющие собой разноязычные термины.

Синонимию можно найти как в специальной, так и в общеупотребительной лексике. В общеупотребительной лексике слова-синонимы являются средством выразительности стилистической стороны текста для придания красочности и эмоциональности речи.

В специальной лексике используются в основном специальные слова-термины, отличающиеся

стилистической нейтральностью, поскольку их основная функция это передача информации.

Термины-синонимы можно разделить на *абсолютные синонимы* (синонимы с тождественным значением) и *условные синонимы* (синонимы с подобным значением). Абсолютные синонимы подразделяются на *варианты* (синонимы, получаемые вариацией формы термина) и *дублеты* (синонимы, имеющие различную форму). В зависимости от признака языкового уровня варианты могут быть нескольких видов: *графические, фонетические, фонетико-графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, морфолого-синтаксические.* Дублеты делятся на *разновременные* (имеющие хронологический статус), *ареальные* (имеющие ареал распространения), *разноязычные* (исконные и заимствованные или заимствованные из разных языков) [1, с. 109].

Изучение и исследование выборки английских терминов, используемых в правоохранительной деятельности, показал, что такое явление как синонимия имеет широкое распространение в данной терминологии. Из общего количества терминов в 3500 единиц 753 находятся в синонимических связях, что составляет 21,5 % от общего объема выборки. Нами было выявлено большое количество синонимических рядов. Так, например, для номинации понятия «преступник» в английской терминологии правоохранительной деятельности можно выделить 14 одновременно функционирующих терминов: *criminal = offender = felon = malefactor = penal = perpetrator = wrongdoer = lawbreaker = culprit = law offender = law violator = evildoer = malfeasant = delinquent.* Однако следует заметить, что большое количество активных терминов-синонимов приходится на синонимические ряды, состоящие из 2-х или 3-х терминов, например: *crime = offence-преступление; policeman = police officer = constable — сотрудник полиции; investigate = detect — расследовать.* Анализ, терминов позволяет с уверенностью говорить, что в синонимических отношениях находятся различные виды терминов: производные, сложные, простые, терминологические сочетания и аббревиатуры: *1) простой термин и простой термин: power = force — сила; 2) производный термин и производный термин:criminal = culpable — преступный, interrogation = questioning — допрос; 3) сложный термин и сложный термин: policeman = patrolman — полицейский; 4) простой термин и производный термин: arrest = apprehension — задержание; 5) терминологическое сочетание и аббревиатура: detective division = CID — отдел уголовного розыска; 6) терминологическое сочетание и однословный термин: make the record = protocolize — составить протокол; 7) терминологическое сочетание и терминологическое сочетание: police inspector = divisional inspector — инспектор полиции.*

Принимая во внимание классификацию синонимов С. В. Гринева, где принцип равнозначности является основным, синонимы из анализируемой выборки, образованные вариацией формы термина можно поделить на следующие типы: ***словообразовательные варианты*** (варианты, различающиеся только словообразовательными аффиксами): *investigating case = investigative case — расследуемое дело;* **морфолого-синтаксические варианты** (варианты, один из которых является терминологическим сочетанием, другой — его кратким вариантом, полученный путем синтаксических и морфологических преобразований. В качестве примера можно привести некоторые разновидности морфолого-синтаксических вариантов: 1) *аббревиатурные* (варианты, образованные сложением начальных букв терминологического сочетания): *CID = Criminal Investigation Department — отдел уголовного розыска; ICPO = International Criminal Police Organization — Международная организация уголовной полиции (Интерпол);* 2) *эллиптические* (варианты, образованные пропуском одного из компонентов): *investigational police techniques = investigational techniques — следственные методы;* 3) *гибридные* (варианты, созданные при сложении сокращенного и полного компонентов терминологического сочетания): *Criminal Investigation Department officer = CID officer — сотрудник отдела уголовного розыска.*

При изучении и исследовании синонимии терминов необходимо учитывать вопрос семантики терминов, а также их структурную тождественность/ нетождественность. В плане компонентов значения в английской терминологии правоохранительной деятельности можно выделить следующие группы терминов-синонимов: 1) **абсолютные, или полные синонимы** (синонимы, совпадающие по всем семантическим признакам и не имеющие эмоционально-экспрессивных и оценочных отношений и это составляет 35 % от общего количества синонимов), например: *individual-person — личность; to prohibit – to forbid — запрещать*; 2) **относительные синонимы** (термины, в значениях которых имеются тождество отдельных лексико-семантических значений). Например, в английском языке термин «lawyer» имеет несколько относительных синонимов 1) *barrister* — высшее звание адвоката в Англии, который имеет высшее юридическое образование; 2) *solicitor* — адвокат, специализирующийся на самостоятельном ведении дел в магистратских судах и готовящий материалы дела для барристера; 3) *attorney* — поверенный или представитель другого лица, выступающий от его имени при совершении сделки или иного акта вне суда. К относительным синонимам относятся юридические термины подъязыка «правоохранительная деятельность», имеющие одно и то же ядро значения, но разные периферийные компоненты, они достаточно часто используются и их процентная доля составляет 65 %.

Изучение и анализ фактического материала показали, что синонимия в области терминологии правоохранительной деятельности формируется и основывается на тех же принципах, что и общеупотребительная лексика, однако при образовании цепи синонимов не все слова являются нормативно употребительными, т.е. литературными. В качестве синонимических единиц можно выделить жаргонизмы, заимствования и профессионализмы, например: полицейский — *constable, cop — профессионализмы, finger, trap, bull — жаргонизмы.* Тесная связь терминологии правоохранительной деятельности с социальной средой, которую она обслуживает, повлекла за собой появление эвфемизмов и сленга, при этом некоторые термины, обозначающие тяжкие преступления, заменялись.

Так, термин *death penalty* — смертная казнь — заменен на более нейтральный синоним. Свободное функционирование синонимов из сленга объясняется особенностями английской прецедентной правовой системы. Задача сторон в судебном разбирательстве — убедить присяжных в своей правоте, а прецедент позволяет использовать язык более образный и доступный.

Таким образом, исследование семантически эквивалентных единиц английской терминологии правоохранительной деятельности позволяет нам сделать вывод о том, что в языковом поле существует и успешно функционирует большое количество разнообразных типов синонимов, характерных для данного вида терминологии. Синонимия — весьма сложный и распространенный процесс, отражающий развитие языка и требующий упорядочения, систематизации и дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. — М., 1993. — 309 с.
2. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь : учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. — Изд. 2-е перераб. и доп. — М., 2001. — 282 с.
3. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М., 2003. — 49 с.
4. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М., 1987. — 53 с.
5. Кондратюкова, Л. К. Особенности образования немецкой военно-морской терминологии / Л. К. Кондратюкова // Материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. — Омск, 2010. — С. 280—283.
6. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск, 1987. — 200 с.
7. Соловей, С. С. Учебник английского языка для профессионалов правоприменительной деятельности / С. С. Соловей. — М., 2004. — 616 с.

ГАЛКИНА Вероника Викторовна, аспирантка кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета; преподаватель кафедры иностранных языков Омской академии МВД России.
Адрес для переписки: veronika.klimenko2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.06.2015 г.

© В. В. Галкина

УДК 811.133.1

Е. Н. БЕЛАЯ

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

ОТРАЖЕНИЕ КОДОВ КУЛЬТУРЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ СМЕРТИ

Статья посвящена отражению кодов культуры во внутренней форме французских фразеологических единиц с семантикой смерти. Коды культуры проливают свет на этническую логику, которая определяет специфику французской языковой картины мира.

Ключевые слова: система кодов, коды культуры, соматический код, предметный код, биоморфный код, стереотип.

Язык является не только средством коммуникации, но и культурной памятью его носителей. Фразеология в этом плане занимает особое положение. Совокупность фразеологических единиц любого национального языка аккумулирует опыт, знания, нормы и ценности народа и способствует их трансляции другим поколениям. Будучи неотъемлемым элементом культуры этноса, фразеология отображает национальную картину мира, образуя значимый фрагмент языковой картины мира в целом.

Постановка проблемы системного описания французских фразеологизмов с общей семантикой смерти важна как в теоретическом, так и в практическом плане.

В настоящей статье мы исследуем значительный фонд фразеологических единиц с точки зрения специфики отражения в их внутренней форме кодов культуры.

Восприятие образа фразеологических единиц соотносится с кодами культуры, теми источниками (человек, его тело, вещи, природа), которые явились предметами переосмысления в культуре и образовали систему кодов.

В энциклопедических словарях ***код*** определяется как совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания). Правила, регулирующие код, устанавливаются по соглашению между носителями одной и той же культуры [1].

Существуют различные виды кодов, в том числе интересующие нас ***коды культуры.*** По мнению В. В. Красных, код культуры есть сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [2, с. 297].

Согласно В. Н. Телия, *код культуры* — это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат

представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума — о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений [3].

Представляется, что рассматриваемые нами определения кода культуры дополняют друг друга, и такой подход к анализу национально-культурной специфики фразеологических единиц с семантикой смерти вполне мотивирован.

Следует отметить, что само существование кодов культуры как феномена является универсальным по своей природе. Однако удельный вес каждого кода в определенной культуре всегда национально детерминирован и обусловливается конкретной культурой.

Особенно много во французском языке фразеологических единиц с семантикой смерти, внутренняя форма которых содержит ***соматический код.*** Носителем данного кода выступает тело человека в целом.

Проанализируем сначала фразеологические единицы с семантикой процесса умирания субъекта. Во внутренней форме фразеологических единиц с этим значением содержатся такие соматизмы, как, например, зубы, губы, нога, грудь или утроба: *avoir (tenir) la mort entre (или sur) les dents, avoir la mort sur les lèvres* (быть при последнем издыхании, дышать на ладан, постепенно умирать), *porter la mort dans son sein* (поэт. быть смертельно больным), *avoir un pied dans la tombe* (стоять одной ногой в могиле), *avoir un pied dans la fosse* (стоять одной ногой в могиле), *lever le pied* (прост. откинуть копыта, протянуть ноги, умереть).

Son ami Charles Nodier se mourait: "Il m'a dit: — Eh! Mon ami, vous me demandez ma voix et je vous donne ma place. J'ai la mort sur les dents" (A. Maurois, "Prométhée ou la vie de Balzac").

Внутренняя форма фразеологических единиц с семантикой смерти как результата включает соматизмы «глаза», «кишки», «зубы», «печень», например, *fermer l'oeil, fermer les yeux (à la lumière), fermer les yeux de (à) qn, tortiller (tourner) de l'oeil, perdre ses boyaux, être guéri du mal de dents, n'avoir plus mal aux dents, cracher son foie.*

Comme de coutume, les froidures emportèrent de vieilles gens dont Simon coucha les noms et les prénoms démodés sur le registre des décès après ceux de son père. Au plein de l'hiver, le vieux Béziers ferma les yeux (P. Gamarra, "Le Maître d'école).

Фразеологическая единица *perdre ses boyaux* (дословно: потерять кишки) означает «протянуть ноги, загнуться»). Кишки — символ лабиринта и орган тела, который считали источником эмоций, чувств, духа.

Во внутренней форме фразеологических единиц с семантикой процесса умирания содержится ***предметный код,*** который связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру.

Предметный код обслуживает метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира. Ряд фразеологизмов с семантикой смерти содержат данный код, например: *graisser ses (les) bottes* (разг. дышать на ладан), *au lit de la mort* (на смертном одре, при смерти).

Au lit de mort paternel, monsieur Eugène décida sa mère à lui laisser les mains libres dans l'affaire (L. Aragon, "Les Beaux quartiers").

Выражения с семантикой смерти как результата *plier (trousser) bagage, boucler (faire) sa malle (ses malles), être troussé en malle, casser sa pipe* включают слова *bagage* (багаж) и *malle* (дорожный сундук, чемодан), *pipe* (трубка).

Фразеологизм *casser sa pipe* обозначает «сыграть в ящик, дать дуба» и относится к разговорной речи. Существует много толкований данного выражения. Одна из них гласит, что эта единица связана с обычаем, некогда соблюдавшимся при похоронах епископов. Согласно этому обычаю, в похоронной процессии, наряду с другими реликвиями покойного епископа, несли также его сломанный скипетр, что символизировало оборванную жизнь [4].

Papa avait beaucoup de blessures et, un jour, il cassa sa pipe … (Méry, cite par M. Rat).

— A propos, vous savez que Monsieur Mulot est mort?

— Oui, il a cassé sa pipe, le pauvre homme (Fabre, "Rabevel").

Фразеологическая единица *passer l'arme à gauche* (дословно: перевести ружье на левое плечо) относится к просторечному стилю и обозначает «протянуть ноги». По мнению некоторых исследователей, выражение связано с тем, что во время военных похорон солдаты несут винтовки на левом плече вместо правого, как обычно.

Но есть и другие мнения, так, например, П. Гиро объясняет это выражение игрой слов, построенной на двояком значении глагола *passer* — «перевести, переложить» и «умереть». По его мнению, выражение построено на следующем метафорическом образе: переведя ружье на левое плечо, солдат становится в положение «вольно», т.е. в положение покоя, что ассоциируется с человеком, уходящим на «вечный покой» [5].

…bien sûr, elle sauverait son homme, tandis qu'à l'hôpital les médecins faisaient passer l'arme à gauche aux malades trop détériorés, histoire de [=pour] ne pas se donner l'embêtement de les guérir (Zola, "L'Assommoir").

— Monsieur le curé, au fond, j'ai de la religion et, le jour où … je sentirai que je vais passer l'arme à gauche, je vous enverrai chercher … (Coppée, "Le bon crime").

Анализируя такие фразеологические единицы, как *casser sa pipe, passer l'arme à gauche,* следует отметить, что их общей чертой является непрямой способ наименования, что они выражают ироническое, насмешливое отношение к смерти. В своем восприятии смерти французы проявляют мужество и спокойствие.

Кроме предметного кода во внутренней форме единиц содержится ***временной код,*** который фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется в отношении человека ко времени [2, с. 303].: *être à sa dernière heure* (быть при смерти).

Un philosophe vous dira en vain que vous devez être rassasiés d'années et de jours … la dernière heure n'en sera pas moins insupportable … (Bossuet, "Le Tellier").

Особый интерес представляют фразеологические единицы, содержащие слово «вечность», «вечный», например, *le séjour éternel, éternité de délices, sommeil éternel, la nuit éternelle.*

Согласно В. В. Красных, вечность относится к окультуренной человеком метрически-эталонной сфере, являясь выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени [2, с. 243].

Вечность ассоциируется с тем, что есть после жизни, и связана с душой, духом, с памятью и забвением, с противопоставлением бытия,

жизни и смерти, бессмертия. Вечность аксиологична: она часто ассоциируется с бесконечностью, неизмеримостью, космосом, вселенной, Богом и может восприниматься возвышенно-позитивно, но может быть пугающей и ассоциироваться с мраком, ночью, пустотой.

Внутренняя форма фразеологических единиц с семантикой смерти как результата содержит ***гастрономический код.*** Данный код соотносится с продуктами питания, которые несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы. Выражения *être chocolat (разг.), boîte chocolat (прост.), manger les choux par les trognons* содержат слова «шоколад», «капуста».

Во внутренней форме многих фразеологических единиц есть ***религиозно-духовный код*** культуры, который связан с совокупностью религиозно-нравственных установок и представлений о смерти.

Выражения *aller (passer) dans l'autre monde, aller dans un monde meilleure* относятся к высокому стилю речи и обозначают «уйти или перейти в мир иной, на тот свет». Согласно христианской традиции, человек обладает двумя судьбами — в этом и в ином мире; переход из одного мира в другой происходит в момент смерти, при этом посмертная участь (ад или рай) во многом определяется праведностью земной жизни. «*Тот свет*» подобен земному миру. Люди там сохраняют родственные отношения, ощущают физическую боль, едят и т.д.

Образ фразеологических единиц соотносится с религиозно-духовным кодом культуры, т.е. с совокупностью религиозно-нравственных установок и представлений. В данном случае «тот свет» представляется как продолжение жизни после смерти, место пребывания душ умерших людей. Выражение «тот свет» выступает в роли символа сферы посмертного бытия. Большая часть фразеологизмов содержит смысл христианского исхода жизни и относится к высокому стилю речи: *bien mourir, mourir décemment, mourir dans l'Eglise, faire une belle fin, mourir en odeur de sainteté, render l'âme (son âme à Dieu), passer en douceur.*

Внутренняя форма рассматриваемых нами выражений включает слова «церковь», «благопристойно, как положено», «хорошо», «благоухание святости», «Бог». Как отмечает Э. В. Грабарова, выше перечисленные фразеологические единицы употребляются в отношении добропорядочных, верующих людей, а также при характеристике именно христианской, праведной смерти, с покаянием, отпущением грехов [6]. Полной противоположностью выше указанных фразеологических единиц являются выражения с семантикой «умереть без покаяния»: *mourir déconfès* (умереть без покаяния), *finir sur le fumier* (умереть на соломе или в дерьме).

Внутренняя форма фразеологической единицы *mourir sur la paille*, обозначающей «умереть на соломе», содержит слово «солома», которая символизирует нищету.

Comme on riait, elle eut des mots profonds, des hochements de bourgeoise convaincue, disant que l'ordre seul menait à la fortune, et qu'elle ne voulait pas mourir sur la paille (E. Zola, "Nana").

Во французском языке фразеологические единицы *cesser de souffrir, avoir cessé de souffrir* (дословно: прекратить страдать) обозначают «умереть», «отмучиться». Жизнь может восприниматься носителями французской лингвокультуры как страдание, и смерть в этом случае является избавлением от тягот жизни.

Большой интерес представляют фразеологические единицы, которые отражают ***мифологический код культуры.*** Выражение *boire le Styx* означает «уйти из жизни, умереть». Стикс — одна из рек мира мертвых. Из ее вод, из вод хаоса и первобытного мрака зародилась жизнь, туда же уходят души тех, кто умер. Самые страшные клятвы закреплялись именем Стикса, и нарушить их было нельзя ни при каких условиях.

Внутренняя форма французских фразеологических единиц содержит ***биоморфный код культуры.*** Данный код культуры отражает представления человека о мире животных и растений. Биоморфный код связан в первую очередь с бытующими стереотипами восприятия и оценки животных и растений.

По мнению В. В. Красных, ***стереотип*** есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его (образа-представления) национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) [2, с. 232].

Так, например, выражение *mourir comme un chien* обозначает «умереть как собака» или «умереть без покаяния». Внутренняя форма фразеологической единицы содержит зооморфизм «собака», который имеет пейоративную оценку. Собака символизирует преданность и верность, но в то же время является символом ритуальной нечистоты и разврата. В европейских баснях собаки символизируют слуг, к которым относятся без уважения, которых кормят впроголодь и часто бьют. Отсюда, видимо, и сравнение человека с собакой, который жил неправедной жизнью, умер без покаяния и похоронен без церковного обряда.

Итак, рассмотренные нами коды культуры, содержащиеся во внутренней форме французских фразеологических единиц, проливают свет на этническую логику, которая определяет специфику французской языковой картины мира. Эти коды культуры соотносятся с архетипическими представлениями, так как именно в них зафиксированы «наивные» представления о мироздании. В глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о мире конкретной страны: о ее истории, о душевном складе народа, об образе жизни в разные времена и др.

Библиографический список

1. Культура и культурология. Словарь. — М. : АРТ, 2003. — 423 с.

2. Красных, В. В. «Свой среди чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.

3. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры : сб. ст. ; под ред. В. Н. Телия. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24.

4. Назарян, А. Г. Идиоматические выражения французского языка / А. Г. Назарян. — М. : Просвещение, 1978. — 159 с.

5. Назарян, А. Г. Почему так говорят по-французски / А. Г. Назарян. — М. : Наука, 1968. — 349 с.

6. Грабарова, Э. В. Концепт «savoir-vivre» — «умение жить» / Э. В. Грабарова // Иная ментальность : коллектив. моногр. — М. : Гнозис, 2005. — С. 257—333.

БЕЛАЯ Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры французского языка.

Адрес для переписки: elena555-90@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.09.2015 г.
© Е. Н. Белая

УДК 811.111:656.2

Е. В. ДЕМИШКЕВИЧ

Омский государственный университет путей сообщения

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Данная статья посвящена описанию лингвистических особенностей английской терминологии железнодорожного транспорта. Рассматривается выборка терминов с точки зрения характерных для нее семантических особенностей. Анализ исследуемого материала позволил выделить четыре группы ядерных терминов и описать способ образования английских терминов железнодорожного транспорта с помощью метафоры.

Ключевые слова: терминологические гнезда, ядерный термин, терминологические сочетания, семантическая насыщенность, метафоризация.

Важной особенностью терминосистемы является наличие терминологических гнёзд, которые включают в себя ядерные термины, несущие в себе основную информационную нагрузку, и образованные от них терминологические сочетания [1, с. 39]. Исследование семантических особенностей английской железнодорожной терминологии позволяет определить различную степень активности терминоединиц в составе терминологических гнёзд и выявлять ядерные термины, на основе которых образовано наибольшее количество терминосочетаний. В железнодорожной терминологии из выборки общим объёмом 3600 терминоединиц был выявлен 21 ядерный термин и 855 терминологических сочетаний, образованных этими ядерными терминами, что составляет 26,2 % от общего числа выборки. К наиболее продуктивным относятся те термины, с помощью которых образовано не менее 10 терминологических сочетаний. Так, терминологические сочетания с компонентом *car* насчитывают 100 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *track* насчитывают 85 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *train* насчитывают 60 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *rail* насчитывают 60 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *locomotive* насчитывают 45 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *signal* насчитывают 38 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *railway* насчитывают 36 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *system* насчитывают 31 терминоединицу; терминологические сочетания с компонентом *traffic* насчитывают 26 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *control* насчитывают 24 терминоединицы; терминологические сочетания с компонентом *switch* насчитывают 17 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *bridge* насчитывают 16 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *passenger* насчитывают 15 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *freight* насчитывают 15 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *ballast* насчитывают 12 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *carriage* насчитывают 12 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *rout* насчитывают 11 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *tunnel* насчитывают 11 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *depot* насчитывают 11 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *wagon* насчитывают 11 терминоединиц; терминологические сочетания с компонентом *capacity* насчитывают 10 терминоединиц.

Так, число терминов, образующих гнезда, неодинаково, оно колеблется от 10 до 100, в зависимости от значимости ядерного термина для научно-профессиональной сферы железнодорожного дела.

Также можно сказать, что проанализированные английские железнодорожные термины неоднородны и по своей семантической насыщенности в пределах исследуемой железнодорожной терминологии. Эти ядерные термины можно представить четырьмя группами:

1) базовые термины — это термины, которые являются фундаментом, которые передают основные понятия, характерные только для научной области железнодорожного дела: *train; rail; ballast; car; locomotive; railway; carriage; wagon; depot;*

2) привлечённые термины — это термины, которые заимствуются из смежных областей знания, но составляют неотъемлемую часть анализируемой

железнодорожной терминологии: *traffic; rout* — эти термины заимствованы из области автомобильного дела; *freight* — это торговый термин;

3) термины широкой семантики — это термины, меняющие свое значение, входя в железнодорожную терминологию, сохраняя только общие признаки, нетерминологическое значение: *capacity; passenger; switch; track;*

4) общенаучные и общетехнические термины — это термины, которые имеют одинаковую семантику во всех областях знаний, но которые, входя в состав железнодорожной терминологии, конкретизируют эту семантику: *signal; system; control; bridge; tunnel.*

Ядерные термины при образовании многокомпонентных терминологических сочетаний могут занимать как постпозицию, так и препозицию. Для исследуемой англоязычной железнодорожной терминологии характерно постпозиционное положение ядерного термина в большей степени. Указанный выше 21 ядерный термин образовал 261 терминологическое сочетание, находясь в начальном положении и 523 терминологических сочетания, занимая конечное положение, например: *automatic block* ***system*** — автоблокировка; ***track*** *local set* — местный парк путей; ***railway*** *training ground* — полигон железнодорожный; *safety stop* ***signal*** — заградительный светофор; *ice cooled refrigerator* ***car*** — изотермический вагон; ***car*** *pumping* — колебания вагона; *line carrying* ***capacity*** — провозная способность линии; ***freight*** *operation* — грузовая операция. Есть несколько терминологических сочетаний, когда ядерный термин занимает инпозицию, то есть находится в середине терминологического сочетания, например: *automatic* ***train*** *operation* — автоведение; *automobile* ***railway*** *car* — автомотриса; *freight* ***traffic*** *density* — грузонапряженность; *local* ***passenger*** *service* — местное пассажирское сообщение; *circuit* ***locomotive*** *district* — участок обращения локомотивов. Таких терминологических сочетаний в исследуемой выборке 71, что составляет 3 % от общего количества связных и свободных терминологических сочетаний.

Специфической чертой, присущей английской железнодорожной терминологии, является незначительное количество терминов, образованных переосмыслением общеупотребительных слов. Мы полностью разделяем точку зрения Т. И. Арбековой, которая считает, что изменение сферы употребления слова ведет, как правило, к изменению его значения. Причины изменения могут быть связаны с изменением объективной действительности и с внутрисистемными языковыми изменениями. Значения слов меняются при появлении новых предметов, в результате более глубокого познания сущности уже известных, при изменении общественно осознанного отношения к ним [2, с. 18]. Для английских терминов железнодорожного транспорта характерен перенос наименования, разновидностями которого являются метафора и метонимия. Метафора — это перенос наименования на предметы другого рода или вида по сходству второстепенных признаков (цвет, форма, размер, внутренние качества и т. д.) [3, с. 76]. В исследуемой выборке английских железнодорожных терминов нами было отнесено 78 терминоединиц, что составляет 2,4 % от общей выборки терминов, к терминам, образованным с помощью метафоры.

Среди них были выделены следующие группы метафорически переосмысленных терминов:

1. Термины, образованные от названия частей тела человека или живых существ, например: *arm* — кронштейн; *tongue* — остряк; *frog* — крестовина; *body* — кузов вагона; *foot* — кабина.

При этом метафорическое переосмысление происходит на основе внешнего сходства. Например, термин *tongue* — остряк — произошел от общелитературного слова — язык, мышечный орган полости рта, *arm* — кронштейн — произошёл от общелитературного слова рука (от плеча до кисти), *frog* — крестовина — произошёл от общелитературного слова лягушка — бесхвостое земноводное с длинными задними ногами, приспособленными для прыгания, *shoulder* — обочина — произошёл от общелитературного слова плечо, *nose* — корпус тягового двигателя — произошёл от общелитературного нос, *neck* — коллекторный петушок — от общелитературного шея и т.д.

2. Термины, для номинации которых используется название одежды или ее частей, например: *pocket* — балластное корыто; *arm* — пролёт; *shoe* — башмак.

Переосмысление этих терминов происходит на основе сходства формы. Так, термин *pocket* используется для номинации понятия балластное корыто, на основе сходства функции — пространство, заполненное щебёночным или асбестовым балластом, общелитературное значение слова *pocket* — карман; *arm* — общелитературное значение — рукав, используется для номинации термина пролёт; *shoe* используется для номинации термина башмак (тормозной) — устройство, которое используется в качестве тормозного средства, тогда как его литературное значение — вид татарской обуви, *toggle* — коленчатый рычаг — общелитературное значение «деревянная пуговица».

3. Основой для метафорического переосмысления английских железнодорожных терминов могут служить предметы, используемые человеком в быту, например: *bed* — полотно, от *bed* — кровать; *pan* — башмак (опрокидывающий), от *pan* — кастрюля; *refrigerator* — изотермический вагон, от *refrigerator* — холодильник; *umbrella* — водозащитный зонт, от *umbrella* — зонт, *cheese* — круглая заготовка для бандажей.

Метафорическое переосмысление в этом случае происходит на основе сходства функции. Например, за основу переосмысления слова *umbrella* — *зонт* в термин *umbrella* — *водозащитный зонт* (в тоннеле — устройство в виде оболочки, устанавливаемой внутри подземного сооружения) принята аналогия по функции; или *bed* — *кровать* в термин *dirt-bed* — *земляное полотно* (комплекс инженерных грунтовых сооружений (в виде насыпей, выемок, полувыемок и т.п.), служащих основанием для верхнего строения пути железных дорог).

4. Для образования некоторых английских железнодорожных терминов используется аналогия на основе глагольного действия. Например, термин *bleed* — *делитель напряжения* образован от глагола *to bleed* — *кровоточить, проливать кровь, пускать кровь.* Действие, выраженное глаголом, обозначает потерю крови. По аналогии в значении термина *bleed* наблюдается стремление разделить напряжение контактной сети.

Кроме того, метафорически переосмысленные термины используются в качестве определяющего компонента в составе многокомпонентных терминосочетаний, например: *dog-spike* — *костыль* от *dog* — *собака; health bill* — *карантинное разре-*

шение, от *health — здоровье; merry-go-round — кольцевой маршрут*, от *merry-go-round — карусель*; *hot-box detector — сигнализация контроля нагрева букс*, от *hot-box — горячий ящик* и т. д.

Однако такие терминологические сочетания представлены незначительным количеством — 26 терминоединиц, то есть 0,8 % от общей выборки терминов.

Анализ английских железнодорожных терминов показал преобладание метафоризации антропонимических единиц, которые используются для номинации специальных объектов и явлений. Можно предположить, что данный процесс обусловлен тем фактом, что человек, познавая мир и номинируя новые предметы и явления, ищет аналогии, сравнивая себя и ближайшие к нему предметы и явления с новыми предметами и явлениями.

Итак, исследование семантических особенностей английской железнодорожной терминологии позволило определить типичные способы образования терминологических сочетаний. Можно отметить, что в английской железнодорожной терминологии функционирует определённое количество терминов, образованных переосмыслением общеупотребительных слов и метафорически переосмысленных терминов. В данной терминологии отражены все семантические процессы, свойственные лексике в целом. Это свидетельствует о том, что английская терминология железнодорожного транспорта является системой, обладающей всеми необходимыми словообразовательными, морфолого-синтаксическими и семантическими средствами для своего развития и пополнения.

Библиографический список

1. Алексеева, Л. М. Лингвистика термина [Текст] / Л. Е. Алексеева // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр. — М. : Рязань, 2003. — С. 37—42.

2. Гак, В. Г. Метафора : универсальное и специфическое [Текст] / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. — М., 1988. — С. 11—26.

3. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка (практический курс) [Текст] : уч. пособие для II—III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. / Т. И. Арбекова. — М. : Высшая школа, 1977. — 239 с.

ДЕМИШКЕВИЧ Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков.
Адрес для переписки: demishkevich_ev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.09.2015 г.
© Е. В. Демишкевич

УДК 130.2

Л. К. НЕФЁДОВА

Омский государственный педагогический университет

КОНФЛИКТНОСТЬ КУЛЬТУРЫ: ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КОНФЛИКТНЫХ ФИГУРАЦИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМЕ XIX ВЕКА

В статье представлено философское осмысление конфликтности культуры через интерпретацию ряда конфликтных фигураций: хронологических отрезков, эстетических направлений, мировоззренческих парадигм, сакрального и профанного. Материалом исследования конфликтных фигураций как целостности культуры является европейская драма XIX века.

Ключевые слова: целостность, культура, конфликт, драма, сакральное, профанное, репрезентация.

В современном мире проблема конфликтных процессов в культуре становится как никогда актуальной. Военные конфликты, несущие разрушение мирного порядка, уносящие человеческие жизни, сопровождаются шквалами информационных столкновений, последствия которых эмпирически очевидны, но ещё не стали предметом философской рефлексии. В аргументации субъектов информационных конфликтов широко используются интерпретации историографического и культурологического дискурсов: актуализируются одни данные исторической практики в отношениях конфликтующих сторон, игнорируются, а то и вовсе искажаются другие. Современная культурная ситуация вновь вызвала к жизни оппозицию России и Запада. Всколыхнулись исторические пласты многовековой давности, активизировалась генетическая память разных этносов, заново трактуются внутренние распри и внешние соглашения, интенции России на Восток и Запад, значимые не только для России, но и для Запада. Во всём мире по-новому проживается национальная идентичность, в широком смысловом диапазоне артикулируется идея национально-этнического единства, обретая разнообразные варианты, от декларации стремления к геополитической суверенности в форме референдумов о независимости, до откровенной государственной национал-шовинистической политики и люстраций. Идентичность человека, этноса, сообщества, культуры определяется через самоидентификацию, которая

предполагает необходимость увидеть себя через тождество и различие с другими. Конфликтные процессы между Россией и Западом, актуализировали их тождество и различие, обострив при этом и внутренние конфликты жизни России и Запада, что при их разрастании чревато антропной катастрофой, тем более грозной, что XXI век — это второй век Новейшего времени, век глобального человеческого общежития. В условиях столь глобальных противостояний явно недостаточно диагностики ситуации и определения аттрактора в развитии конфликтных ситуаций, необходима и глобальная медиация, основанная не на том, что разъединяет противостоящие стороны, а на значимых ценностных смыслах, выработанных в совместной практике. Иными словами, необходимо обращение не только к истории войн, трагических бедствий, этапов доминирования или периода уступок сторон на политической международной арене, не только память о тяготах и трагедиях, обидах, пережитых народами, но обращение к культуре в целом, как результату всеобщего человеческого созидания. Общеизвестно, что понятие культуры имеет две ипостаси: является родовым и видовым. С одной стороны, существует множество видов и типов культур: национальные, региональные, возрастные, профессиональные, этнические и т.д. С другой стороны, культура есть всеобщая человеческая практика, вырабатывающая ценностно-значимые смыслы для всего человечества. Виды и типы культур пребывают в состоянии взаимодействия и противоречий, но в этих процессах всегда есть интенция сохранения и наследования, без которой любые типы культуры не могли бы осуществляться и давать приращение к семиозису, без чего не могла бы существовать культура как смысложизненный результат человеческой деятельности. В европейской драме XIX века представлена целостность и дифференцированность культуры, а также предчувствие возможных трагических неразрешимых столкновений различных культурных форм. Осмысление современного кризисного состояния культуры, в том числе культурного конфликта между Россией и Западом, угрожающего существованию целостности всеобщей культуры, целесообразно сопрягать с обращением к истории европейской драмы XIX века. Произведения В. Гюго, Г. Ибсена, П. Мериме, Э. Ростана и ряда других авторов являют собой «перечни, представляющие уму в осязательной форме то главнейшие черты какого-нибудь периода истории, то основные инстинкты и способности какого-нибудь племени, то известные отрывки человека вообще и те первичные психические силы, которые являются последними крайними причинами людских событий» [1, с. 283].

Стремясь к сохранению своей целостности, культура выработала такую форму репрезентации, осмысления и стратегии разрешения конфликта как драма — род литературного творчества, в котором категория конфликта является способом рефлексии бытия. В современной ситуации осмысление культурного конфликта в историко-философском ключе представляется целесообразным именно на основе драматических текстов, в которых действительность широко представлена в исторических, национальных, эстетических модусах существования и в их причинно-следственных отношениях. Особое значение в этой связи имеет европейская драма XIX века, так как позволяет увидеть формы конфликта, предшествующие современным и обнаружить основания позиционирования его субъектов.

Любой конфликт, а тем более конфликт в культуре или культурный конфликт имеет сложную конфигурацию, включающую отдельные фигурации, находящиеся между собой во взаимодействии и на каждом этапе жизни культуры представленные в своём особенном единичном выражении. Однако единичное и особенное всегда соотносится с всеобщим, поэтому имеет смысл рассмотреть универсальное начало конфликтных процессов в культуре Европы XIX века.

Прежде всего, важно уточнить, что является предметом философской рефлексии: культурный конфликт или конфликт культуры? Есть ли здесь различие? Идёт ли речь о грамматических синонимах свободной замены согласованного определения на не согласованное определение с сохранением смысла или смысл в данных синонимических словосочетаниях всё-таки меняется? И то, и другое сочетание слов актуализирует культуру как атрибут конфликта. Но есть и нюансы. В словосочетании «культурный конфликт» культура актуализирована как атрибут конфликта, выступает в качестве определения конфликта как его сущностного непреходящего свойства. В словосочетании «конфликт культуры» культура выступает как несогласованное определение, являясь знаком, предметом для отличия, неотъемлемой принадлежностью конфликта. Итак, культура и культурный — согласованное и несогласованное определения актуализируют культуру как атрибут по отношению к конфликту, при этом в словосочетании «конфликт культуры» понятие культуры наряду с атрибутивностью имеет и предметный смысл.

В связи с этим следует определить, что для нас важнее: видеть культуру как атрибут конфликта или всё-таки конфликт как сущностное неотъемлемое свойство культуры. Поскольку наше исследование развивается в рамках философии культуры, а не онтологии, постольку мы выбираем позицию видеть в качестве предмета культуру, а в конфликте — атрибут культуры. Это вносит определённую коррекцию в уже сложившийся в наших предыдущих публикациях подход к исследованию культурного конфликта, осуществлённого на основе его репрезентации в европейской драме. Предметом нашего рассмотрения драмы от Античности до Нового времени, включая XVIII век, был именно культурный конфликт в аспекте его онтологических культурных оснований. Сегодня возникает необходимость смены исследовательской оптики и подход, оправдавший себя от Античности до XVIII века включительно, полагается нами как недостаточный, тем более что и XIX век, принадлежа Новому времени, является замыкающим, граничным по отношению к Новейшему времени, а граничные явления в силу своей особой подвижности, агональности, требуют иных исследовательских позиций по сравнению с явлениями, удалёнными от своих пределов. Заметим, что смена исследовательской оптики уже имела место в нашем осмыслении культурного конфликта XVII века [2]. Однако онтологически это два очень разных века: XVII век — начало Нового времени, XIX век — его завершение. С этих позиций XVII век более соотносим с XX веком — первым в Новейшем времени. Сопоставление веков, определивших начала каждой из эпох, выявляет существенные отличия в развитии культуры и экспликациях конфликтных фигураций.

Причину следует искать в столетиях, предшествующих новым эпохам. XVII веку предшествовали средние века и Возрождение как значимое гуманистическое течение в рамках Средневековья, а XX веку предшествовал XIX век — век технического прогресса, утверждения позитивного знания, кризиса религиозного мировоззрения и социального уклада. Особо следует сказать о развитии искусства XIX века: его способность к трансляции значимых философско-антропологических смыслов неизмеримо выросла по сравнению с предыдущими эпохами, в то же время искусство приблизилось к своим границам. В ряде случаев это были внутренние границы со смежными художественными формами и смежным содержанием в других видах искусства. Так, в литературе нашёл активное воплощение принцип изобразительности, в изобразительном искусстве и музыке — принцип нарративности. Однако в ряде случаев развивалась тенденция выхода к предельным основаниям искусства, туда, где искусство граничило с не искусством. Разумеется, и развитие, и кризисы во всех сферах культуры говорят о её конфликтности, в этой связи мы и меняем местами объект и атрибут, прибегая в дальнейшем к понятию конфликтности культуры, выявляя универсальное начало в конфигурации культурного конфликта XIX века. Необходимость смены оптики исследования подтверждается и самим массивом драматических произведений, созданных в XIX веке в Европе: они настолько разнообразны по мировидению, аспектам смыслов человеческого существования, стилю, что речь должна идти уже не о типах конфликта, способах его фиксации и стратегиях разрешения, но о конфликтности как сущностной характеристике культуры. Итак, предмет нашего осмысления — культура, а конфликт — её атрибут, эксплицируя его фигурации можно по-новому увидеть культуру европейского XIX века как конфликтную внутри себя самой целостность.

Смещение исследовательского фокуса с конфликта на культуру не снимает требования **определения культурного конфликта как видового понятия, одной из форм объективации диалектического противоречия,** что само по себе уже является проблемой. Этимологический анализ латинского по происхождению слова-понятия «конфликт» в сопоставлении с его эквивалентами «распря» и «столкновение» в русском языке позволил увидеть в закрепившемся термине универсальность смысла: актуализацию интенций разъединения единого и соединения и встречи противоположного, а также стилистическую нейтральность. Это позволило определить нам культурный конфликт как столкновение различных тенденций развития культуры, объективированное в противоречиях между различными субъектами культуры или внутри одного субъекта. Данное определение не является окончательным: его уточнение возможно на протяжении всего дальнейшего исследования культурного конфликта на основе его репрезентации в драме. Однако, априори, не будучи исчерпывающим, предложенное определение содержит методологический потенциал: понимание конфликта как столкновения культурных тенденций, объективированных в субъектах, даёт исследованию культурного конфликта направление рассматривать тенденции развития культуры, а точнее, культурных форм, специфику их объективации в деятельности субъектов с целью выявления **интенциальности** самого конфликта. Если видеть конфликт как столкновение и разъединение культурных форм, в результате которых в целом определяются интенции развития культуры, их дифференциация и способы реализации, то осмысление культурного конфликта актуализирует процессы формообразования культуры, иными словами — процессы формирования антропокультурной реальности, где конфликт служит фактором её формирования, а также и её сущностной характеристикой. Поскольку мы говорим о конфликтности культуры Европы XIX века, постольку вводим понятие культурной ситуации, которая неоднократно становилась предметом интерпретации в разных видах частного научного и художественного знания. Однако философская интерпретация состояния культуры в аспекте культурного конфликта пока что не была предметом исследования, хотя представляется чрезвычайно актуальной именно сегодня, когда понятие культурного конфликта обретает статус родового по отношению к различным типам конфликтов в культуре. Конфликт культурной реальности вмещает в свою конфигурацию весь спектр конфликтных фигураций (политическую, религиозную, этническую, социальную, духовную, и т. д.).

Подход к философскому конструированию интерпретации культурной ситуации XIX века на основе категории культурного конфликта позволил нам выявить ряд принципов её рассмотрения. Обозначим их:

а) принцип **хронологизма,** предполагающий условное деление XIX века на два периода, как это принято в истории искусства: 1800—1870 годы и 1870—1917 годы;

б) принцип **антропологизма**, актуализирующий субъекта культуры, представленного и как герой драмы XIX века, и как понимание человека в философии данного периода, в частности у И. Г. Фихте и А. Шопенгауэра;

в) принцип эстетизма, реализованный в конфликте эстетических направлений и в специфике развития художественной формы драмы как стратегии разрешения культурного конфликта;

г) **историко-философский принцип, актуализирующий конфликтность смены и сосуществования философских парадигм в духовной жизни Европы:** немецкая классическая философия, интуитивизм, позитивизм, марксизм;

д) принцип оппозиции **религиозного и секулярного начал** в ядре культуры.

Совокупность данных принципов представляет ещё одну возможную модель интерпретации конфликта помимо разработанной нами модели, включающей способы фиксации культурного конфликта и стратегии его разрешения, репрезентированной в европейской драме со времён Античности до XVIII века. Модель интерпретации конфликтности культуры, сконструированная на основе **драмы XIX века позволяет выявить акупунктуру наиболее значимых конфликтных фигураций самой культуры. Рассмотрим их.**

Хронология деления культуры Европы XIX века на два периода в истории искусства (1800—1870 годы и 1870—1917 годы), действительно, условна, так как событийно это чрезвычайно насыщенный век, который трудно разделить на два периода. Однако имеют место определённые хронологические маркеры: французские революции, переменившие внешне политический и внутриполитический климат в Европе, изменившие развитие экономики и культуры. Таким образом, конфликт времён — первая конфликтная фигурация — своеобразная

темпоральная рамка, куда вписываются явно и имплицитно все конфликтные процессы в европейской культуре XIX века. При этом хронологические границы, будучи условными и формальными, несут смысловую функцию выявления конфликтности самих временных отрезков, определяющих границы социальных и культурных явлений: революция — реставрация, война — мир, толерантность — террор, реализм — романтизм, романтизм — неоромантизм, реализм — модернизм. Само течение времени культуры XIX века конфликтно и многовекторно. «Одна и та же форма духа господствует <...> в течение одного или многих веков и противится глухим незаметным трениям, яростным разгромам, всем подкопам и взрывам мин, направленных против неё и во всё это время» [3, с. 275].

Принцип **антропологизма** актуализирует субъекта культуры. Художественная рефлексия его представлена героем европейской драмы XIX века. Это персонажи Г. Ибсена, представляющие разные социальные слои Норвегии, осознающей свою национальную идентичность: Пер Гюнт, Бранд, Нора, Гедда Габлер, доктор Стокман. Это романтические персонажи (часто — испанцы) В. Гюго: дон Карлос, Эрнани, Рюи Блаз, Марьон Делорм. Это рыцари, монахи, разбойники, крестьяне в исторической хронике П. Мериме «Жакерия». Это аристократы А. де Мюссе[1] [4, с. 468] и бюргеры Г. Клейста, лорды О. Уайльда и буржуа в «приятных» и «неприятных» пьесах Б. Шоу. Это романтические герои Э. Ростана и Э. Скриба. Художественная моделировка названных и многих иных персонажей драмы XIX века соотносится с философско-антропологическим дискурсом. Назначение человека в мире через экспликацию его сущностных характеристик осмыслено И. Г. Фихте. Сущность человека через осмысление его возраста представлена у А. Шопенгауэра. Художественный и философский дискурсы отчасти изоморфны, отчасти же художественное видение человека опережает его философское понимание, выявляя индивидуальное и индивидуалистическое в человеке. Таким образом, антропологическая фигурация включает в себя широкий спектр конфликтных процессов в культуре, определяемых наличием такого основания как субъект культуры.

Принцип **эстетизма, проявлен в** конфликтном сосуществовании эстетических направлений и художественных форм, репрезентирующих конфликт культуры. В частности, драма, как одна из форм его фиксации и стратегии разрешения, обретает разнообразные модусы существования. Помимо сценической появляется драма для чтения, например, хроники П. Мериме. Сосуществуют романтическая и реалистическая драма, представляя разные способы мировидения и отношения к миру. Это сосуществование возможно в творчестве одного автора, например, Г. Ибсена. Усиливается модус национального бытия драмы: неоромантическая драма Э. Ростана, Г. Ибсена, М. Метерлинка, будучи единой в реставрации романтического отношения к миру, отличается по национальному духу, пребывая в лоне национальной культуры. Эстетическая фигурация конфликтности культуры проявляется в размывании не только сценических, но и собственно литературных границ драмы. Так, драма В. Гюго свободно перешагнула литературные границы и раскрыла свой содержательный потенциал в жанре оперы, благодаря представленному в ней конфликту культуры. Драма представляет различные модусы человеческого бытия: социальный модус представлен драмой Г. Гауптмана, бытовой — драмой Г. Клейста, интеллектуальный — драмой Б. Шоу. Модернистская драма О. Уайльда и интеллектуальная драма Б. Шоу дают представление о граничности как сущностной характеристике бытия драмы в конце XIX века. Формируется национальный драматический репертуар Норвегии (Г. Ибсен), продолжает развиваться инноватика английской драмы (О. Уайльд, Б. Шоу), предельно оттачивается форма французской драмы (Э. Скриб, Э. Ростан). Всё это взаимодействует, соревнуется, пребывает в конфликте, находящем разрешение в эстетических достижениях. В самой драме конфликт эстетических направлений проявился в устранении трёх единств, смешении прозы и стихов, «драматическая полнота распространилась и на второстепенные персонажи»[5, с. 524]. Такова в общих чертах эстетическая фигурация конфликта культуры.

Конфликтность культуры, репрезентированная в драме, явно и имплицитно находит выражение **в процессах смены и сосуществования философских парадигм в духовной жизни Европы.** Так, немецкая классическая философия с приоритетами онтологической и гносеологической проблематики даёт толчок развитию интуитивизма, а затем вынуждена потесниться на философском Олимпе, давая место позитивизму, склонному к отрицанию значимости философии, марксизму, материалистически осмыслившему диалектику, зачаткам экзистенциализма с его острым ощущением трагизма человеческого существования. Философская составляющая культурного конфликта состоит в противостоянии мировоззренческих систем, объясняющих мир, системам, конструирующим стратегии переустройства мира. Отсюда философия из любви к мудрости превращается в «руководство к действию», становясь прагматичной, идеологичной, что определяет задачу её воздействия на все виды культурной практики, в том числе и на художественное творчество. Таким образом, в конфликте культуры имеет место философская, мировоззренческая фигурация, дающая представление о конфликте взглядов, идей, систем. Философия, как и культура в целом, с одной стороны стремится к сохранению своего единства, а с другой стороны, переживает период дифференциации, расслоения, образования новых направлений, развитие которых подчас угрожает существованию самой философии.

Религиозно-секулярный принцип выявляет оппозицию религиозного и секулярного начал в ядре культуры. Устойчивость и прочность любой культуры определяется наличием в ней ядра, представляющего её незыблемые предельные основания. Ядро культуры включает древние накопления родового опыта её носителей, исторически проверенные на предмет жизнестойкости и получившие неоспоримую витальную маркировку. Культурное ядро предполагает безусловное приятие своих смыслов носителями данной культуры и является истоком всех исторических культурных форм. Причина этого кроется в его важнейшей сущностной характеристике — сакральности. Сакральное — священное, определяющее духовную ценность культуры в её устремлённости к истине, к связи с абсолютным началом бытия. Сакральное обусловлено, как правило, религиозным началом культуры, не обсуждаемым, не подверженным критике, принимаемым на веру. Сакральное противопоставлено профанному, мирскому. Культура не может развиваться

и существовать исключительно в сакральном направлении, она задохнётся в бесконечном повторении одних и тех же форм. Этимология понятия профанный актуализирует два значения: в приставке pro- прежде и корне fanum — храм. То есть нечто существовавшее до храма, не обладающее религиозным сакрализованным знанием. В оценке смыслов сакрального и профанного ценностные приоритеты, как правило, отдавались сакральному. Однако мирское не менее значимо для осуществления человека в мире, нежели священное, хотя бы потому, что человек есть и душа, и тело, и плоть, и дух. В связи с этим возможно допустить, что и ядро культуры, определяемое как её единое незыблемое предельное основание, будучи единым, содержит в самом своём единстве возможность дифференциации, полагающей развитие культуры и образование новых культурных форм. Оппозиция сакрального и профанного в культуре конфликтна и находит своё выражение в драме с одной стороны в критике религии, которая актуализирована в социальном контексте, с другой стороны, в актуализации романтического идеала человека, который укоренён в сакральном ядре культуры.

Подводя итог осмыслению модели интерпретации конфликтности культуры кризисного, поворотного, драматичного XIX века, заметим, что наиболее значимой, на наш взгляд, фигурацией является последняя — оппозиция сакрального и профанного начал культуры. Именно она лежит в основании неразрешимых трагических конфликтов. Казалось бы, революции, политическая борьба с её республиканским, парламентским, монархическим, либеральным или консервативным окрасом не имеют отношения к конфликтности секулярного и религиозного, равно как и борьба за изменение геополитической карты мира, продолжающаяся по сей день. Однако и в революционных, и в военных конфликтах, и в стремлении к доминированию на международной политической арене в XIX веке осуществлялась проверка на прочность наработанного культурного фундамента, то есть — ядра культуры. При этом тестировалась степень жизнеспособности революционных новаций, которые также были результатом культурных накоплений и пребывали в сфере профанного, претендуя на сакрализацию.

Отметим, что репрезентация оппозиции религиозное-секулярное в европейской драме носит скорее скрытый, чем явный характер. Реформация к началу XIX века уже принесла свои плоды и осталась позади. Её результаты — это: англиканство в Англии, дающее стране статус практически конфессионального государства; преобладающее лютеранство в Германии, способствовавшее завершению национального объединения; достаточно прочная католическая традиция в странах романоязычного региона. Свой вариант протестантизма пережила и Россия, сохранив Православие и выработав толерантное отношение к иным религиозным конфессиям. Выдержав просветительский скепсис XVIII века, религиозная традиция на Западе к XIX веку казалась вполне устоявшейся. Однако атеистическая линия Мольера в «Тартюфе» и Б. Джонсона «Чёрт выставлен ослом» находит своё продолжение в драме, хотя и не в виде прямой критики религии и церкви, а опосредованно, как, например, у Г. Ибсена в «Бранде» и «Пер Гюнте». Полагаем, что конфликт религиозного-секулярного, сакрального-профанного не элиминирован в культуре XIX века, но интегрирован в политический, этнический, экзистенциальный конфликты. Культура России взаимодействует с культурой Запада, и усложнение культурной жизни европейских государств, в связи с бурным развитием капитализма, сменой социальной, хозяйственной, этической парадигм и явной и имплицитной фигурацией сакрального-профанного в европейской культуре обращало российскую культуру к рефлексии конфликтных процессов, происходящих в ней самой. Результатом было рождение и бурное развитие русского национального театра и русской драмы.

Оставаясь в границах осмысления конфликтности культуры в жанре драмы XIX века, обратимся к такому маркеру целостности культуры, как репертуар европейского и русского театра. Он включает в себя широкий спектр драматических произведений мировой литературы таких авторов, как В. Гюго и Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин и П. Мериме, А. К. Толстой, А. Н. Островский и Э. Скриб, Э. Ростан, а также О. Уайльд, Б. Шоу, А. П. Чехов, Г. Ибсен, М. Метерлинк. Названные и многие другие авторы имеют значение не только для своей национальной театральной культуры, но и для культуры как всеобщей практики возделывания бытия, выявляющей его ценностно-значимые для человечества смыслы. За репертуаром стоит не просто перечень сценически воплощённых драматических текстов, но целостный внешний образ культуры, «габитус существования в пространстве» [6, с. 66]. Таким образом, целостность культуры, объективированная в художественной практике, есть бытийное основание осмысления противостояний, которые характеризуют её современное состояние. Конфликтность, рассматривается как атрибут культуры наряду с атрибутом её целостности. Контекст оппозиции: конфликтность-целостность располагает методологическим потенциалом осмысления конфликтных процессов в культуре и практическими возможностями медиации.

Примечание

[1] Сент-Бёв.

Библиографический список

1. Тэн, И. Философия искусства / И. Тэн. — М. : Республика, 1996. — 351 с.

2. Нефёдова, Л. К. Онтология культурного конфликта в европейской драме: Античность — Новое время / Л. К. Нефёдова. — Омск : ОмГПУ, 2013. — 158 с.

3. Тэн, И. Философия искусства / И. Тэн. — М. : Республика, 1996. — 351 с.

4. Сент-Бёв, Ш. Литературные портреты. Критические очерки / Ш. Сент-Бёв. — М. : Изд-во художеств. лит., 1970. — 583 с.

5. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. — М. : Мысль, 1999. — 608 с.

6. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. — М. : Мысль, 1993. — 663 с.

НЕФЁДОВА Людмила Константиновна, доктор философских наук, профессор (Россия), профессор кафедры философии.
Адрес для переписки: konstans50@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2015 г.
© Л. К. Нефёдова

УДК 165.194

Д. М. ФЕДЯЕВ
Л. В. ФЕДЯЕВА

Омский государственный педагогический университет

ВСЕОБЩНОСТЬ МАШИНЫ

Рассмотрены наиболее характерные оценки последствий машинного производства. Зафиксировано их инвариантное содержание: с началом индустриальной эпохи техника обретает субъектность. Показано, что в постиндустриальную эпоху общий принцип организации машинного производства выходит за его пределы и распространяется на духовную деятельность.

Ключевые слова: техника, машина, образование, литература.

Последствия массового применения машин осмысливаются, оцениваются и комментируются прежде всего теми, кто первым начал «вкушать» его плоды. Многое из того, что когда-то поражало воображение, приносит «чистая» наука, но тиражирует инновации и делает их доступными — хотя бы для привилегированного класса — машинное производство. Еще пятнадцать — двадцать лет назад мы не смогли бы вполне понять и *сопережить* то изумление, которое вызывали в свое время новые возможности, открываемые техникой. Сегодня — отчасти можем благодаря компьютеру, который так же существенно изменил некоторые стороны жизни. Воспоминания о его появлении все еще сохраняют относительную свежесть.

Русская литература рубежа XIX—XX вв. изобилует изумительными иллюстрациями *триумфа прогресса.* Электрический свет — нечто совершенно потрясающее, его не устают сравнивать с солнцем. Вот строки Александра Блока:

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, ты — мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана!

Радио открывает возможности уже просто чудесные. Откроем хотя бы «Эмигрантов» А. Н. Толстого. Речь идет об одном из первых прямых репортажей с боксерского матча. Парижане болеют за французского боксера Карпантье, встречающегося с американцем Демпси.

«Великий день настал. Не менее миллиона людей двигалось по Большим бульварам к центру, где над редакцией «Матэн» издалека виднелся большой экран, на нем — схематическое изображение двух голов — Карпантье и Демпси. Каждый удар передается через океан по радио, и на очертаниях голов посредством электрической сигнализации кружком отмечается место, где нанесен удар. Аэропланы, парящие над городом, также принимают радиосообщения о наносимых ударах и выкидывают светящиеся шары — белый, если удар нанесен в лицо Карпантье, красный — в лицо Демпси. Такая же сигнализация шарами установлена по верху Эйфелевой башни....

Эйфелева башня сигнализировала. Кружащиеся над городом аэропланы выпустили облачка цветного дыма. Разорвалась петарда на крыше «Матэн». По экрану (с очертаниями двух голов) побежали надписи: «Бойцы вскочили на арену»... «Командор боя появляется на арене»... «Командор свистит»... «Двенадцать тысяч американцев затаили дыхание»... «Карпантье изящным жестом сбрасывает халат».... Надписи прерываются. События развертываются с бешеной быстротой. На экране от слов переходят к сигнализации. Глаза трех тысяч парижан устремлены на два силуэта ... И сейчас же на экране левый глаз Карпантье закрывается кружком, второй кружок выскакивает на правой скуле, третий на левой, четвертый на подбородке... Демпси (как потом стало известно) дал слово устроителю матча держаться более или менее пассивно семь раундов. Но, видимо, ему надоело валять дурака».

Новая техника не только поражает воображение. Она меняет самый стиль повседневной жизни. Некогда *хорошая* жизнь была неотделима от роскоши, которая давала в этой самой повседневной жизни чисто условные преимущества. Зачем тебе толстенная золотая цепь, если ты спишь на соломе в спальне, продуваемой всеми ветрами? Пышность крайне редко сочеталась с целесообразностью, а если и сочеталась, то сегодня остается только пожалеть, например, хозяина замка, над обеденным столом которого был растянут роскошный балдахин, отчасти предохранявший от потоков воды, льющихся в дождливую погоду сквозь вечно дырявую крышу. Промышленная революция начинает постепенно заменять роскошь комфортом, который доступен пока далеко не всем, но вносит в жизнь настоящие удобства и изысканность. Вот описание дома, в котором живет одна из героинь А. Н. Толстого: «Это был дом, как городок, со своей станцией, гаражами, конюшнями, сложным управлением и хранителем у главного подъезда — саженного роста седым швейцаром, в сером сюртуке. В толще домовых стен были проложены свинцовые жилы, по ним била горячая вода и текла холодная. Сеть проволок электрических и телефонных, пронизывая крышу, проникала затем, как нервы, во всю толщу дома. Двенадцать лифтов день и ночь скользили вверх и вниз в проволочных колодцах по маслянистым рельсам. И восемьдесят пять зеркальных окон, выходящих на проспект, освещались и гасли попарно и поодиночке вверху и внизу до позднего часа каждую ночь».

Технические новинки придают некий особый шик светскому эстетизму. Откроем томик стихов И. Северянина...

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...

Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.
. . . . . .
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...

Но кого же в любовники! и найдется ли пара Вам?

Ножки пледом закутайте дорогим, ягуаровым,
И садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

Сегодня *бензиновый ландолет* еще можно увидеть в некоторых музеях.

Достаточно быстро замечается и феномен быстрого привыкания. Вчерашнее техническое чудо уже сегодня воспринимается как нечто совершенно необходимое, без чего вообще нельзя жить. В 1905 году Александр Блок, стремясь передать весь ужас впечатлений от революции, пишет:

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

Спрашивается, давно ли он там загорелся? Но поскольку это случилось, исчезновение света — трагедия. Приходится жить в совершенно невыносимых условиях:

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Как же им еще шевелиться при свечах? А между тем именно при свечах гремели блестящие балы, описанные Львом Толстым, творилась «Феноменология духа», «Фауст» и многое другое, что почти невозможно перечислить.

Столь же быстро и непринужденно, как привыкание к новой технике и открываемым ей возможностям, рождается и критическое отношение к ней. «Критика техники, — пишет Р. П. Зиферле, — оказывается столь же древней, как и сама техника. И действительно, из истории почти всех высоких культур до нас дошли голоса, в которых можно уловить скептическую настроенность по отношению к технике и пользе изобретений, или, по крайней мере, техника рассматривается в демонически-зловещем свете» [1, с. 257]. Н. А. Бердяев не менее справедливо замечает, что критики техники, по сути дела, «противополагали более развитой технике и хозяйству технику и хозяйство менее развитое, отсталое и примитивное» [2, с. 234].

На первый взгляд, ностальгия по прежней технике при активном повседневном пользовании техникой современной представляется какой-то нелогичной, но она обнаруживается явно и сопровождает всю историю техники. Устаревшая техника представляется какой-то по-домашнему уютной и привлекательной. Можно сказать, что роли новой и старой техники распределены следующим образом: новая техника (точнее, бывшая новой еще вчера) является элементом повседневности, а старая — одним из атрибутов праздника. Туристический поход, в котором люди решительно удаляются от *благ цивилизации,* является формой отдыха, горящие свечи могут украшать романтический ужин. Такое взаимоотношение технических поколений вполне гармонично, если только новая техника не отказывает вдруг и внезапно. Когда свечи приходится зажигать в силу необходимости, а экраны телевизоров и компьютеров гаснут вместе с электрическими лампами, тогда сложившаяся ситуация воспринимается точно по Блоку, — «на лицах желтые круги», а мозги шевелятся с трудом. Здесь уже не до романтики.

Осмысливается и «оплата» технических чудес, которые украшают жизнь и вносят в нее комфорт. Здесь будут приведены высказывания трех авторов в последовательности, обратной исторической, — чтобы показать общность и постоянство оценок. В 1988 году в Париже была опубликована статья Ж. Эллюля «Технологический блеф» (Западная Европа к этому времени едва ли не начала уже входить в «постиндустриальную» эпоху). В ней, в частности, говорится: «Он (человек. — **Прим. авторов**) не способен выработать философию техники, ибо скорость изменения технических средств такова, что философия техники образца 1950 г. не имеет никакой ценности и никакого смысла в 1980 г.» [3, с. 166]. Не будем спешить соглашаться с этим заявлением. Сопоставим некоторые ключевые тезисы статьи Ж. Эллюля с ключевыми тезисами статьи Н. А. Бердяева «Человек и машина», впервые изданной в 1933 году, тоже в Париже. По возможности присовокупим к ним оценки автора, имя которого обычно не связывается с философией техники — Александра Блока, умершего в 1921 году.

1.

Ж. Эллюль. «...Техника стала фатальностью, судьбой современного человека» [3, с. 168].

Н. А. Бердяев. «...Вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры» [4, с. 147].

2.

Ж. Эллюль. «... Производителем ценностей является уже не человек, а автоматизированная, информатизированная машина. Другими словами, человеческий труд становится все более ненужным, и можно предположить, что в ближайшие двадцать лет мы придем к полной безработице» [3, с. 160].

Н. А. Бердяев. Техника «порождает новые иррациональные последствия в социальной жизни... Машина совсем не повинуется тому, что требует от нее человек, она диктует свои законы. Человек сказал машине: ты мне нужна..., машина же ответила человеку: а ты мне не нужен. Рационализация промышленности порождает безработицу» [4, с. 151].

3.

Ж. Эллюль. Техника «сама предстает причиной себя» [3, с. 168].

Н. А. Бердяев. «Машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие» [4, с. 151].

4.

Ж. Эллюль. «Формула "прогресс не остановить" заключает все дискуссии... Следовательно, технический рост (а в нашем обществе прогресс безусловно сводится к нему) предполагается как что-то абсолютное, чему человек должен просто подчиниться» [3, с. 168].

Н. А. Бердяев. «Средства жизни очень часто подменяют цели жизни... И в нашу техническую эпоху это происходит в грандиозных размерах... Техническая эпоха требует от человека фабрикации продуктов, и притом в наибольшем количестве при наименьшей затрате сил. Человек становится орудием производства продуктов» [4, с. 148—149].

А. Блок. «Мы миновали все ворота // И в каждом видели окне, // Как тяжело лежит работа // На каждой согнутой спине.... И вот пошли туда, где будем // Мы жить под низким потолком // Где прокляли друг друга люди, // Убитые своим трудом».

5.

Ж. Эллюль. «Техническая среда настолько захватывает, ... что человек не может отстраниться, отдаться созерцанию, а вынужден действовать в условиях сиюминутности...» [3, с. 165].

Н. А. Бердяев. «Техника... создает действительность, лишенную всякой символики, в ней реальность дана тут, непосредственно» [4, с. 152].

А. Блок. «На площадях столицы душной // Слепые люди говорят: // Что над землею? Шар воздушный, // Что под луной? Аэростат».

6.

Ж. Эллюль. «... Каковы тенденции и ориентации человека, бросившегося в технологическую авантюру?... Когда человек дезориентирован, расстроен постоянными преобразованиями технической среды, он пытается убежать от дискомфорта, чем-то компенсировать бездушное движение техники. Поиск компенсации приводит к новомодным верованиям религиозного характера» [3, с. 166].

Н. А. Бердяев. «Романтизм есть реакция природно-органического элемента культуры против технического ее элемента» [4, с. 149]. «Идеалистическая философия Нового времени и есть... компенсация за потерю космоса» [4, с. 154]. «Власть техники в человеческой жизни влечет за собою очень большое изменение в типе религиозности» [4, с. 157].

А. Блок. «Как ты можешь летать и кружиться // Без любви, без души, без лица? // О, стальная, бесстрастная птица, // Чем ты можешь прославить творца?». «Не понять золотого глагола // Изнуренной железом мечте».

7.

Ж. Эллюль. «Худшее, к чему мы пришли, заключается в констатации, что человек... составляет часть громадной картины мироздания...» [3, с. 172].

Н. А. Бердяев. Техника имеет космогоническое значение, через нее создается новый космос» [4, с. 152].

А. Блок. «Небо — в зареве лиловом, // Свет зеленый на снегах. // Словно мы в пространстве новом, // Словно в новых временах».

8.

Ж. Эллюль (продолжение предыдущей фразы). «Такая картина — безукоризненная интеграция человека в технической системе» [3, с. 172].

Н. А. Бердяев. «Эпоха неслыханной власти техники над человеческой душой кончится, но кончится она не отрицанием техники, а подчинением ее духу» [4, с. 155].

А. Блок. «В сплетеньи проволок машины // Рука — мертвее рычага».

Как видим, в двух философских работах, опубликование которых разделено интервалом в 55 лет, обнаруживается явное сходство содержания, доходящее иной раз до совпадения отдельных формулировок (сопоставление можно было бы еще продолжать — мы ограничились только несколькими характерными примерами). Основная идея, общая для обеих статей, состоит в том, что по мере технической эволюции техника обретает субстанциальность, а человек превращается в ее модус, полагающее и положенное меняются местами. Можно сказать и так: в техническом отношении к миру происходит смена субъектов; уже не человек «относится» к миру через посредство техники, а техника «относится» миру через посредство человека. Эмоциональный настрой обеих статей состоит в неприятии этого факта. Если же присовокупить к ним поэтические «высказывания» Александра Блока, то окажется, что эти мысли вместе с соответствующим настроем еще старше.

Может показаться, что эти идеи сегодня не слишком актуальны, поскольку в настоящее время в машинном производстве занята не слишком значительная часть населения. Тем не менее, торжество машины продолжается, но она все чаще выступает не в своей «железной» форме, а в виде принципа организации деятельности. В свое время появление машины было обусловлено узкотехническим разделением труда, сложившимся в мануфактуре. Трудовой процесс в мануфактуре разделился на отдельные операции, каждая из которых превратилась в исключительную функцию одного рабочего. Деятельность работника в пределах этой суженной сферы приобрела наиболее целесообразные и простые формы, допускающие механическое опредмечивание, в отличие от нерасчлененного и сложного труда ремесленника. Разделение целостной деятельности на отдельные операции, предполагающее оптимизацию каждой из них, составило общий принцип машинности. Далее, разделение позволило комбинировать некоторое количество стандартных операций в последовательности, позволяющей изготовить практически любое изделие.

В русле той же самой логики мы сегодня работаем на компьютере, который реализует некоторое количество операций. Комбинируя их, мы решаем самые разнообразные задачи.

Машинность проникает в самые разные сферы деятельности, например в образование. В отечественном образовании последнего десятилетия произошел решительный поворот от установки на знание к установке на компетентность. Под компетентностью обычно понимается способность специалиста решать типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности. Дефиниций компетентности в литературе множество, но их суть в принципе неизменна. В одной из работ ученых-педагогов имеется замечательное для нашей темы определение: «Компетентность — результат образования, выражающийся в овладении учащимся определенным набором (меню) способов деятельности по отношению к определенному предмету воздействия» [5, с. 7]. Таким образом, речь идет о способах, которые уже разработаны, имеются в наличии, а компетентный субъект деятельности комбинирует их применительно к конкретной ситуации, то есть действует в совершенно индустриальном стиле.

Машинность захватывает и литературный процесс, что особенно ярко проявляется в жанре «фэнтези», который дает возможность писателю творить собственную реальность, в которой может происходить что угодно. Писатель здесь не скован требованием правдивости или хотя бы правдоподобия, а потому может свободно комбинировать найденные в ходе истории литературы сюжеты, образы, варианты композиции, творческие приемы, «повороты темы», оказывающие на читателя определенное, проверенное эмоциональное воздействие, то есть творить в машинном стиле. Реализм и даже научная фантастика такой свободы не давали. Открыв, к примеру, «Властелина колец» Р. Р. Толкиена, мы обнаружим богатейший набор: скитания

короля, который в финале займет престол; безнадежный бой, участников которого спасет неожиданная помощь; рефлексирующий герой; простодушный герой, не осознающий своего героизма; победа добра над злом, самопожертвование и т.д. Все это уже было в литературе, причем неоднократно, но новая комбинация дает именно «Властелина колец» — исключительно популярное произведение. Примеры экспансии машинности в непроизводственную деятельность можно умножать.

Машинный идеал, порожденный производственно-технической сферой, бывший в индустриальную эпоху элементом культуры, в эпоху постиндустриальную стал ее системным качеством. По крайней мере, во многих сколько-нибудь «востребованных» видах деятельности осуществляется выделение элементарных составляющих, создаются их комбинации, производятся серии. В свое время индустриализация машинного производства привела к невиданному ранее росту объемов производства, который был оплачен отчуждением труда — фабричного. К чему приведет всеобщее распространение машинности — покажет время.

Комментируя принцип Анаксагора «все во всем», Н. Г. Красноярова пишет, что «философия, обращаясь к какому-либо природному объекту, включает его в единую картину мира, насколько этот объект может быть значим как часть космоса, вписывается в гармонию, единство. Но для философии в движении мысли и в размышлении о неком природном (и не природном) явлении может быть и другой путь: сам объект в процессе переживания, познания, осознания и его понимания становится космосом, той точкой, местом и центром, через которые виден космос» [6, с. 23]. Машина в ее первичной «железной» форме уже сыграла роль такого центра: тезисы «человек—машина», «мир—машина» общеизвестны. Машинность в ее полном объеме еще надлежит осмыслить.

Библиографический список

1. Зиферле, Р. П. Исторические этапы критики техники / Р. П. Зиферле // Философия техники в ФРГ. — М. : Прогресс, 1989. — С. 257—272.
2. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. — М. : МГУ, 1990. — 256 с.
3. Эллюль, Ж. Технологический блеф / Ж. Эллюль // Философские науки. — 1991. — № 9. — С. 150—178.
4. Бердяев, Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. — 1989. — № 2. — С. 143—162.
5. Голуб, Г. Б. Метод проектов — технология компетентностно-ориентированного образования / Г. Б. Голуб, Е. А. Перелыгина, О. В. Чуракова ; под ред. Е. Я. Когана. — Самара : Учеб. лит., 2006. — 176 с.
6. Красноярова, Н. Г. Основные принципы философии культуры как методологии / Н. Г. Красноярова // Вестник Омского педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2014. — № 3. — С. 23—26.

ФЕДЯЕВ Дмитрий Михайлович, доктор философских наук, профессор (Россия), профессор кафедры философии.
Адрес для переписки: fedyaev@omgpu.ru
ФЕДЯЕВА Людмила Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики.
Адрес для переписки: lvfed2007@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2015 г.

© Д. М. Федяев, Л. В. Федяева

УДК 140.8:392(091)

С. В. ГОЛУБЦОВ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БЫТА И РЕЛИГИОЗНОГО КОМПЛЕКСА КИРГИЗОВ (КАЗАХОВ) СЕРЕДИНЫ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье, основываясь на этиологических, фольклорных, исторических документах, анализе природных и климатических условий, автор раскрывает картину формирования мировоззренческих основ быта и религии киргизов (казахов) середины XIX—начала XX веков.

Ключевые слова: киргизы, общественные связи, кочевая община, религиозная доктрина, форма материальной культуры.

Киргизы (казахи) являются потомками древних тюрков и кыпчаков, от них в наследие они научились ткать ковры, плести циновки, делать войлок, инкрустировать костью и серебром домашнюю утварь, изготавливать конскую сбрую, музыкальные инструменты, оружие и особенные жилища — юрты. В традиционном киргизском народном костюме также видны элементы тюркской и кыпчакской одежды. Сохранение видимых форм материальной культуры прошлого основано экономически на натуральном типе хозяйствования киргизов, мало поддавшемся реорганизации.

В результате природных условий и климата Казахстана основной формой хозяйствования киргизов

было скотоводство в двух его видах: кочевое и полукочевое. При кочевом типе хозяйства главным является подвижное скотоводство, при котором в сезонные перекочёвки вовлекается большая часть населения. В связи с дефицитом корма и воды титульной особенностью кочевого скотоводства явилось содержание скота круглый год на подножном корме. В XVIII—XIX веках средняя длина кочевания за год достигала 50—100 километров. В некоторых родоплеменных группах (таких как адай, шекты, табын и других) достигала 1000—2500 километров [1]. Пастбища соответственно времени года делили на весенние, летние, осенние и зимние. Для зимних пастбищ использовались места, имеющие защиту от ветра и снежных бурь, берега озёр, ущелья гор, речные долины, опушки леса, невысокие горы, склоны сопок и т.д. Весенние и осенние пастбища, как правило, располагались недалеко от зимних, на землях, рано освобождающихся от снега. Летние пастбища выбирались с обильным травяным и растительным покровом и запасом воды естественного происхождения. Видовой состав стада определялся особенностями среды обитания и потребностями жизнедеятельности киргизов, овцы составляли 60 процентов всего стада, лошади — 13, крупный рогатый скот — 12, верблюды — 4 процента [1]. Этот тип хозяйствования распространился на полуострове Мангышлак, плато Устюрт, в районах Приаралья, Западного и Центрального Казахстана.

Полукочевой тип хозяйствования развился в зонах с высокой продуктивностью растительного покрова и лучшим запасом воды, это речные и приозёрные долины в степной, лесостепной, предгорной и высокогорной местности. Наличие воды и кормов давало возможность длительных стоянок и менее интенсивный режим кочевания. Этот тип хозяйствования характеризуется выращиванием большей доли крупного рогатого скота и лошадей, меньшей — верблюдов и мелкого рогатого скота. Стационарное зимование приводило к строительству постоянных зимних жилищ и хозяйственных построек. Кроме того, на призимовочной территории появилась возможность заниматься земледелием и рыболовством. Такой тип хозяйствования значительно развился в Восточном и Северо-Восточном Казахстане, Семиречье, Южном Казахстане.

Вторым по значимости в хозяйственных занятиях киргизов можно определить земледелие, которое развивалось в наиболее удобных природно-климатических зонах Казахстана. Это территории в бассейнах рек Сагыза, Эмба, Илек, Иргиз, Утва, Уил, долины Мугоджарских гор: в Центральном Казахстане — долины среднего течения р. Сарысу; на юге — по Сырдарье, Кувандарье, Жанадарье; на севере — по Ишиму, Нуре, Тугаю с их притоками; в Восточном Казахстане у Калбинского и Тарбагатайского хребтов, в предгорьях Каркаралы; в Семиречье — на верховьях Лепсы, Аксу, Каратала, среднем течении Или. Помимо водных ресурсов, почвенных и климатических условий на развитие земледелия у киргизов влияла интенсивность культурно-экономических контактов с соседями, осёдло-земледельческими народами. Такие контакты, в свою очередь, приводили к агрономическим заимствованиям у соседей и влиянию на самих соседей. Так, казаки Горькой и Иртышской линий часто употребляли в разговоре киргизский язык и переняли от киргизов некоторые обычаи [2]. Навыки к земледелию прививались миссионерами Киргизской духовной миссии при принятии киргизами православия, что увеличивало интенсивность общения принявших христианство киргизов с русскими поселенцами, с молоком матери впитавшими православие.

Важной составляющей в экономике киргизов была торговля. Со второй половины XVIII века, середины XIX лидирующее положение занимал товарооборот с Россией. Меновая торговля киргизов с российскими купцами активно шла в Оренбурге, Троицке, Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске. В 1858 году товарооборот русско-киргизской торговли на Сибирских линиях составил 4,5 млн, на Оренбургской линии — около 2,5 млн руб. В 40—50 годах XIX века ежегодная стоимость вывозимых и ввозимых товаров достигала: через Семипалатинскую таможню от 700 до 900 тысяч рублей, через Петропавловскую — 1,8 млн рублей, Омскую — около 100 тысяч рублей. Основным товаром, вывозившимся киргизами, был скот и продукция скотоводческих хозяйств (сало, шерсть, выделанные кожи, шкуры зверей, войлоки, кошмы, изделия из козьего пуха, предметы домашнего обихода). Только на Иртышскую линию в середине XIX века каждый год поступало до 150 тысяч лошадей, 3 млн баранов, 100 тыс быков и коров на сумму до 8 млн рублей [1, с. 190].

Киргизы конца XIX—начала XX века выглядели следующим образом: среднего роста, сутуловаты, ноги короткие, колесом от постоянной верховой езды, походка медленная, развалистая. Лица — широкие и плоские, с выдающимися скулами, узкими, чёрными и нередко плутоватыми глазами, цвет кожи бледно-жёлтый или тёмно-желтый. Мужчины брили голову и носили редкую чёрную клинообразную бородку. Волосы около губ ощипывали, чтобы не мешали при еде [3]. Одежда поражала пестротой красок. Мужчины на голове носили аракчин (ермолку), у богатых киргизов — расшитый шёлком, позументом и бисером, поверх которого летом надевали белую войлочную шляпу, а зимой — конусообразный малахай (шапка), концы которого закрывали шею и уши. Малахай изготавливали из бараньей или лисьей шкуры, покрывая цветной материей. Иногда малахай украшали серебряными монетами и обшивали позументами. Одежда киргизов состояла из длинной холщевой рубахи и широких коротких шаровар, поверх рубахи надевался безрукавный цветной бешмет, а на него летом — пестрый халат шёлковый или ситцевый, в зависимости от благосостояния, а зимой шубу — волчью или лисью с длинными узкими рукавами. Шубу или халат киргизы подпоясывали широким кожаным ремнём, который украшали бляхами и металлическими пуговицами. К поясу привешивался кожаный кисет для ножа и трубки. За пояс обычно затыкали нагайку, украшенную кольцами. На ногах киргизы носили мягкие козловые сапоги с мягкой подошвой без каблуков. Выходя на улицу, надевали кожаные калоши. Одежда женщин-киргизок схожа с мужской. Женский бешмет имеет ещё больше костяных или металлических пуговиц и блях. Замужние киргизки повязывали голову большим белым бумажным или холщевым покрывалом, концы которого спускались на плечи и спину. На лоб, под покрывало, они надевали накладку, обшитую мехом и украшенную серебряными монетами. Девушки носили на голове шапочку из лисьего меха, верхушка которой покрывалась различными украшениями. Киргизская невеста выходила замуж в «саукелэ» —

старинный киргизский головной убор в виде сахарной головы высотой до одного аршина, украшенный серебряными позолоченными бляхами со вставленными сердоликами, нитками кораллов и жемчуга. Этот убор надевался во время свадьбы и молодыми женщинами в первый год замужества в особо торжественных случаях [4]. У всех киргизок волосы были заплетены в косы. У замужних женщин — в три косы, а у незамужних — в несколько тоненьких. Шею киргизки украшали бусами, а пальцы — перстнями с камнями [3, с. 27—28]. У киргизов существовала экзогамная система брачных отношений, запрещались браки между членами родов до седьмого колена. Обычное жилище киргизов — юрта, круглая палатка, деревянные решётчатые стены которой обложены войлоком. Вверху оставлялось отверстие для света и выхода дыма. Дверь юрты деревянная или войлочная. В случае если она открыта, это значит, что хозяин дома и каждый может войти, если закрыта — хозяина нет дома или он спит. Посреди юрты, под отверстием, устраивался очаг из кирпичей, над которым висел котёл. Очаг служил как для тепла, так и для приготовления пищи. Снаружи юрта богатого киргиза расшивалась цветным сукном, а внутри пол и стены украшались коврами и парчой [4]. В юрте располагалось имущество: с одной стороны от двери стояли сундуки с одеждой и разными ценностями, с другой — низкая кровать, закрытая пологом, а впереди низкий круглый стол, за которым киргизы принимали пищу. Для хранения кумыса в юрте лежит «саба», это мешок из копчёной кожи, обычно конской, напоминающий четырёхугольную бутыль большой вместимости до 20—40 вёдер [4]. По стенам юрты висели сёдла, конская сбруя, оружие, разные вещи. Богатые киргизы имели несколько юрт, в которых размещались члены семьи. В юртах бедных киргизов размещали, кроме людей, недавно родившихся ягнят, жеребят, телят, верблюжат. Юрта легко снималась и ставилась, этим обычно занимались женщины. Войлоки и покрывала сворачивали в трубки, жерди для решётки связывались, всё имущество складывалось в арбу, готовясь к перекочёвке.

Основой общественных связей среди киргизов служили общие интересы и цели, возникшие в процессе общественного производства, реализующиеся в виде общины. При общинном владении землёй каждый род имеет свой определённый участок, на котором каждый родович может иметь свои зимовки и летовки, пашни. Каждый род постоянно следил, чтобы «чужие» не занимали их земель. Осуществление необходимых звеньев производственного процесса скотоводов требовало трудовых затрат значительного количества людей, объединение их в общины. Деятельность возникшей кочевой общины напрямую связывалась с сезонным выпасом скота.

Киргизы конца XIX века делили себя на два сословия: «белая кость» и «чёрная кость». К белой кости принадлежали знатные киргизы, считающие себя потомками великих предков. К чёрной кости, как не имеющие ясных доказательств своего высокого происхождения, — все остальные [3]. Н. В. Леденёв в своей книге «История Семиреченского казачьего войска» делит киргизов на кара-киргизов и киргизов-казаков. Кара-киргизы делились на колена, которые, в свою очередь, состояли из множества мелких родов. Во главе родов стояли манапы, то есть родоначальники, власть которых переходила по наследству от отца к сыну. Все манапы считались равными между собой, но в исключительных случаях подчинялись старшему в колене манапу. Каждому манапу подчинялось некоторое количество семей, по числу которых определялось значение манапа, сильным считался имеющий более 500—700 семей.

Подданные манапа назывались «бухара», то есть чернь. Каждый манап в своём роде был безоговорочным правителем, ему принадлежало не только имущество подданных, но также право их жизни и смерти. Все сословия входили в джуз, или орду, большую, среднею и малую [5], или, по другому, в старший (Улы), средний (Орта), младший (Киши) джуз. В старший джуз входили племена: жалаир, ошакты, канглы, шаныкшлы, дулат, албан, суан, шапрашты, сарыуй-сын, срегли, ысты.

Средний джуз состовляли племена: аргын, найман, кыпчак, керей, конрад. Киргизы младшего джуза делились на три крупных объеденения: алимулы, байулы, жетеру [1, с. 192]. Внутриродовая связь была чрезвычайно крепкая, случись какое-либо несчастье с одним из представителей рода, он мог смело рассчитывать на заступничество и помощь своих родичей. В быту киргизов-казаков также лежало родовое начало, хотя и не в той силе, как у кара-киргизов. Во главе родов стояли султаны, подчинявшиеся ханам, а с появлением русских — старшим султанам [5, с. 48]. Официальной религиозной доктриной киргизов конца XIX—начала XX века был ислам, однако глубина верования и следования доктринам ислама в разных социальных группах киргизов была различной.

Наиболее полно ислам, как образ жизни, соблюдался киргизской знатью, умело использующей его в своих интересах. Активен ислам в земледельческих поселениях, городах, где имелись мечети, медресе и разные культовые сооружения. Основная масса киргизов весьма условно знала основы ислама. Как это ни странно, исламизация степи происходила при активном участии и помощи правительства Российской империи. В 1782 году издан указ о построении в степи за государственный счёт мечетей, в 1785-м — о строительстве при мечетях мусульманских школ. В 1787 году для бесплатной раздачи киргизам, согласно императорскому указу, напечатан полный арабский текст Корана, в период с 1789 по 1798 гг. он переиздавался пять раз. 15 декабря 1800 года сняты ограничения на публикацию в России исламской литературы, затем открыта первая мусульманская типография в Казани [6].

В своей статье «О мусульманстве в Степи» в 1863—1864 годах Чокан Валиханов пишет: «Мусульманство пока не въелось в нашу кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами ещё много таких, которые не знают и имени Магомета, и наши шаманы во многих местах Степи ещё не утратили своего значения. У нас в Степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора» [7]. Действительно, Киргизы второй половины XIX века всё ещё в большинстве своём жили в согласии с традициями культа тенгрианства, сохраняя культ умерших предков. В таких условиях организация православной миссии была очень кстати с большим потенциалом на успех. С опозданием на 17 лет открытие такой миссии состоялось только в 1881 году, да и то в самом мизерном объёме, когда Ислам прочно укрепился в Степи.

Библиографический список

1. История Казахстана с древнейших времён до наших дней. Очерк / Ред.-сост. : А. К. Акпиев [и др.]. — Алма-Ата, 1993. — С. 186.

2. Усов, Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска / Ф. Усов. СПб., 1879. — С. 68.

3. Скальский, Климент. Омская епархия / Климент Скальский. — Омск, 1900. — С. 27.

4. Ухтомский, Э. Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890—1891) / Э. Э. Ухтомский. В 2 т. Т. 2. — СПб., 1897. — С. 269.

5. Леденёв, Н. В. История Семиреченского казачьего войска / Н. В. Леденёв. — Верный, 1909. — С. 47.

6. Голубцов, С. В. Киргизская (казахская) миссия Русской Православной Церкви / С. В. Голубцов // Вестник Омского университета. — 2011. — № 2. — С. 313.

7. Валиханов, Ч. Ч. О мусульманстве в Степи / Ч. Ч. Валиханов // Собр. сочинений. В 5 т. Т. 4. — Алма-Ата, 1985. — С. 71.

ГОЛУБЦОВ Сергей Владимирович, кандидат богословия, соискатель кафедры философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; иерей, настоятель прихода в честь Св. Пророка Илии города Омска, докторант докторантуры и аспирантуры им. Кирилла и Мефодия Русской Православной Церкви Московского патриархата. Адрес для переписки: г. Омск, ул. Интернациональная, 25.

Статья поступила в редакцию 03.06. 2015 г.
© С. В. Голубцов

УДК 165.12

Т. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Омский государственный медицинский университет

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАТЕЛЬНОГО ОПЫТА

Целью статьи является выявление и критический анализ исходных предпосылок исследования феномена сознания, обусловливающие и методологические приемы работы, и разрабатываемые концепции сознания.

Ключевые слова: сознание, философия, принципы.

Сознание подобно глазу,
который видит всевозможные формы,
но не видит себя самого.
Свет сознания проникает повсюду
и поглощает все,
так почему же оно не знает самого себя?
Фо Янь

Природа человеческого сознания в течение более чем двух тысячелетий привлекает внимание религиозных мыслителей, философов, физиологов, психологов, генетиков, нейробиологов, специалистов в области когнитивных наук и даже физиков. Но, несмотря на это, сознание до сих пор остается величайшей тайной. Оно всякий раз «ускользает» от нас, как только мы пытаемся создать ту или иную теорию, объясняющую данный феномен. По мнению ряда исследователей [1], сознание находится сейчас в гораздо худшем положении, чем некогда находилось бытие. Бытием просто не занимались, ибо не могли ему дать дефиницию, считали его самым общим, а посему и так ясным понятием и вообще чем-то само собой разумеющимся. Сознанием, напротив, все время занимались и занимаются, но эти занятия всегда сводились (и сводятся) к двум основным тенденциям, которые, в сущности, нивелируют сознание, не принимают данную проблему всерьез.

Первая из них (и самая простая) — освободиться от сознания — объявить его помехой: сознание *мешает* философу поздней античности чувствовать мысль, современному мыслителю — вслушиваться в Бытие. И вторая — так переопределить феномен, чтобы он перестал быть самим собой: приписать ему физиологические внутренности, или заключить в оболочку социального опыта, или разбить на первичные элементы — психологические, если это ощущение, или структурные, если это члены «бинарных оппозиций». Обычно это ведет к элегантной теории, но проблема никуда не уходит.

Обилие эмпирических данных и огромное количество информации о различных психических феноменах, накопленных наукой за последние десятилетия XX в., породило множество теорий сознания, однако решение, проясняющее природу сознательного опыта, которое удовлетворило бы всех, так и не найдено. Почему так происходит? Почему мы, располагая мощной научно-исследовательской методологией, по-прежнему «топчемся на месте»?

Безусловно, неудовлетворительность научных и философских решений проблемы сознания свидетельствует в первую очередь о расплывчатости самого понятия, о неясности той сущности, которая мыслится в данном феномене. Об этом говорят и сами исследователи. Между тем совершенно оставляется без внимания еще один аспект, влияющий на неудовлетворительность предлагаемых решений, — *исходные предпосылки* исследования сознания. То есть те базовые принципы, которые неявно «руководят» поисковой деятельностью ученого и тем обусловливают и методологические

приемы работы, и разрабатываемые концепции сознания.

Анализ ряда работ, посвященных проблеме сознания, позволяет выявить следующие принципы, порождающие целый спектр сопутствующих проблем, отнюдь не легких.

1. Презумпция естественности. Суть его в том, что при исследовании сознания мы должны исходить из предположения о его естественной природе, подпадающей под действие законов природы (хотя и не обязательно эти законы должны быть физическими (как в случае супервентного физикализма). Другими словами, по аналогии с принципом презумпции невиновности, мы не можем «обвинять» сознание в сверхъестественной природе (и происхождении) до тех пор, пока его «вина» не будет строго доказана.

Так, Д. Чалмерс оговаривает, что разрабатывая свою концепцию сознания, он признает сознание естественным феноменом вроде движения, жизни, познания, требующем объяснения в том же ключе, что и они [2].

На первый взгляд, это кажется вполне очевидным и потому приемлемым. Однако мы не можем знать заранее, какие именно потенции природы не реализуемы в принципе и потому что следует относить к разряду сверхъестественного/естественного проявления. В лучшем случае мы знаем (и то далеко не о всех) только о тех возможностях, которые уже реализованы природой. Отсюда вывод: принцип заключает в себе парадокс, ибо презумпция допустима лишь в случае, если сущность изучаемого феномена известна до начала исследований.

Более того, легко ли исчерпать все «естественные» объяснения? Вряд ли это возможно. Поэтому практическое применение принципа презумпции приводит к тому, что любой опыт сознания «неукоснительно» (т. е. всегда!) будет истолкован исключительно как естественный феномен.

Если вообще обратиться к дихотомии естественное/сверхъестественное, то она далеко не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд. В частности, если в онтологическом аспекте мы можем (хотя и условно) рассматривать это отношение как дихотомическое, то в гносеологическом плане это уже принципиально невозможно. А именно логическим следствием применения некоторого комплекса критериев (как естественности, так и сверхъестественности) к какому-либо феномену будет один из следующих результатов: а) сверхъестественное, не-естественное; б) не-сверхъестественное, естественное в) сверхъестественное, естественное; г) не-сверхъестественное, не-естественное.

Первые два варианта представляют собой белее менее определенный ответ на поставленный вопрос — опознание феномена в первом случае как «вероятно сверхъестественного», во втором — как «вероятно естественного». Последние два варианта — ответы неопределенные, демонстрирующие необходимость применения к данному феномену иной системы критериев, либо необходимость переформулировать феномен, перевести его в иной понятийно-языковой каркас (интерпретировать в иной теоретической онтологии).

2. Принцип простоты (экономии мышления), регламентирующий процедуру умножения реальности. В некотором смысле этот принцип отсылает нас к первому. Согласно данному принципу, при объяснении какого-либо явления, если объяснений существует несколько и они одинаково хороши и логически непротиворечивы, следует (при прочих равных условиях) руководствоваться самым простым. По сути, это означает: нет необходимости вводить новые законы, чтобы объяснить какое-то неизвестное явление, если это явление можно исчерпывающе объяснить старыми законами.

Однако значит ли это, что «простое» объяснение отражает действительность вернее, исчерпывающе, чем «сложное»? Полагаю, нет. Хотя бы потому, что относительны сами критерии сложности и простоты. К тому же не следует забывать и о проблеме надежности знания и неоднозначности оценок истины, широко обсуждаемой в современной философской аудитории.

Иногда этот критерий формулируют в виде «бритвы Оккама»: «сущностей не следует умножать сверх необходимого», но и здесь встает вопрос — а что такое «необходимое»? Система мира Птолемея нагромождает эпициклы на деференты, не вводя при этом «новых сущностей», и позволяет точнее рассчитывать положение планет, чем гелиоцентрическая система Коперника. Значит ли это, что вводить последнюю «не было необходимости»? Или что система Птолемея «проще и вернее» отражает действительность?

Следуя данному принципу в случае объяснения феномена сознания, приходится признать, что нет необходимости допускать существования в мире двух реальностей, если можно ограничиться одной — физической (ежедневно воочию наблюдаемой). Всякое монистическое устройство мира проще дуалистического. При этом упускается из виду, что сознание не менее реально (ежедневно воочию «наблюдаемо»), чем физический мир.

Вообще, можно утверждать, что наша уверенность в существовании сознательного опыта превышает нашу уверенность в существовании чего-либо еще в мире. Поэтому предлагаемые дуалистические теории руководствуются вполне минималистским инструментарием; он ничего не добавляет к миру, но лишь констатирует то, что в нем с очевидностью есть. Феноменальные факты и физические факты — это то, из чего складывается универсум и ни одно из этих измерений нельзя отбросить без того, чтобы недопустимо не исказить картину мира. Элиминировать одно из этих измерений — значит, злоупотребить принципом простоты, и поступить с миром так, как если бы мы решились отсечь кому-то все четыре конечности, желая сделать его тело компактнее.

Очевидно, что принцип экономии мышления требует выяснения хотя бы приблизительных границ его применимости. В противном случае мы периодически будем сталкиваться с ситуацией, схожей с анекдотично известной: когда ученики попросили Платона дать определение человека, философ сказал: «Человек есть животное на двух ногах, лишенное перьев». Услышав это, Диоген поймал петуха, ощипал его и, принеся в Академию, объявил: «Вот платоновский человек!». После чего Платон добавил к своему определению: «И с плоскими ногтями».

3. Принцип целостности знания. Несмотря на все неудачно предпринятые попытки философов XX в. решить проблему единства научного знания, этот принцип до сих пор имплицитно используется в качестве основания исследования сознания. Комплексный подход к объяснению природы сознания, опирающийся на множество разнородных научных дисциплин, так сказать «взгляд с научного

перекрестка» — не что иное, как демонстрация применения данного принципа.

Принцип целостности знания базируется на идеале «единой науки», предположительно обладающей практически бесконечным объяснительным потенциалом. Но коль скоро знания едины, то мы должны наблюдать и единство научных дисциплин их продуцирующих. В действительности же имеет место обратная ситуация — научное знание в процессе своего развития показало качественную разобщенность (дифференциацию наук), разнородность, обнаруживаемую, прежде всего, на уровне концептуальных моделей реальности.

Тем самым принцип целостности знания эксплицируется как проблема, заключающаяся в упорядочении и субординации всех существующих теорий на основе единых универсальных процедур и техник исключительно формального, преимущественно логико-лингвистического характера. Иными словами, требуется соотнести и согласовать между собой различные логические языки теорий. В связи с этим решающее значение приобретает вопрос о совместимости (соизмеримости) последних, т.е. о возможности с помощью логико-лингвистических операций перевести выражения одного языка теории на язык другой теории и vice versa.

Кроме того, приведение всего универсума знания к единству предполагает построение всеобъемлющей системы, упорядочивающей знания по определенным избранным принципам. Во всем этом присутствует элемент искусственности и произвольности, что вновь приводит к противоречию. Представление о системности знания полагает таковую в качестве объективного свойства, в то время как мы имеем — система это привнесенный аспект понимания или объяснения, а следовательно, чисто субъективная познавательная установка на реальность.

При таком подходе как бы конструируется дробность объекта, частям которого соответствуют специфические области знания, находящиеся, по сути, в формальной связи друг с другом [3].

4. Принцип дисциплинарного авторитета, отсылающий к онтологической и эпистемологической авторитетности естественных наук. Необычайная эффективность естественнонаучных дисциплин и их мощные средства по преобразованию, управлению и прогнозированию окружающего мира (включая человека и социум), гипнотически воздействуют на обыденное сознание человека (исследователь здесь не исключение), порождая доверие к их объяснительному потенциалу.

Параллельно с этим бытующее представление о том, что подлинная онтология строится не на основе субъективных взглядов людей на реальность, а на знании базисных структур, составляющих природный мир, заставляет исследователей чаще всего опираться именно на данные естественных наук, нежели на какие-либо иные. Симптоматичной в этом смысле является и ситуация с объяснительными стратегиями феномена сознания. В них не только ученые, но и большинство философов апеллируют к идеям компьютерных наук, эволюционной биологии, нейрофизиологии, квантовой физики. Вместе с тем ни одна из предложенных стратегий не увенчалась успехом. Так и не было найдено хоть сколько-нибудь приемлемого решения ни в отношении причин сопротивляемости феномена сознания, ни в отношении его предполагаемых границ, ни в отношении возможных подступов к нему. Это со всей очевидностью указывает, что апелляция к научному весу естественных дисциплин явно недостаточна.

Дисциплинарный авторитет приводит к тому или иному виду редукционизма, неявно предполагающему признание физического мира (все в мире является физическим или имеет физическую основу) более фундаментальным, нежели сознание. Вместе с тем для этого нет никаких серьезных оснований. Во-первых, потому что редукционистская методология — это лишь современный идеал науки, обусловленный традициями и культурой мышления нашей эпохи. И во-вторых, всегда следует помнить: физические, химические и биологические процессы «не более фундаментальны», чем сознание, в силу того, что конструирование указанных областей знания связано исключительно с когнитивной деятельностью самого сознания.

5. Принцип физической полноты Вселенной. По-другому этот принцип формулируется еще как принцип каузальной замкнутости физического универсума. Согласно ему, любое событие, происходящее в мире, должно быть результатом исключительно физических причин и не должно опровергать базовые физические законы. Иначе говоря, невозможна такая ситуация, когда в какой-либо момент времени в естественный ход событий вмешались бы силы, не подпадающие под действие физических законов [4]. Соответственно, отказ от этого принципа ведет к признанию того, что фундаментальные физические законы, например, закон сохранения энергии, могут нарушаться.

Этот принцип отчасти базируется на предыдущем, поскольку апеллирует к объяснительной адекватности физики, а значит, к ее научному авторитету. На основе этого делается заключение, что в мире не существует взаимодействий и процессов, которые не могли бы быть предметом исследования физики, а следовательно, и любой феномен (включая сознание) может быть предметом изучения данной дисциплины. А имеющиеся на сегодня «белые пятна» в объяснении сознательного опыта (его качественности, субъективности, моральной окрашенности и др.) будут ликвидированы в будущей единой физике.

Однако физическое объяснение феномена любого типа хорошо подходит для разъяснения его структуры и функции. Но объяснить сознание, опираясь только на это невозможно. После объяснения любых физических процессов, предположительно лежащих в основе сознания — структуры мозга и механизмов осуществления его различных функций, — нам еще надо объяснить, почему вся эта структура и функции должны порождать субъективный внутренний опыт? В рамках данного принципа ответить на этот вопрос не удастся.

В целом следование данному принципу указывает на принципиальное игнорирование проблемы идеального в платоновском смысле или так называемого «третьего мира» (мира объективного содержания мыслей) в попперовском смысле, являющегося онтологически иным, не относящимся к физической сфере.

6. Принцип каузации. Это базовый принцип наличия в мире причинно-следственных связей. Собственно следствием данного принципа являются презумпция естественности и принцип физической полноты Вселенной.

Этот принцип имеет решающее значение при объяснении феномена сознания. Одним из фактов, касающихся сознания, является то, что при

возникновении какого-либо феноменального состояния всякий раз возникает какое-то психофизиологическое состояние (ощущение цвета, формы, глубины, звука, запаха и т. п.). Сосуществование феноменальных и психофизиологических качеств дало основание многим исследователям (в особенности нейрофизиологам) полагать, что то или иное феноменальное состояние всегда можно вычленить с помощью соответствующего психофизиологического. Что между этими двумя состояниями имеется генетическая (и в прямом и переносном смысле) и необходимая связь. В итоге возникло искушение — допустить, что сознание объяснимо на основании одного единственного состояния — психофизиологического. А точнее, что субъективный опыт возникает «в результате определенной организации происходящих в мозге процессов и сопоставления в зонах коры новой информации с той, которая извлечена из памяти» [5]. Это весьма заманчивый шаг, т. к. делает проблему объяснения сознательного опыта на удивление прозрачной — выяви причину, зиждущуюся на процессах в корковых областях, и ты поймешь ее следствие — появление феноменального опыта.

При этом упускается из виду, что существование причинно-следственных связей, не только между психологическим состоянием или движением нервных импульсов и сознанием, но и между любыми явлениями представляет собой эпистемологическую проблему, высказанную еще Юмом. Он показал, что любые внешние свидетельства указывают лишь о существовании неких регулярностей в последовательности событий (вызывающих повторное раздражение наших рецепторов — если говорить языком физиологии), но никоим образом не обнаруживают наличие каузальности. В силу этого если каузальность конструируется нами как что-то дополнительное к регулярности, то не ясно, возможно ли вообще доказать ее объективное существование? Даже если бы мы располагали всей полнотой фактов о всех возможных явлениях, то всегда остается логически возможным, что все существующие в этих явлениях регулярности обусловлены громадной космической случайностью без какой бы то ни было реальной каузальности.

В проблеме «сознание—мозг» факт, указывающий на то, что изменения, происходящие в мозге, как правило, сопровождаются сменой ментальных состояний, приводят исследователей к однозначному выводу: о каузальной роли мозга в порождении сознания. Но не требуется труда показать, что этот факт совершенно недостаточен для подобных утверждений. Ведь он может быть согласован и с другими гипотезами. Всегда логически возможно допустить, что речь идет просто о последовательности или, в лучшем случае, о корреляционной зависимости, которая, кстати, не дает основания утверждать, что одно является причиной другого, или что два явления вообще причинно связаны между собой, а не наблюдается при этом действие какого-то третьего фактора.

Вообще, при более близком рассмотрении идеи каузации между процессами в мозге и сознанием появляется сомнение: не произошло ли здесь смешение понятий? Очевидно, когда мы говорим об ощущении голубого, наши рассуждения далеко не эквивалентны рассуждению о «состоянии, порождаемом наблюдением неба или океана». Тем самым, быть феноменальным состоянием — значит, переживаться определенным образом, быть психологическим состоянием — значит, быть объяснительной основой поведения.

Это смешение, вероятно, вызвано бедностью нашего специфически феноменального языка в сравнении с психологическим. Как отмечает Д. Чалмерс [2], у нас нет независимого языка для описания феноменальных качеств. Язык, с помощью которого мы рассуждаем о феноменальных качествах, производен от нашего нефеноменального языка, т. е. не существует «чистых» слов об ощущении. Соответствующие переживания никогда не описываются в терминах их внутренних качеств. К примеру, если речь идет о таком термине, как «ощущение голубого», его референт может быть по-настоящему зафиксирован лишь по отношению к чему-то внешнему. И мы по-настоящему обретаем понимание выражение «ощущение голубого» остенсивным путем — мы научаемся применять его к опытным данным, порождаемым небом, морем, океаном и т. д.

Какой вывод можно сделать из сказанного? Проблема сознания — беспокойная проблема; в этом феномене есть нечто неожиданное. И его исследование, вполне вероятно, нельзя вести обычными научными методами. Привычная научная методология испытывает трудности при работе с сознанием — не в последнюю очередь из-за проблем, сопряженных с наблюдением этого феномена. Дополнительная проблема кроется в выявлении тех неявных положений, что закладываются в основании исследования сознательного опыта, а также их критическом осмыслении. Следование же тем принципам, о которых говорилось выше, способно привести, пожалуй, только к одному выводу — сознания нет. Есть лишь элементы ощущения, либо нейрофизиологические процессы, либо квантовомеханические процессы и ets. Сама формулировка этих принципов переориентирует проблему сознания и направляет мысль исследователя по весьма сомнительному пути. Поскольку в сухом остатке после применения каждого принципа мы обнаружим одно — владея всей полнотой информации о физической (в широком смысле) стороне универсума, эта информация ни каким образом не приведет нас к допущению существования сознательного опыта.

Библиографический список

1. Молчанов, В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта / В. И. Молчанов // Логос. — 1992. — № 3. — С. 7—36.

2. Чалмерс, Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. — М. : УРСС: Кн. дом ЛИБРИКОМ, 2013. — 512 с.

3. Дудник, С. И. К проблеме единства научного знания / С. И. Дудник // Miscellanea humanitaria philosophiae. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. Сер. Мыслители. — СПб. : С.-Петербургское философ. об-во, 2001. — Вып. 5. — С. 48—56.

4. Иванов, Д. В. Природа феноменального сознания / Д. В. Иванов. — М. : Кн. дом ЛИБРИКОМ, 2013. — С. 14.

5. Иваницкий, А. Сознание и мозг [Электронный ресурс] / А. Иваницкий. — Режим доступа : http://wsyachina.narod.ru/psychology/consciousness.html (дата обращения : 21.04.2015).

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Татьяна Вячеславовна, кандидат философских наук, доцент кафедры физики, математики, медицинской информатики.
Адрес для переписки: tanyushavd@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.04.2015 г.
© Т. В. Добровольская

УДК 101.1

Ю. Ю. ЗВЕРЕВА

Омский автобронетанковый инженерный институт

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье поднимается метафилософская проблема анализа философского знания. Специфику философского познания предлагается исследовать с помощью композиционного принципа. В статье ставятся и решаются две взаимосвязанные задачи. Первая — раскрыть методологическое значение принципа композиционности на основе анализа философского знания; обосновать его метафилософский статус. Вторая — определить сущностную специфику философского познания с позиции его композиционности; обосновать значение композиционности как критерия философского знания в аспекте его концептуальности.

Ключевые слова: композиционность, познание, концепт, форма, содержание.

Исследование философского знания — предмет метафилософии. С метафилософских позиций такое исследование всегда сталкивается с рядом объективных трудностей, выступающих сущностными чертами философии как вида познания. Во-первых, это предельная абстрактность философских учений и категориального аппарата. Во-вторых, уникальность и неповторимость стиля философствования как отдельных ее представителей, так и целых исторических эпох. В-третьих, гносеологический статус философского познания, который можно обозначить как трансгносеологический, то есть удовлетворяющий в части своих существенных признаков разным видам познания — научному, художественному и даже обыденному. Вместе с тем специфика самой философии, как типа знания, не растворяется в разнообразии оригинальных способов его репрезентации и не сводится ни к одному из тех видов познания, с которыми имеет общие признаки.

На эту особенность философских текстов обращал внимание М. К. Мамардашвили: «Допустим, что перед нами несколько текстов совершенно разной природы и характера — житейский, художественный, научный, философский, религиозный и т.д. Разумеется, мы безошибочно определим, какой из них философский» [1]. М. К. Мамардашвили в качестве критерия идентификации предлагает полагаться на чувство интуиции и утверждает, что рациональные критерии, если они и существуют, то в своем бесконечном многообразии только запутывают голос интуиции. Тот факт, что даже критерии демаркации научного знания — методологически сложная и исторически изменчивая проблема для эпистемологии может оказаться психологически непреодолимым для исследователя метафилософии.

Хорошими методологическими ориентирами в исследовании специфики философского знания являются постнеклассические требования, предъявляемые к облику современного познания, такие как тенденциальная реализация критериев демаркации, гибкость и вариативность методологических принципов. Опираясь на данные требования, для исследования особенностей философского познания предлагается использовать принцип композиционности. В основе композиционности как принципа познания лежит идея об априорной композиционности мышления, которая реализуется в разных гносеологических практиках, и в том числе во всех видах познания.

Принцип композиционности включает три аспекта: творческий, характеризующий композицию как процесс создания неповторимых, уникальных единиц — произведений; прагматический, реализующийся как процесс упорядочивания разнородного материала при помощи единых правил; и концептуальный, который характеризует композицию как сложную целостность, системное образование. Каждый из трех аспектов проявляется через ключевой признак. Творческий аспект — через доминантность, которая выражает активный, целостный и целенаправленный характер сознания субъекта, формирующий ключевую оппозицию «центр—периферия». Прагматический аспект — через структурность, которая фиксирует момент упорядочивания, подчинения частей целому. Концептуальный аспект — через взаимосвязь формы и содержания, которая обеспечивает адекватность познавательного инструментария содержательной составляющей познания.

Многообразие видов познания обусловлено доминированием того или иного аспекта и соответствующего признака в конкретной познавательной практике. В целях обнаружения композиционной специфики философского познания необходимо рассмотреть его в сопоставлении с другими видами познания.

Как уже отмечалось, у философии есть общее и с обыденным знанием, и с художественным, и с научным познанием, однако она не есть в чистом виде ни то, ни другое, ни третье.

1. С обыденным знанием философию объединяет понятие «мировоззрение». Философию чаще всего определяют как высший теоретический уровень мировоззрения, содержащий руководство к формированию определенного образа жизни, направленного на раскрытие ее смысла. Таким образом, философия — это своего рода предел обыденного знания, а обыденное знание, выраженное в мировоззрении, есть базовый исходный уровень знания философского.

Жизненный опыт является одним из важнейших источников философствования. Собственно,

это и позволяет относить интеллектуальное творчество мыслителя к тому или иному периоду истории философии не просто хронологически, но парадигмально, в соответствии с характером постановки и решения ключевых проблем. Поэтому Фалеса называют одним из первых античных философов, Боэция именуют «последним римлянином», а И. Канта считают родоначальником немецкой классической философии, и т. д.

У своих истоков философское знание, зародившееся в античной Греции, выступало в форме мировоззрения, оно выражало стремление человека упорядочить знания об окружающем мире, гармонично встраивая индивида в структуру общества, а последнее, в свою очередь, в структуру Космоса. В дальнейшем эта тенденция, наиболее близкая обыденному знанию, сохраняет свою значимость в религиозной философской традиции, усилившейся в средневековье и характерной, в частности, для русской философской мысли, часто находившей выражение в жанрах проповеди, исповеди, поучения.

Мировоззренческие черты обыденного знания сохранились и в светской философской традиции, реализуясь преимущественно в этической составляющей философского учения. Философия предписывает систему правил поведения, способствует самоопределению человека в мире и помогает органично сосуществовать с окружающими людьми. Поэтому в качестве мировоззрения философское знание, как и обыденное, основано на преобладании структурности, то есть прагматического аспекта композиционности.

2. Существует ряд аргументов в пользу научности философского знания. Эталону классической научной рациональности в полной мере соответствуют философские трактаты Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта, Г. Гегеля, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, К. Поппера, Т. Куна и др.

В качестве науки философия стремится к всеохватности и универсальности, претендуя стать объяснительной моделью мира. Язык философии — это язык категорий, благодаря которым философ стремится выявлять универсальные принципы, и закономерности, следуя при этом определенной методологии. Это выражается в современной дисциплинарной дифференциации философского знания, позволяющей структурировать философское учение, обнаруживая в нем онтологическую, гносеологическую, антропологическую, этическую, эстетическую и другие составляющие.

На этом уровне тоже доминирует прагматический аспект композиционности, так как философское знание должно быть логически выстроенным. Однако если бы в ней был выражен лишь этот аспект, то невозможно было бы разграничить философию и науку.

3. Нередко философия тесно смыкается с искусством, переходя на язык повествования и метафор, ярко выражающих авторский стиль мышления философа, который мы видим в произведениях Платона, Ф. Ницше, Ф. Достоевского, Ж.-П. Сартра и др.

С художественным знанием философию объединяет, во-первых, выраженность индивидуального начала. Это позволяет говорить о том, что в философском знании доминирует субъект-креатор. У философской системы всегда есть автор со своим уникальным стилем рассуждения и подходом к решению проблем.

Во-вторых, еще одна общая точка, объединяющая философию и художественное знание, — это текстуальная организация. Философский текст должен пониматься широко, как совокупный результат интеллектуальной деятельности философа, то есть его учение. В отличие от художественного знания, выражающегося в реальности художественного текста, философский текст по форме может быть и художественным, и научным.

М. К. Мамардашвили предлагает разделять все философские тексты на две большие группы: прямые (аналитические), требующие определенного набора знаний, приложения интеллектуальных усилий для их понимания, и косвенные (выразительные), направленные к эмоциональной стороне восприятия, нуждающиеся в расшифровке и интерпретации. Последние он называет текстами-«проповедями». «Прямой текст обращен к нашей способности рассуждения и понимания. Объект и текст здесь как бы едины... «Проповедь» есть передача некоего состояния, внушение нам его. В этого рода текстах... не столько формируется понимаемое только самим автором содержание, сколько присутствует желание заразить им своего читателя» [2]. В этом смысле к косвенным выразительным текстам можно отнести различные группы философских текстов:

— художественные тексты, написанные философами-иррационалистами, (например, «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше);

— литературные формы философии (например, художественные произведения представителей русской философской мысли — Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, «Философские повести» Ф. Вольтера, «Похвала глупости» Э. Роттердамского, философская афористика А. Шопенгауэра, Б. Паскаля, С. Кьеркегора); работы некоторых экзистенциалистов (например, «Стена», «Тошнота» Ж.-П. Сартра, «Миф о Сизифе», «Бунтующий человек» А. Камю);

— религиозно-философские трактаты и тексты, имеющие ярко выраженную этическую направленность (например, «Исповедь» Августина, «Смысл творчества» Н. А. Бердяева, «Размышления» Марка Аврелия, «Опыты» М. Монтеня), или попытки рационализации мистического опыта (например, «Аврора...» Якоба Беме) и апофатические труды (например, «Об ученом незнании» Н. Кузанского, «Непостижимое...» С. Л. Франка);

— автобиографические трактаты (например, «История моих бедствий» П. Абеляра, «Племянник Рамо» Д. Дидро) и художественные реконструкции реальных событий (например, «Апология Сократа» Платона, «Разговор Д'Аламбера с Дидро» Д. Дидро) и другие.

С другой стороны, некоторые, казалось бы, по своей тематике косвенные тексты, реализуются как прямые, поражая своей наукообразностью. Например, «Этика» Б. Спинозы, написанная «геометрическим» стилем, «Трактат о принципах человеческого знания» Дж. Беркли, задуманный как апология христианской религии, произведения некоторых иррационалистов, оперирующих вполне рациональным категориальным аппаратом, как, например, «Творческая эволюция» А. Бергсона, «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра. К этой же категории можно отнести рациональный анализ нравственного и эстетического у И. Канта в «Критике практического разума» и «Критике способности суждения», теологические трактаты, в которых

подвергается рационализации религиозная вера (например, в «Суммы» Фомы Аквинского, «Прослогион» Ансельма Кентерберийского) и многие другие.

Важно отметить, что некоторые тексты, имеющие вполне рациональное содержание, реализуются как иррациональные по форме (например, диалоги Платона). Точно так же справедливо и обратное, многие философы, говорящие об иррациональном, делают это на языке понятий и категорий (например, исследование бессознательного З. Фрейдом).

В первом приближении кажется очевидным, что если текст художественный по форме, то он должен подчиняться композиционным закономерностям художественного текста. Для такого текста структура — не самоцель, значит, прагматический аспект композиционности отходит на второй план. Для этого типа философских текстов не обязательно быть жестко структурированными и тотально логичными. Намного важнее внутренняя логика повествования, логика художественного образа, художественная правда.

В том случае, когда текст по форме аналитический, то он должен конструироваться в соответствии с критериями научной рациональности.

С вышеописанных позиций, предлагаемых М. К. Мамардашвили, понятие собственно философского текста растворяется в своих полярных противоположностях — аналитическом и выразительном. Однако это не всегда так, поскольку не все многообразие философских текстов может быть бинарно отсортировано. Таким образом, вопрос о критериях философичности текста таким делением не снимается.

Поскольку ни прагматический, ни творческий аспект композиции не являются специфицирующим для философского познания, можно предположить, что на первый план в нем выходит концептуальный аспект. Однако это еще надо обосновать. Если это так, то специфика философского текста может быть обнаружена через соотношение формы и содержания.

В своей этимологии «концепт» выступает как аналог понятия: «концепт является калькой с латинского conceptus «понятие», от глагола concipere «зачинать», т. е., значит, буквально «поятие, зачатие»; понятие от глагола пояти, др.-рус. «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены» буквально значит, в общем, то же самое» [3]. Будучи изначально термином математической логики, сегодня термин «концепт» широко применяется в лингвистической науке, искусствоведении, культурологии, философии, где обрастает различными коннотациями. В математической логике под концептом подразумевается исключительно содержание понятия, то есть синонимом концепта является смысл. В культурологии, напротив, о концепте говорят, когда подразумевают структуру, абстрагированную от конкретного эмпирического содержания. Этот же смысл сохраняется и в языкознании.

Исследования в области лингвистики показали, что концепт сложен по структуре и многоаспектен, он представляет собой ««пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово...». «Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [3]. Таким образом, понятие «концепт» констатирует гибридность философского знания, снимая вышеописанную двойственность философских текстов: образность роднит его с художественным, а дискурсивность — с научным познанием.

Таким образом, философский концепт репрезентирует определенное соотношение формы и содержания. Опираясь на типологию текстов М. К. Мамардашвили, можно разделить формы философских концептов на два типа — рациональную и иррациональную.

Рациональная форма философского концепта опирается на структурообразующий категориальный аппарат, и оперирует при этом преимущественно формально-логическим инструментарием в обосновании. В рациональную форму облекались теологические концепции средневековых философов-богословов — Фомы Аквинского, Ансельма Кентерберийского, в Новое время в индуктивистские и дедуктивистские поиски универсальной методологии знания Ф. Бэкона, Р. Декарта, в истории новейшего периода — позитивистской философии. Категориальный аппарат рационализма исторически развивался, при этом они всегда имели сторгую логическую дефиницию в пределах концепции. В качестве примера можно назвать априорные формы чувственности и рассудка, описанные И. Кантом в «Критике чистого разума», диалектические триады Г. Гегеля и т. п.

Иррациональная форма философского знания оперирует иным набором принципов и инструментов построения концепции. Эту линию можно назвать платоновской. Для концепции Платона характерно изложение философских идей в литературной форме диалогов, наличие персонажей, высокая образность и метафоричность повествования, сюжетность и другие черты, которые позволяют квалифицировать эти тексты не только как философские, но и как литературные.

Эта линия имела свое развитие как в жанре диалогов, так и в других литературных жанрах — автобиографических, эссеистских, утопических и др. повествованиях, например у Августина Аврелия, Алкуина, в Возрождении — у Данте Алигьери, Дж. Пико делла Мирандола, Э. Роттердамского, Т. Мора, в Просвещении — у Ф. Вольтера, Д. Дидро, в новейшей философии — у Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра и др.

Иррациональная форма философского знания тоже предполагает наличие категорий, специфичных для иррациональных концепций: «душа», «жизнь», «воля», «тоска», «тошнота» и т. п. Причем отношения между этими категориями не всегда однозначны и очевидны. В тех случаях, когда такие категории получают определение в рамках концепции, это определение, как правило, не дискурсивное, а художественное (описательное, метафорическое, аллегорическое и т. п.). В целом, для иррациональной формы философского знания характерны различные комбинации художественных приемов и черт литературного творчества: аналогия, аллегория, метафора, афористика, образность, эмоциональность и т. д.

Кроме того, одни и те же категории могут присутствовать в философских концепциях обоих типов, однако содержание их может существенно различаться. Из этого можно сделать вывод о том, что содержание имеет не меньшее значение для концепции, нежели ее форма.

Таким образом, если под формой философского знания понимается способ, которым категории представлены в философской концепции, то под содержанием — то, каким образом эти категории

трактуются, каким смыслом они наполняются. Этот смысл тоже может быть двояким — как рациональным, так и иррациональным. К иррациональным по содержанию концептам относятся области эмоционального и чувственного, в которых предметом осмысления становятся объекты религиозного, морального, психологического порядков, например, вера, любовь, творчество, воля и др.

Можно сказать, что концепт есть некая устойчивая структурированная целостность, которая предстает как результат визуализации понятия или же рационализации образа. В рамках конкретного концепта возможны различные комбинации рационального и иррационального. Имея в виду соотношение формы и содержания философского знания, как ключевой аспект его композиционности, воплощенный в философской концепции, можно произвести следующую классификацию философских концептов (текстов).

1. Концепции иррациональные по форме (способу исследования) и рациональные по содержанию (предмету исследования). В таких концептах при помощи художественных средств презентуются дискурсивные смыслы. Типичный пример — диалоги Платона, которые в художественной форме описывают интеллегибельную картину бытия — мир идей, постигаемых при помощи разума. Платон активно употребляет метафоры (например, тело — «гробница души») и аллегории (например, трехчастная структура души в виде колесницы с двумя конями и возницей), использует композиционные вставки (например, миф о пещере) и т. п.

2. Концепции рациональные по форме и иррациональные по содержанию. В этом типе концептов при помощи логических приемов (анализ, синтез, дедукция, индукция и др.) исследуются иррациональные объекты. В качестве примера можно указать на исследование бессознательного З. Фрейдом или доказательства бытия христианского Бога Ансельмом и Фомой. Возможно, одним из самых показательных примеров выступает логически отчеканенная формула нравственного поведения — категорический императив И. Канта.

3. Концепции иррациональные по форме и иррациональные по содержанию. Для этих концептов характерно использование разнообразных выразительных средств применительно к иррациональным объектам. Например, трактаты мистиков о божестве, в частности «Аврора...» Я. Беме, критика религии и нравственности в «Заратустре» Ф. Ницше.

4. Концепции рациональные по форме и рациональные по содержанию. Этот тип концептов строго придерживается категориальной матрицы, где каждому понятию дано определение и строго выдерживаются логические требования обоснования. В качестве примера можно рассмотреть трактаты Аристотеля, исследование закономерностей познания И. Кантом в «Критике чистого разума», «Науку логики» Г. Гегеля.

Таким образом, концептуальность философского мышления обусловлена третьим аспектом композиционности — диалектикой формы и содержания, хотя механизм философского познания объемлет и прагматический аспект, выражающийся в наличии структуры, а также доминанту, которая реализуется субъектом — креатором, то есть философом. Философский концепт является законченным целым, которое содержит обоснование именно такого соотношения своих элементов. Поэтому концепт является критерием верификации философского знания. Таким образом, композиционность философского познания определяется его концептуальностью.

Концептуальный аспект композиционности в философском познании подчиняет прагматический и творческий. Это значит, что философское познание может реализовываться на всех трех уровнях — мировоззренческом, текстуальном и концептуальным. При всем многообразии философских концепций, специфика философского знания не растворяется именно благодаря его композиционным особенностям.

Библиографический список

1. Мамардашвили, М. К. Введение в философию [Электронный ресурс] / М. К. Мамардашвили. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/MaM/01.php (дата обращения: 05.06.2015).

2. Мамардашвили, М. К. Современная европейская философия (XX век) / М. К. Мамардашвили // Логос. – 1991. – № 2. – С. 109–110.

3. Степанов, Ю. С. Концепт [Электронный ресурс] : слов. литературоведч. терминов / Ю. С. Степанов. – Режим доступа : //http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (дата обращения: 07.06.2015).

ЗВЕРЕВА Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
Адрес для переписки: the_besti@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.07.2015 г.
© Ю. Ю. Зверева

Книжная полка

Ан, С. Философия / С. Ан, В. Маркин, В. Фомин. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. – 400 с. – ISBN 978–5–9765–1745–5.

Учебное пособие соответствует требованиям Государственного образовательного стандарта третьего поколения. Пособие раскрывает основные этапы становления человеческих представлений о мире и очерчивает круг проблем, стоящих перед философией сегодня. Обращение к философско-антропологической проблематике есть концептуальная позиция авторов, ориентировавших свои лекции на будущих педагогов.

Для преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов и всех интересующихся мировоззренческими и методологическими проблемами философии.

УДК 001

Л. М. КАРПОВА

Омский государственный
педагогический университет

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Рассматриваются проблемы социально-гуманитарных наук в контексте вызовов науке, идущих со стороны общества потребления. Важнейшим из подобных вызовов является втягивание науки в процессы коммерциализации. Положение социальных и гуманитарных наук в обществе потребления все чаще характеризуется как кризисное, поскольку становится все более очевидным разрыв между фундаментальными исследованиями в науках социально-гуманитарного цикла в целом и социальной практикой.

Ключевые слова: наука, социально-гуманитарные науки, философские науки, ценности общества потребления, коммерциализация науки, научный этос.

Возникновение постиндустриального общества, в котором информация, знания занимают значительное место в ряду базовых социальных ценностей, создает, на первый взгляд, благоприятные условия для развития как естественных и технических, так и социально-гуманитарных наук.

Однако, как известно, трансформация общественных отношений привела к тому, что этот этап в развитии общества приобрел черты общества потребления, система ценностей которого проблематизирует существование науки, бросая ей серьезные вызовы. Перед лицом этих вызовов оказываются все науки: естественные, технические, социально-гуманитарные, поэтому имеет смысл сначала рассмотреть общие для всех наук проблемы.

Первым таким вызовом со стороны общества потребления можно назвать втягивание науки в процессы коммерциализации, то есть практического использования научных изысканий и разработок в производстве товаров (услуг), с тем чтобы эти товары или услуги можно было продать с максимальным коммерческим эффектом. Коммерциализация интеллектуальной собственности подразумевает использование интеллектуального труда для получения большей выгоды предпринимателями. То есть коммерциализация науки означает, по сути, превращение научных результатов в товар, обретение наукой рыночной стоимости.

На этот вызов наука в целом готова ответить, о чем свидетельствует как отечественная, так и зарубежная практика. Там, где научные разработки финансируются в необходимых масштабах, осуществляется необходимое производство научного «товара». Казалось бы, складывается вполне гармоничная картина взаимного удовлетворения интересов «производителя» — науки и «потребителя» — общества в лице конкретного заказчика. Вместе с тем по мере развития науки обнаруживается, что ее разработки требуют увеличения финансирования, с которым справляется далеко не каждое государство и не каждая частная компания. Возникает проблема выбора адресата финансирования: фундаментальной или прикладной науки. Со стороны общества и государства возникает вопрос (в явной или в неявной форме): зачем вообще нужна фундаментальная наука?

Ответ науки таков: все исследования носят, в конечном счете, прикладной характер, только одни из них обнаруживают свою полезность сегодня, а другие — в будущем. Кроме того, и формы этой «полезности» не всегда проявляются непосредственно, чаще всего — опосредованно. Подобный ответ противоречит интересам общества потребления, которое нацелено на финансирование прикладных наук и ожидает от ученых не просто быстрого, но наиболее эффективного результата.

Отсюда возникает проблема «прикладнизации» и «технологизации» науки, которая сегодня активно обсуждается научной общественностью. Так, на заседании «круглого стола», организованного редакцией журнала «Вопросы философии» в августе прошлого года под названием «Перспективы российской науки как социального и культурного института», его участниками высказывалась серьезная озабоченность разделением целостности науки на фундаментальные и прикладные исследования, противостоящие друг другу. Признавая объективность процесса «прикладнизации» науки, один из ведущих исследователей философии и методологии науки Б. И. Пружинин акцентировал внимание на поиске средств, которые могли бы противостоять редукции научного познания к совершенствованию технологий. Такие средства, по мнению исследователя, связаны с формированием экспертных сообществ, в которых происходит оценка и включение в широкий социокультурный контекст знаний, полученных в прикладном исследовании. Сами же экспертные сообщества опираются на фундаментальную науку, на систему знаний, которая, в свою очередь, обогащается экспертным знанием [1].

Процесс формирования экспертных сообществ и соответствующих институций, организующих их деятельность (например, Российский гуманитарный научный фонд — РГНФ, который объединил экспертов различных социально-гуманитарных дисциплин), открывает широкие перспективы развития социально-гуманитарных наук в целом и философии, в частности. Действительно, развитие прикладных исследований идет по пути образования все более сложных технологий, стремительное внедрение которых в повседневную жизнь делает социо-гуманитарную экспертизу их последствий для человека и общества все более и более востребованной. Но речь идет не только о послед-

ствиях практического применения научных знаний. Современная наука, как известно, все чаще имеет дело с объектами, представляющими собой человекоразмерные системы, само исследование которых необходимо предполагает междисциплинарный синтез, ядром которого становятся социально-гуманитарные науки. К сожалению, эта объективная востребованность социально-гуманитарных наук не осознается в полной мере как обществом в целом, так и теми государственными структурами, которые управляют наукой.

И здесь обнаруживается еще один вызов — проблема, состоящая в том, что коммерциализация науки, ее государственное финансирование порождают противоречия в сфере организации и управления наукой. Эти противоречия вызваны тем, что руководящая роль здесь чаще всего принадлежит людям, далеким от науки — чиновникам и прочим «эффективным менеджерам», которые полагают, что распоряжаться интеллектуальной собственностью сами ученые не в состоянии, поэтому надо брать научную деятельность (заметим, творческую) под строгий контроль и учет, сродни бухгалтерскому. Абсолютизация такой негласной установки приводит к плачевным для науки результатам.

Наиболее свежим примером подобного результата является использование наукометрических, точнее, библиометрических показателей, в частности, индексов цитирования, импакт-фактора для оценки эффективности научно-исследовательской деятельности. В среде ученых, как отечественных, так и зарубежных, преобладает мнение о том, что преувеличение роли количественных оценок научных исследований дезориентирует исследователей, которые вынуждены тратить большое количество времени не на научное творчество, а на выполнение формальных требований, приумножая количество статей (в ущерб монографиям), различными путями (подчас далекими от науки) обеспечивая себе высокий индекс цитирования.

Кроме того, к социально-гуманитарным наукам и философии подобные показатели вообще не применимы, хотя бы потому, что статья в этой сфере научного знания не может считаться единицей результативности научного труда. Речь идет, конечно, не о том, что статьи не должны учитываться, а о том, что в научном сообществе складываются собственные качественные оценки (как говорится, по «гамбургскому счету»), причем эти оценки не всегда относятся к результатам или открытиям каких-либо исследований, а чаще всего касаются новизны идей, подходов, концепций, методов, особенно, когда оцениваются социально-гуманитарные и философские исследования.

Об этом шла речь на заседании «круглого стола» в редакции журнала «Вопросы философии» в апреле 2014 года, посвященном теме «Можно ли измерять научное творчество?» [2]. Участники этой дискуссии — представители различных наук в большинстве своем пришли к выводу о том, что внедряющиеся сегодня в российскую науку библиометрические показатели не являются по-настоящему репрезентативными, носят формальный характер, а если и возникает потребность вынесения оценки тем или иным научным результатам, то ее в полной мере могут удовлетворить экспертные комиссии специалистов. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что и их адекватные оценки имеют относительный характер. И здесь мы возвращаемся к вышеупомянутой идее экспертных сообществ, институций, представляющих собой, по сути, формы научного самоуправления и самоорганизации.

Превращение научных знаний в товар вызывает необходимость пересмотра традиционных стандартов научно-исследовательской деятельности. Так, сегодня многие исследователи науки и научного творчества в нашей стране и за рубежом отмечают, что современная наука нуждается в новых этических ориентирах, поскольку положения известного этоса науки, предложенного Р. Мертоном, противоречат нацеленности современной науки на эффективность и конкурентноспособность.

Императивы научного этоса, выдвинутые еще в 1942 году этим крупнейшим социологом, такие как «универсализм», «коллективизм», «незаинтересованность», «организованный скептицизм», были затем дополнены автором еще двумя: «рационализм» и «эмоциональная нейтральность». В 1965 году Р. Мертон добавил к этим императивам еще один тип норм — «амбивалентности», которые, в отличие от императивов, не требуют однозначного следования им. Таких амбивалентностей оказалось девять типов. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что исследователь понимал, насколько сложна проблема самоопределения науки и ученых в обществе потребления.

Казалось бы, все это хорошо известно, и не стоит повторения. Однако, как показывает практика, эта проблема не только не устарела, а имеет тенденцию все более и более актуализироваться. Об этом свидетельствуют продолжающиеся обсуждения ее как в зарубежной, так и в отечественной философии науки. Итогом этих обсуждений в отечественной философии стала коллективная монография «Этос науки» [3]. Один из авторов этого исследования, Н. В. Демина, на наш взгляд, наиболее точно и лаконично выразила современное отношение к мертоновской концепции: «Шестидесятилетняя история развития идей Р. Мертона показывает, что его концепция оказалась столь глубокой и серьезной, что, несмотря на интенсивную критику и многочисленные попытки ниспровержения, она по-прежнему выполняет функцию "идеального типа" — основополагающей рамки для анализа деятельности ученых» [4, с. 162].

Таким образом, концепция Р. Мертона может быть и сегодня отправной для решения проблемы должного и сущего в сфере науки, которая, несомненно, может находить свои решения в области социально- гуманитарного знания, точнее, такой философской науки, как этика, что еще раз свидетельствует о востребованности гуманитариев и философов.

Этот акцент на проблеме востребованности социально-гуманитрных наук в обществе потребления не является случайным. Он позволяет обратиться к проблеме статуса и судьбы этих наук в обществе потребления, положение которых все чаще характеризуется как кризисное. Оценка их роли в обществе проистекает из исторически сложившегося мнения о неполноценности этих наук, которая обнаруживается при сопоставлении их с естественными и техническими.

Проблема эта, как известно, имеет давнюю историю, однако по-прежнему актуальна. Вполне уместно звучат сегодня слова Фритца Махлупа — американского экономиста и философа, который провел сравнительный анализ социальных и естественных наук по основным параметрам и пришел к выводу о том, что специфика со-

циальных наук и сложность любых социальных исследований состоит в том, что в них «практически нет удобных для оперирования переменных, часто невозможно поставить эксперименты, гипотезы практически всегда неверифицируемы; не существует никаких констант, на которые можно опереться в исследованиях — все проблемы мы вынуждены так или иначе брать в расчет. Да, пока социальные науки остаются действительно подчиненными, если подходить с точки зрения распределения финансовых и человеческих ресурсов в современной науке. Но такая ситуация вполне поправима в будущем, и мы будем на это надеяться» [5, с. 94].

Можно ли разделить эту надежду автора? Разумеется, можно, и аргументом в пользу этого являются вышеупомянутые человекоразмерные объекты, число которых в науке возрастает, поэтому будет возрастать потребность в междисциплинарном синтезе естественных и социо-гуманитарных наук. Вместе с тем, разделяя с автором надежду на «светлое будущее» этих наук, уместно поставить несколько взаимосвязанных вопросов: во-первых, имеются ли объективные основания для формирования мнения о кризисе социально-гуманитарных наук? Во-вторых, всегда ли ученые — обществоведы и философы достаточно активны в самопозиционировании в обществе? В-третьих, имеются ли пути практического решения проблемы невостребованности в обществе социально-гуманитарного знания?

Уже первые шаги поиска ответов на эти вопросы позволяют говорить о наличии разрыва между фундаментальными исследованиями в науках социо-гуманитарного цикла в целом и социальной практикой. И здесь следует развести гуманитарные (и отнести к ним также философию) и социальные науки, поскольку судьба гуманитарных наук в обществе потребления вызывает гораздо большие опасения, нежели социальных.

Гуманитарные науки оказываются невостребованными в обществе, где приоритетными становятся ценности рентабельности, эффективности, соревновательности и т.п. Сама природа этих наук такова, что свое воздействие на общество, свою полезность они проявляют не непосредственно, а опосредованно, и, прежде всего, через систему образования. К сожалению, в современной России этот канал с каждым шагом реформирования как среднего, так и высшего образования, все более и более сужается, несмотря на декларативные заявления о гуманизации и гуманитаризации образования. Налицо еще один вызов ученым — гуманитариям.

Науки социальные оказываются более успешными, нежели гуманитарные, поскольку чаще вписываются в процесс генерирования социальных технологий. Однако и здесь «прикладнизация» проявляет себя деструктивно.

Дело в том, что сугубо технологическая форма социального знания служит не столько объяснению социальной реальности, сколько ее изменению, направлена не на получение истинного знания, а на конкретный сиюминутный результат. Результатом применения такого социально-технологического знания чаще всего становится успешность манипулирования людьми, что противоречит гуманитарному характеру социальных наук. Примером тому может служить политтехнологическое знание.

Конечно, имеются в обществе потребления социально-гуманитарные проекты, в которых науки демонстрируют свою необходимость и успешность, но их крайне мало, и в их финансировании государство участвует слабо, если вообще участвует. И это характерно не только для России, но является проблемой как науки, так и образования в международном масштабе.

К сфере гуманитарного знания относится и философское знание, которое разделяет с ним нелегкую судьбу. И хотя судьба философии в современном мире — тема отдельного обсуждения, в контексте данной статьи можно утверждать, что и философия как наука стоит перед вызовами общества потребления.

Каков же должен быть ответ со стороны гуманитарного знания и философии? Это проблема, решение которой неустанно ищут философы и другие ученые-гуманитарии, обсуждая свои решения на страницах печати и философских конференциях и конгрессах разного уровня.

Вместе с тем налицо определенный дефицит социальной активности ученых: речь идет о том, что гуманитарии недостаточно позиционируют себя в обществе, не заняты серьезным поиском сфер (за границами сферы образования), где бы они были востребованы.

К рассмотренным проблемам социально-гуманитарного знания в целом, а в особенности философии, следует добавить еще одну, которую можно было бы охарактеризовать как их роль в противостоянии деструктивным тенденциям потребления. Хотя такой авторитетный исследователь общества потребления, как Жан Бодрийяр, раскрывая символическую сущность потребления, полагает, что процесс потребления безграничен, бесконечен и неистребим; он в то же время указывает, что этот «бесконечно-систематический процесс потребления проистекает из несбывшегося императива целостности, лежащего в глубине жизненного проекта» [6, с. 168].

Можно утверждать, что именно социально-гуманитарные науки и философия, направленные на совершенствование жизненных проектов человека и общества, восполняют этот дефицит целостности человеческого бытия.

Резюмируя, можно сказать, что в вызовах, идущих со стороны общества потребления гуманитариям, имеется конструктивный смысл: они мотивируют ученых на разработку междисциплинарных программ, имеющих значительную гуманитарную составляющую, они не позволяют философам отказываться от своей гуманитарной миссии.

Библиографический список

1. Перспективы российской науки как социального и культурного института. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 2014. — № 8. — С. 3—43.

2. Можно ли измерять научное творчество? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 2014. — № 4. — С. 50—74.

3. Этос науки : коллектив. моногр. / Отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская ; РАН ; Ин-т философии ; Ин-т истории естествознания и техники. — М. : Academia, 2008. — 544 с.

4. Демина, Н. В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм / Н. В. Демина // Этос науки : коллектив. моногр. / Отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская ; РАН ; Ин-т философии ; Ин-т истории естествознания и техники. — М. : Academia, 2008. — С. 144—165.

5. Махлуп, Ф. Действительно ли социальные науки по своему статусу являются неполноценными? / Ф. Махлуп // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. — 2012. — Т. XIV. Вып. 1. — № 69—70. — С. 82—94.

6. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. — М. : Рудомино, 1995. — 168 с.

КАРПОВА Лариса Михайловна, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии.
Адрес для переписки: larisse2005@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.07. 2015 г.
© Л. М. Карпова

УДК 130.2

Е. Н. МАКОВЕЦКАЯ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Омский филиал

БЕСПРЕДМЕТНОСТЬ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В СУПРЕМАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ К. МАЛЕВИЧА

В статье раскрываются онтологические основания живописи К. Малевича. Супрематизм анализируется не только в качестве оригинального авангардного течения в искусстве, но и в качестве определенной философии. Автором делается попытка соотнести идею супрематизма Малевича с феноменологией Э. Гуссерля и феноменологической онтологией М. Хайдеггера.

Ключевые слова: супрематизм, «Ничто», беспредметность мира, феноменологическая онтология, истина, «вещь».

Одним из радикальных новаторов живописи начала XX века можно считать русского и советского художника Казимира Малевича. Название его знаменитой картины «Черный квадрат», написанной в 1915 году, стало именем нарицательным, синонимичным апогею бессмысленности, но одновременно с этим — торжеству абсолютно субъективного взгляда человека-творца на окружающую действительность.

Однако еще ранее, в 1893 году, подобная работа была написана другим эксцентричным художником, французским журналистом, писателем Альфонсом Алле — «Битва негров в глубокой пещере темной ночью».

Сравнивая эти картины, можно задаться вопросом: «Есть ли между ними какие-либо различия?» или «Есть ли что-то общее между ними?» С точки зрения чувственного опыта, мы видим перед собой два идентичных четырехугольника. Но изображенное на этих картинах имеет по своей сути принципиальные отличия.

Картину Альфонса Алле можно интерпретировать не иначе как остроумную шутку. Само название картины полностью объясняет все, что изображено на ней. Автор художественным образом обманывает нас, заставляя поверить, что на картине нарисовано то, о чем говориться в названии. Мы понимаем, что это обман, но продолжаем верить в него, поскольку это самая простая возможность понять картину.

Однако достаточно сложно пытаться интерпретировать «Черный квадрат» К. Малевича, в названии которого нет никакой подсказки для зрителя. Возможно, «Черный квадрат» может быть понят только через философию супрематизма, авангардного течения в искусстве, созданного художником.

Каково же онтологическое, смысловое содержание супрематизма как оригинального явления в искусстве? Каковы были объективные условия возможности появления такого культурного феномена, как супрематизм?

Название «супрематизм» происходит от лат. «supremus», что означает «высший», «высочайший»; «первейший». Этимология слова лишь отчасти отражает сущность данного феномена. Супрематизм можно интерпретировать как высшую ступень развития искусства на пути освобождения от всего предметного, содержательного; как новое искусство, которое превосходит все знания и сводит эмпирическую действительность к нулю. Вместе с тем супрематизм есть метод выражения структуры мироздания в абстрактных геометрических формах прямой линии, квадрата, круга и прямоугольника.

Впервые Казимир Малевич применил этот термин к нескольким своим картинам с изображением геометрических абстракций, включая и знаменитый «Черный квадрат», на выставке в Петрограде в 1915 году.

В своей супрематической философии К. Малевич ставит перед собой грандиозную задачу: уничтожить предметный мир, провозгласить торжество Ничто, создать послание, говорящее с нами не языком предметов материального мира, но абстрактным языком цвета. Для художника это была своеобразная попытка вырваться из-под власти мира вещей и мира видимостей, в «пустоту пустынь». Так, в письме к Александру Бенуа он пишет:

«И я счастлив, что лицо моего квадрата не может слиться ни с одним мастером, ни временем»; «У меня — одна голая, без рамы (как карман) икона моего времени, и трудно бороться. Но счастье быть не похожим на вас дает силы идти все дальше и дальше в пустоту пустынь. Ибо там только преображение» [1, с. 84–85].

Такому взгляду на мир предшествовали объективные предпосылки. Это и крайне неспокойная атмосфера начала XX века, ощущавшаяся в предреволюционной России сильнее, чем где-либо в мире, и появление фотографии и кинематографа, ознаменовавших окончательное расхождение понятий красоты и реалистичности, своеобразный кризис в научном и философском знании, связанный с преодолением позитивизма. Результатом всего этого стал поиск новых форм самовыражения.

К. Малевич, как никто до него, провозглашает «Ничто» главной идеей и символом нового искусства, через который раскрывает себя освобожденное от предметности чистое Бытие, сама Истина. «Беспредметность, — писал К. Малевич, — единственная человеческая сущность действия, освобождающая от смысла практичности предмета как ложной подлинности» [2, с. 75]. Именно в этом контексте своего смелого и оригинального подхода К. Малевич оказал огромное влияние на эволюцию современного искусства.

Но концепция, созданная К. Малевичем, на самом деле гораздо глубже, чем это кажется на первый взгляд. Это не просто новый взгляд на искусство, но особое философское мировоззрение, живописная философская рефлексия.

Понимание пустоты у Малевича, как беспредметного начала бытия, как идеи, способной возникнуть только в акте чистого сознания, можно связать с описанием нирваны в буддистских практиках или с принципом Дао у Лао Цзы. Подобно этому Малевич освобождает свою живопись от всего предметного, раздробленного, мнимого, чтобы постигнуть истину небытия, окунуться в «пустоту пустынь».

В своем понимании Бога художник близок к восточной философии, где высшая форма божественного проявляется не в персонализированной сверхличности, а в абсолютном покое, Нирване, постижении Дао. Именно поэтому он провозгласил Черный квадрат иконой своего времени. Сам Малевич пишет: «Нет ни одной иконы, где бы изображен был бы нуль. Сущность Бога — нуль благ, и в этом в то же время и благо. Нуль как кольцо преображения всего предметного в беспредметное» [2, с. 84].

Но ближе всего супрематизм Малевича соотносится с идеями феноменологии Эдмунда Гуссерля и феноменологической онтологии Мартина Хайдеггера. Философская позиция Э. Гуссерля, по сути, заключалась в требовании: «не претендовать ни на что, кроме того, что мы способны довести до ясного усмотрения, по мере сущности, в чистой имманентности самого сознания» [3, с. 130].

Феноменологическая редукция Э. Гуссерля — это своеобразный метод, с помощью которого можно прояснить те структуры восприятия и суждения, которые не могут быть поставлены под сомнение, т. е. самоочевидные, не сводимые к разного рода субъективным переживаниям.

Можно сказать, что К. Малевич сделал то же самое языком живописи, языком «супрематической геометрии». Его полотна воплощают в себе редуцированное сознание, в содержании которого обнаруживают себя «конструкции плоскостей, свободных от взаимоотношений как цвета, так и формы» [4, с. 121]. Цельное беспредметное бытие есть чистое Ничто, «пустота пустынь», Абсолютная ясность, Истина, которая только и может быть выражена в предельно редуцированной форме, ясной данности, подобно «Черному квадрату», вне всякого эмпирического опыта.

Такой оригинальный ход К. Малевича, как отмена предмета живописи, ее выражение лишь в цвете и пустой геометрической форме становятся понятными сквозь призму рассуждений М. Хайдеггера. В своем трактате под названием «Вещь» философ проводит четкую границу между понятиями «вещь» и «предмет». «Никакое представление присутствующего в смысле предмета никогда не достигает вещи как вещи» [5, с. 5]. М. Хайдеггер приводит пример с чашей. Предметность чаши формируется благодаря тому, из чего она состоит, например, из глины, а «вещественность чаши заключается в том, что она как вмещающий сосуд есть» [5, с. 7].

Иными словами, М. Хайдеггер формулирует существо чаши вокруг ее способности вмещать принятое, что, по сути, есть определение пустоты, но не в физическом, а в философском смысле. Можно сказать, что «глина для гончара, собственно лишнее, что он хотел бы сделать стенки и дно чаши как можно более тонкими, ведь их толщина мешает емкости и в каком-то недостижимом пределе гончар хотел бы получить стенки и дно состоящими из нуля глины, из ничего. Глина — вынужденное в чаше» [5, с. 31]. Подобно М. Хайдеггеру, К. Малевич отменяет предмет в живописи, тем самым освобождая пустоту как сущность вещи и утверждая новую сущность самой живописи.

Однако, в отличие от квадрата К. Малевича, который есть абсолютный символ абсолютного ничто, хайдеггеровская вещь символом не является, поскольку она не изображение, а само «присутствие мира».

Принцип освобожденного от предметности существования сущего в одинаковой степени, характерен как для супрематической живописи К. Малевича, так и для веществования вещи у Хайдеггера. Он создан для схожей цели: понять мир, не рискуя быть обманутым видимостью предметов, находящихся в нем.

Часто творческие идеи К. Малевича становились ярким примером деформации изначального смысла: беспредметность в супрематизме есть не цель, а лишь средство, с помощью которого художник пытается говорить с миром. Но сила мифа превратила цель в средство, и беспредметность стала бессмысленностью.

По-видимому, задача, которую перед собой поставил К. Малевич, оказалась с двойным дном. С одной стороны, предметный мир был сведен к нулю, но, с другой – путь нового смысла оказался проложен не в глубину, но в ширину картины. За пределами Черного квадрата обнаружилась не Нирвана, а тупиковый тоннель живописи, приведший нас впоследствии не к абсолютной свободе творческого замысла, а к игре случая.

Главная причина таких трансформаций заключается в том, что К. Малевич в названии картины сказал нам всего лишь о том, что на ней нарисовано, но не о том, что на ней изображено.

Искать причины случившегося стоит не в картинах К. Малевича и даже не в объективных исторических фактах. Все гораздо глубже и одновременно проще. Законченность картине придает

не целостность композиции, изображенной на ней, не черновые зарисовки, даже не авторский замысел. Все, что нужно для того, чтобы назвать ее таковой — взгляд. Взгляд, соприкасаясь с любой вещью, придает ей смысл. Главной проблемой становится не столько сам факт истины, превращенной в абсурд, сколько способность этот абсурд осмыслить и интерпретировать при самом простом умственном взоре на него.

Библиографический список

1. Малевич, К. С. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. В 2 т. Т. 1 / К. С. Малевич. — М. : RA, 2004. — 584 с.

2. Малевич, К. Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой. В 5 т. Т. 3 / К. Малевич. — М. : Гилея, 2000. — 390 с.

3. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 336 с.

4. Малевич, К. С. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. В 5 т. Т. 1 / К. С. Малевич. — М. : Гилея, 1995. — 403 с.

5. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М. : Республика, 1993. — 448 с.

МАКОВЕЦКАЯ Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук. Адрес для переписки: romanova_x@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.05.2015 г.

© Е. Н. Маковецкая

УДК 101.1:304.2:316.4

Л. И. МОСИЕНКО

Омский государственный технический университет

МАТЕРИНСТВО КАК ВЛАСТНАЯ ПРАКТИКА

Статья посвящена исследованию власти, которую давало женщине материнство в традиционном обществе, и тех изменений, которые эта власть претерпела при формировании дисциплинарной власти. Автор приходит к выводу, что изменение властных практик материнства оказало непосредственное влияние на утверждение в современном обществе нормы малодетности. В основе идей автора — концепции власти М. Фуко и Ж. Бодрийяра.

Ключевые слова: Материнство, власть, практика, депопуляция, ценности.

«Рука, качающая колыбель, правит миром» — эти слова американского поэта Уильяма Росса Уолесса для современной демографической ситуации в России и Европе актуальны как никогда. Низкий уровень рождаемости — одна из главных проблем современной России и большинства европейских стран.

Коренное население неуклонно замещается мигрантами, что рано или поздно, но поставит под вопрос этническую и конфессиональную идентичность общества. Как считают некоторые демографы, депопуляция может стать не региональной, а общепланетарной проблемой: в последней четверти XXI века численность человечества начнет уменьшаться [1, 2].

В современной России суммарный коэффициент рождаемости составляет, по данным Росстата за 2012—2014 гг., 1,7 ребенка. По сравнению с предыдущим десятилетием (когда коэффициент держался на уровне 1,3 ребенка) это, конечно, неплохой показатель, однако воспроизводство населения по-прежнему не обеспечивается. (Стабилизация демографических показателей в 2012—2014 гг. большинством исследователей интерпретируется как незначительная для общероссийских масштабов и вызванная временно действующими факторами: проблема депопуляции по-прежнему актуальна для российского общества.)

В понимании причин депопуляционных процессов в нашем обществе (как на уровне идеологии, так и обыденного сознания) продолжает господствовать экономический редукционизм: первопричины явления усматриваются в бедности населения, и надежды возлагаются, соответственно, на «меры экономического стимулирования» со стороны государства. Однако очевидно: на самое ценное в своей жизни люди всегда находят ресурсы — и деньги, и время, и силы. Опыт богатых европейских стран только подтверждает эту истину. Просто для современного человека дети не являются главным жизненным приоритетом: на первом месте все же стоят получение образования и карьера. При рационализации своей позиции люди, конечно, могут указать образование и карьеру как всего лишь средство, условие для своего будущего родительства. Однако в любом случае можно констатировать, что рождение детей, как жизненная цель, отодвигается на второй план и рассматривается как некая роскошь, избыток, который можно себе позволить, если удовлетворены некие более насущные потребности.

Поэтому среди теоретиков (как западных, так уже и отечественных) все больше исследователей, которые в вопросе ведущих факторов депопуляции придерживаются все же ценностной концепции. К сожалению, среди отечественных социологов

и даже философов, пишущих о кризисе семейных ценностей и ценностей родительства, нередко бытует все же достаточно облегченный взгляд на природу этого кризиса, а соответственно, и необоснованный оптимизм в вопросе решения проблемы: считается достаточным изменений (хотя и достаточно кардинальных) в культурной политике государства. Однако возвышение одних ценностей и девальвация других — процесс, имеющий под собой *объективные* социокультурные основания. Это тема как минимум *культурной революции,* а не тема правительственных программ!

Автор данной статьи согласен, что демографическая проблема связана с властными практиками, однако считает, что не стоит уж так демонизировать государственную власть, и предлагает обратиться к анализу иных — негосударственных властных практик. Следуя за постмодернистскими трактовками власти, автор статьи исходит из того, что власть концентрируется не только в политической сфере. Властные отношения встречаются повсюду: в личных отношениях, в семье, в университете, в офисе, в культуре в целом. Как и М. Фуко [3], автор статьи рассматривает власть не как ресурс, принадлежащий индивидам или группам, но как то, что воплощено в повседневной деятельности; не только в государстве, но и в социальных отношениях.

Объектом данной статьи является власть, которую дает (или, наоборот, — отбирает) материнство: власть в семье и в социуме в целом. Предметом своего исследования автор хотел бы сделать те изменения, которые претерпевают эти властные практики при переходе от традиционного общества к современному. Думается, такое исследование поможет нам ответить на вопрос о причинах малодетности современной женщины.

Идеологический дискурс материнства полагает, что любая женщина хочет иметь детей, но в силу объективных обстоятельств (прежде всего экономических) не всегда может их себе позволить. Так ли это? Действительно ли рождение ребенка дает женщине в современном обществе какие-то преимущества? Расширяет ее права? Действительно ли материнство есть некая выгодная жизненная стратегия, столь соблазнительная для всех женщин?

Наверное, самой известной концепцией обретения женщиной власти через материнство является фрейдистская: женщина ощущает свое тело как неполноценное (травмированное) мужское, и ее зависть к мужскому пенису получает свое удовлетворение через рождение ребенка, который становится ее символическим пенисом. Эта концепция многократно подвергалась критике со стороны самых разных философов, а не только феминисток. Действительно, Фрейда здесь легко обвинить в мужском шовинизме: по словам Кейт Миллетт, фрейдистская логика превратила деторождение во всего лишь «охоту за мужским органом». Однако долю истины эта концепция все же схватывает: деторождение не есть, конечно, «охота за пенисом», но вполне определенно — «охота за властью»: за психологическим стоит социальное.

Рождение ребенка на протяжении многих веков, действительно, было для женщины «вертикальным лифтом» (причем нередко — единственно возможным). Это истинно применительно к любому традиционному обществу, даже восточного типа. Прежде всего, рождение ребенка окончательно закрепляло за женщиной статус жены: согласно традициям многих народов, неплодная жена могла быть возвращена в дом ее родителей, и муж мог потребовать назад выкуп, уплаченный за нее в свое время как за невесту. Бесплодие жены было одним из очень немногих поводов для расторжения брака в те времена, когда развод был делом исключительно редким. Если женщине посчастливилось родить не одного ребенка, а много и быть самой многодетной среди других жен своего мужа, но именно эта женщина автоматически получала самый высокий статус внутри мужского гарема. Если среди рожденных детей был сын, то это означало, что женщина обеспечила себе безбедную старость и будущую власть над всеми другими женщинами в доме (дочки уходили в другие семьи, а сын приводил в дом невестку — разумеется, под руководство своей матери; причем нередко мать сама и выбирала невестку). Если выросший сын становился богат и властен, то, соответственно, часть богатства и власти сына принадлежала и его матери. Если сын был наследным правителем и становился им еще в детском возрасте, то, как свидетельствует история династий, во главе династии довольно-таки часто вставала его мать — вплоть до времени совершеннолетия сына. Таким образом, через рождение ребенка женщина закрепляла и возвышала свой статус не только в семье, но и в обществе.

Современные исследователи брачно-семейных отношений в регионах, где проблемы низкой рождаемости нет, а есть прямо противоположная проблема, пытаясь понять — почему традиция многодетности там столь устойчива (даже не взирая на ее экономическую нецелесообразность в условиях бедности и массовой безработицы данных регионов), в качестве решающего фактора указывают именно на это: «биологическое материнство для большинства женщин все еще остается основным социальным ресурсом, от которого они ожидают удовлетворения своих социальных, экономических, психологических и личностных потребностей как в настоящем, так и в будущем. Соответственно, чем больше этого ресурса, тем лучше для женщины. Другими словами, чем больше у женщины детей, тем вероятнее, что она сможет полноценно удовлетворить свои потребности» [4, с. 63]. Автор этих строк — С. Касымова, исследуя феномен многодетного материнства в современном таджикском обществе, а также опираясь на аналогичные социологические исследования в Казахстане С. Шакировой и К. Токтыбаевой, утверждает, что «степень осознания успешности судьбы, самореализованности женщины всегда и однозначно связана с реализацией материнской функции. Успешное материнство извиняет почти все: безуспешность во внесемейной сфере, отсутствие профессионального статуса. И, наоборот, успешная карьера не оправдывает, не компенсирует, не легетимирует не-материнство» [4, с. 63]. Очевидно, что «источником» власти женщины-матери в семье и социуме была власть мужчины, который как бы «делегировал» ее часть женщине. Ну а родительская власть, кроме экономических основ, имела в традиционном обществе еще и экзистенциальные основания: считалось, что предки (в том числе — уже умершие) могут влиять на жизнь социума. В обществе, основанном на почитании предков, родительство, как таковое, вообще давало власть над детьми в силу ценности возраста, опыта, стариков, традиций прошлого. Если, вслед за Фуко, главным властным правом господина считать возможность отнять жизнь, то родители, безусловно, обладали такой властью,

и прежде всего отец. При этом на женщину-мать могла возлагаться миссия контроля за насилием (не только в рамках семьи, но нередко — и в обществе): как в форме блокировки — поддержания мира и порядка (например, разнимать дерущихся), но и в форме санкции — например, благословение идущих на войну (См. исследование Т. Б. Щепанской женских символов и техники власти в русской этнической традиции [5].)

Одним из результатов формирования в Новое время нового типа власти, которую Фуко назвал дисциплинарной, явилась утеря значения родительской власти вообще. В ходе этой культурной революции женщина была оторвана от домашнего очага и попала под власть капитала, который узурпировал над ней права, принадлежащие некогда только ее отцу и мужу. Особенно это хорошо видно на примере Советского государства, которое «обобществило» женщину, как и остальные средства производства: отобрало (по праву господства) женщину у своего всегдашнего хозяина — мужчины. Государство стало эдаким мега-мужем или мега-отцом для всех женщин [6, 7]. Как некогда мужчина делился с ней своей властью, так и государство, обобществив женщину, тоже делегировало ей часть своей власти. Однако условием такого дара, как материальная и моральная поддержка женщины-матери, была ее ответная преданность — работа в рамках общественного производства (двойная занятость), а также участие в общественной жизни. Это стало такой же обязанностью женщины, как и материнство. Уже здесь случилось резкое падение рождаемости, хотя и обеспечивающее воспроизводство населения (См. классическую книгу А. Бебеля «Женщина и социализм»: он приводит красноречивую статистику падения рождаемости по Европе, по мере вовлечения женщины в общественное производство [8].)

Однако практику тоталитарных режимов Фуко считал временным совмещением практик традиционной и дисциплинарной власти. По мере развития собственно дисциплинарной власти, материнство перестает быть долгом и священной обязанностью — становится делом свободного выбора женщины. Феномены деторождения и материнства на протяжении многих тысячелетий не проблематизировались: рассматривались как естественные, а не искусственные. Они считались проявлением «родовой стихии» (Н. Бердяев), а не сознательного выбора. Хотя во все времена существовали способы регулирования рождаемости (как на стадии зачатия, так и на стадии беременности и даже уже после рождения младенца), но они были табуированы — нельзя вмешиваться в естественный и даже сакральный процесс зарождения новой жизни. Однако в новом дискурсе власти деторождение (под флагом «возможности женщины самой распоряжаться своим телом»), как и материнство в целом, стало полем проблематизации.

При этом «освобожденная от векового гнета», женщина попала под жесткий контроль со стороны медицинских учреждений, системы образования и ювенальной юстиции. Материнство обернулось против женщины — в современном обществе оно уже не дает ей прежних социальных преимуществ: социальный лифт тут не работает, а если и едет иногда, то в исключительных случаях и, чаще всего, вниз (дискриминация на рынке труда, распад семьи под грузом экономических проблем или болезни ребенка). В последнее время в литературе активно обсуждается феномен «интенсивного материнства», все больше и больше утверждающийся в российском обществе в качестве нормы [9]. Он предполагает суперзанятость матери вопросами контроля, воспитания и развития ребенка. Феномен явно и неявно поддерживается всеми социальными институтами (от полиции до школы), которые выстраивают свои отношения с матерью на основе ожиданий от нее именно такой плотной занятости своим ребенком. Думается, перспективным было бы рассмотрение этого феномена как проявления дисциплинарной власти, ее усиления.

Дискурс власти задает определенную «практику себя»: представление о конечных смыслах деятельности, ставит некую сверхзадачу для развития человека, ее осуществляющую. Согласно Фуко, которому принадлежит и концепция, и сам термин, эта практика связана с дисциплинарной властью, встроена в нее, но все же достаточно автономна. Думается, такая практика есть и в «интенсивном материнстве» — представители ее называют себя «ответственными родителями». Тема ответственности, как мы знаем, экзистенциально связана со свободой. В чем же свобода нынешней матери: в отправлении тотальной власти за своим единственным отпрыском? В подавлении его свободы и спонтанности? Вплоть до того — чтобы «не дать жизни»? Да, дисциплинарная власть здесь подходит к этой самой критической точке, где власть являет истину себя, сталкивается, по выражению Ж. Бодрийяра, с вызовом [10]: забрать жизнь — пусть и в экзистенциальном плане. Понятно, что если в дискурсе ответственного материнства это и проговаривается, то осуждается, как опасность. В качестве истинного значения «ответственного материнства» преподносится, разумеется, намерение обеспечить, развить и проконтролировать своего ребенка: «все во имя ребенка»... даже то, что у него нет брата и сестры — это тоже как бы для его блага: у родителей больше времени и ресурсов для него — единственного.

Что стоит за всем этом? Думается, в этом феномене явно прочитывается «социальный запрос»: экономические интересы производителей детских товаров и детской сферы услуг, а самое главное — господствующая в обществе установка на то, что дети — это некая... опасность, которая может быть нейтрализована только жестким контролем. (Возможно, здесь срабатывает фундаментальное табу нашей современной культуры — табу на естественную смерть, а дети в экзистенциальном плане есть принятие своей смертности.) В этом смысле — мать (особенно многодетная) — это провокатор социального хаоса (не зря же многодетные семьи на языке работников социальной сферы попали в зону «социального риска» — вместе с семьями наркоманов и пьяниц): женщина может искупить «грех» своего материнства перед обществом только вот таким — неустанным — контролем за своим чадом, перегрузками и стрессами. Деторождение стало чем-то аналогичным сексу в самые пуританские времена, где грех наслаждения должен был быть искуплен материнством, в нашем случае — само материнство стало грехом, которое надо искупать трудом и впредь «держать себя в рамках» — не рожать много!

Дисциплинарная власть устанавливает норму: на все, выходящее за ее пределы, обрушивает свои репрессивные практики. Достаточно заглянуть на сайты многодетных родителей, чтобы еще раз

убедиться в очевидном: многодетность — не норма, многодетность репрессируется; да и теоретики давно констатируют: многодетность — «отклоняющееся поведение». Социологические опросы свидетельствуют: «в обществе господствует социальная норма двухдетной семьи, которая на практике подразумевает "не менее одного ребенка и не более двух"» [11, с. 109]

Почему дисциплинарная власть так ненавидит многодетных родителей? Думается, ответ не менее очевиден: они есть для нее некий вызов. В чем сущность этого вызова мы поймем, если примем во внимание символический аспект власти. Да, материнство по-прежнему дает женщине власть — пусть уже и только символическую! Если принять концепцию власти Ж. Бодрийяра, то она состоит в том же, в чем состоит власть любого дарящего [12]. Совершая через деторождение жест социального дарения («дети — будущее нашего общества»), преумножая, так сказать, «социальное богатство», женщина демонстрирует власть! Семьи с количеством детей, большим, чем количество родителей (то есть три ребенка и более), как бы нарушают социальный баланс — они заявляют о своей растущей власти (на ресурсы, на территорию и проч.), они выходят из-под контроля. Многодетные родители — это вызов: «Сможешь ли ты, власть, теперь отдариться? Ты обещала квартиры, дотации и прочие льготы — ну, давай!» Согласно Ж. Бодрийяру, уравновесить такой вызов, как бы нейтрализовать «покушение на власть» может, действительно, только ответный дар. Вот почему, при всей своей ненависти к многодетности и трактовки многодетности как ненормальности (вплоть до пошло-обывательского: «у них что — с головой не в порядке, что так много нарожали?»), власть, тем не менее, охотно пускается в риторику насчет «укрепления семейных ценностей» и «помощи многодетным семьям»...

Народы с хорошим воспроизводством населения для вымирающего «белого миллиарда» — тоже угроза, вызов. Вот правительство США вовремя и спохватилось: финансируемые им (это вполне открытая информация) институты планирования семьи вот уже несколько десятилетий ведут успешную демографическую войну во многих странах мира: разумеется, сопровождая это риторикой заботы об «интересах всего человечества».

Если использовать логику Ж. Бодрийяра в вопросе соотношения смерти и власти, то можно сказать и так: многодетность — это бунт против власти. Многодетный не хочет медленно умирать и накапливать свою жизнь (чего ждет от него власть): он хочет ее растрачивать, он хочет умереть быстро. Поэтому потенциальных бунтовщиков уговаривают любить свое рабство — рабу внушают, что хорошо быть рабом: не надо заводить семью и детей! Он свободен от этого! Риторика дисциплинарной власти (в том числе — риторика самого феминизма) говорит о неслыханной доселе свободе женщины — не быть матерью... то есть, по-сути, не быть женщиной. Социалисты и коммунисты, писавшие о пролетариях как о рабах Нового времени, были очень точны в своей аналогии применительно к деторождению: рабы в древнем мире не имели права иметь детей — женщина, ставшая рабой капиталистического производства, тоже была поставлена в такие условия, что не могла их себе позволить! В принципе, и современная женщина находится в аналогичных условиях: многодетность заранее обрекает ее на поражение на рынке труда. Как ни парадоксально, но при всей ее видимой свободе, максимальное притеснение со стороны общества она испытывает именно тогда, когда решается осуществить свое древнее право — стать матерью. «Быть родителем в наше время — значит испытать стоическую горечь экзистенциального одиночества на фоне общественно-легитимного лицемерия» [13, с. 72].

Библиографический список

1. Антонов, А. И. Причины и последствия депопуляции в России [Электронный ресурс] / А. И. Антонов // Причины и последствия депопуляции в России. — Режим доступа : http://kfcnsr.ru/voprosy-demografii/184-2011-12-16-02-32-42.html. — Загл. с экрана (дата обращения: 15.08.2015).

2. Белобородов, И. И. Демографическая ситуация в России в 1992—2010 гг. Два десятилетия депопуляции [Электронный ресурс] / И. И. Белобородов // Демография.ру. — Режим доступа : http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=1926. — Загл. с экрана (дата обращения: 15.08.2015).

3. Фуко, М. История сексуальности. В 3 т. Т. 2. Использование удовольствий / М. Фуко. — СПб. : Академический проспект, 2004. — 432 с.

4. Касымова, С. Традиция многодетного материнства у таджиков в контексте гендера и времени / С. Касымова // Вестник Евразии. — 2006. — № 4 (34). — С. 63—84.

5. Щепанская, Т. Б. Миф материнства и техники управления (женские символы и техники власти в русской этнической традиции) / Т. Б. Щепанская // Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ : сб. ст. — СПб. : Астарта, 1999. — С. 126—158.

6. Коваленко, С. В. Материнство и власть в контексте советской тоталитарной идеологии / С. В. Коваленко, Л. А. Сазонова, Н. В. Соколюк // Общество: философия, история, культура. — 2011. — № 1—2. — С. 89—95.

7. Щурко, Т. «Обязательное материнство»: репродуктивное тело как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») / Т. Щурко // Laboratorium. — 2012. — № 2. — С. 69—90.

8. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель. — М. : Госполитиздат, 1959. — 592 с.

9. Исупова, О. Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») / О. Г. Исупова // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 98—108.

10. Бодрийяр, Ж. Забыть Фуко / Ж. Бодрийяр. — СПб. : Владимир Даль, 2000. — С. 91.

11. Тындик, А. О. Репродуктивные установки населения в современной России / А. О. Тындик // Демографические проблемы в современных исследованиях. — 2012. — № 16. — С. 95—111.

12. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — 2-е изд. — М. : Добросвет: КДУ, 2006. — 389 с.

13. Круглова, Т. А. Ценность человеческой жизни в современном мире: зачем нужны дети? / Т. А. Круглова // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках : материалы X науч.-практ. конф. Гуманитарного ун-та (Екатеринбург), 5—6 апреля 2007 г. : докл. В 2 т. Т. 1. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2007. — С. 68—74.

МОСИЕНКО Лилия Ивановна, кандидат философских наук, доцент (Россия), докторант кафедры философии и социальных коммуникаций.
Адрес для переписки: mosienko_liliya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.08.2015 г.

© Л. И. Мосиенко

УДК 141-044.372

О. Б. ШУСТОВА
Г. Н. СИДОРОВ

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

Омский государственный педагогический университет

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ АНТИСЦИЕНТИЗМ КАК КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ СЦИЕНТИСТСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются различные проявления антисциентизма в естественнонаучном знании. Показано, что главной причиной антисциентизма является конфликт человека с природой. Современное естествознание не укладывается в рамки позитивной науки, поэтому вынуждено прибегать к различным «ненаучным» доказательствам, выдаваемым за науку. В качестве причины кризиса современной науки выделено то, что она не обеспечивает потребностей общества в областях физического и духовного здоровья населения, предотвращение и ликвидация последствий природных катаклизмов, продление жизни человека.

Ключевые слова: антисциентизм, кризис, конфликт, системность.

Причиной любого конфликта является кризис внутри относительно устойчивой системы. Для человека и общества в целом характерен ряд постоянных конфликтов в различных сочетаниях: с природой, техникой, наукой, религией, государственной политикой, которые выступают на передний план в определенные исторические периоды.

Кризис современной сциентистской системы обусловлен, прежде всего, конфликтом в обществе. Главная проблема современной науки в том, что она не отвечает целиком и полностью потребностям общества. Если в классический период научной рациональности авторитет науки не подвергался сомнению, то в настоящее время он поддерживается зачастую искусственно. Сейчас понятие научности является, по словам Л. Витгенштейна, «понятием с нечеткими границами» [1, с. 110], а точнее, неким идеализированным понятием, так как идеальный образ расходится с реально существующей наукой [2].

Вторая главная проблема заключается в том, что понятие рациональности до сих пор отождествляется с позитивной наукой, которая претендует на обладание единственно верной информацией. Это приводит к антисциентистским тенденциям прежде всего в естественных науках. «Современные исследования показывают, что, хотя в свое время естественные науки были взяты за образец и идеал научности (не только в самой науке, но и в философии), сегодня естественнонаучный идеал подвергается критике во многих направлениях философии, гуманитарных и социальных науках» [3]. Рационализм в естествознании выступает в роли двойственной истины, которая являет собой эмпирическое и теоретическое знание, в то время как в гуманитарном знании рационализм представлен в основном теоретическим знанием. Теоретическое и эмпирическое знание имеют совершенно различные онтологии: мир мысленных идеальных конструктов в первом случае и мир эмпирических предметов, принципиально наблюдаемых во втором [4]. В настоящее время, как и в предыдущие века, в естественных науках преобладает эмпирическое знание, которое выступает своего рода тормозом, пытающимся заключить естествознание в прокрустово ложе протокольных предложений и «натуралистических объяснений». Однако, как показывает научно-исторический опыт, эмпирические законы способны не объяснить, а лишь зафиксировать факты окружающего нас мироздания [2].

Гуманитарное же знание, особенно в современном мире «вырывается из оков естественнонаучного познания и приобретает свои черты». К характеристикам гуманитарного знания относятся: ссылка на авторитет другого ученого, наличие большого числа исключений из общих правил, элементы иррациональности, что делает этот вид знания более гибким: вариативным и всеохватывающим. И хотя в гуманитарном знании тоже «есть место эксперименту», последний не играет ведущей роли [5]. Гуманитарные науки, в отличие от естественных, значительно реже претендовали на обладание истиной в последней инстанции; даже если такие факты и имели место, это было связано в основном с государственной политикой отдельных стран (марксизм в СССР). Поэтому антисциентический конфликт в гуманитарном знании куда менее заметен и ощутим, нежели в естествознании.

Естествознание, в частности, всегда трактовали как позитивную науку о мире таким, каким он является сам по себе. По этому поводу А. Бергсон рассуждал следующим образом: «На первый

взгляд может показаться благоразумным предоставить исследование фактов позитивной науке» [6, с. 199]. Далее он говорит о том, что позитивизм подходит к объектам с механистических позиций и пользуется одними и теми же принципами в изучении как неживого, так и живого вещества: «Научное познание и в самом деле могло возгордиться от того, что его утверждениям приписывали одинаковую ценность во всей области опыта» [6, с. 201, 203]. По мнению Бергсона, «законы находятся внутри фактов... Нельзя описать вид предмета без предварительного суждения о его истинной природе и его организации ... Цель философии — умозрение, то есть видение» [6, с. 201, 202]. В конечном итоге он приходит к выводу, что «нужно занимать по отношению к живому особую позицию и смотреть на него по-иному, чем позитивная наука» [6, с. 203]. Здесь явно прослеживается позиция натурфилософии, которая есть сочетание философской мысли с объективным взглядом натуралиста. Ф. Энгельс, не считая натурфилософию наукой, еще в XIX в. утверждал, что «натурфилософии пришел конец». С наступлением XXI в., вопреки надеждам Ф. Энгельса, натурфилософия не исчезла из биологии, но вполне успешно реализовала себя в метатеоретическом знании [7].

В философских учениях А. Бергсона, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, Э. Гуссерля и других ученых и философов антисциентизм неизменно присутствует в разной степени. Так, например, Л. С. Берг рассматривает ландшафт как живой организм, играющий ведущую роль в видообразовании [8, с. 108, 110], что абсолютно не вписывалось в традиции классической научной рациональности. А. Бергсон считает, что «нужно применить насилие и актом воли вывести интеллект за его собственные пределы» [6, с. 199]. Тем самым он дает понять о необходимости пересмотреть строго натуралистические методы в отношении к живой природе. Э. Гуссерль в работе «Философия как строгая наука» также подвергает критике так называемый натурализм, переносящий методы исследования природы на область сознания, которая, по Гуссерлю, есть особая, отличающаяся от природы сфера реальности [9]. По мнению Э. Гуссерля, «когда мы переживаем отдельные внутренние восприятия или их группы и признаем их существующими, то имеем знания, но далеко не науку.

Наука, правда, имеет целью дать нам многообразие знания, но ясно, что требуется нечто большее, а именно систематическая связь в теоретическом смысле, и под этим разумеется обоснование знания и надлежащий порядок и связность в ходе этого обоснования» [10]. Тем самым Гуссерль хочет сказать, что внутреннее восприятие человеком данного факта или явления — это ещё не наука. Ведь «если реальный объект не взаимодействует с окружением, то он оказывается, в принципе, не наблюдаем, его всё равно что нет» [11]. И хотя немало ученых и философов подвергали сомнению абсолютизацию эмпирического знания, многие все же считают, что «на пути философской саморефлексии постижение тайн природы без этого знания невозможно — иначе изучение эмпирического материала истории науки не представляло бы особой ценности, что ставило бы под вопрос их собственный статус» [12]. Мы тоже полагаем, что эмпирическое знание необходимо с целью раскрытия законов природы, но объяснить их оно зачастую не в состоянии.

Начиная с конца XIX в. антисциентизм не преминул проявить себя в тех областях, где на протяжении двухсот лет отвоевывалось научное господство. Примером естественнонаучного антисциентизма может служить синтетическая теория эволюции, которую упорно пытаются вставить в рамки классической науки. Её приверженцы на протяжении многих десятилетий усиленно пытаются экстраполировать данные различных наук (морфологии, эмбриологии, палеонтологии, генетики) на процесс видообразования «по Дарвину». Все эти мнимые доказательства уходят корнями в мифологию [13]. Однако экстраполяция аналогии, в том случае если она проводится далее конкретного исследуемого признака, теряет всякий смысл, например проведение аналогии между естественным и искусственным отбором, а также между онтогенезом и филогенезом. В последнем случае, касающемся биогенетического закона, имеет место поспешное обобщение — распространенная ошибка индуктивистского подхода, который долго доминировал в естественных науках. Кроме того, сам термин «эволюция» неоднозначен, а точнее, имеет много смысловых значений: прогресс, видообразование, изменения во времени, появление новых признаков и т.д. То есть в данном случае множество значений либо подмена понятия равносильно отсутствию значения вообще.

Говоря об антисциентической некорректности терминологии по вопросу синтетической теории эволюции нельзя не упомянуть о так называемых «семантических доказательствах» этой теории, лежащих в основе семантической мифологизации. Так, если дарвинистам нужно было бездоказательно заявить, почему одни организмы несопоставимо отличаются от других, то это несуществующее явление называлось выдуманным термином «ароморфоз», а для объяснения закладывания в организме необъяснимых эволюцией органов образовывалось слово «архаллаксис». Если скорость эволюции дарвинистам надо было считать обычной, они изобретали термин «горотелия», если ускоренной — «тахителия», а то и вообще «квантовая эволюция» [7]. Достаточно семантически обозначить несуществующее явление, и оно начнет «существовать». Таким образом, формируются явно «ненаучные доказательства», выдаваемые тем не менее за науку.

Примером экологического антисциентизма [14] является труд В. И. Вернадского о ноосфере. На наш взгляд, Вернадский очень научно обосновал свое учение о «биосфере» [15]. Вопреки «классической науке», упорно проводящей линию возникновения живого из неживого, В. И. Вернадский строит свою теорию на положении о том, что жизнь появилась на Земле не единично, а сразу в массовом эффекте в виде биоценозов [16].

Это практически полностью соответствует метафизике Ветхого Завета, повествующей о единовременном появлении биотопов и биоценозов в третий «день» творения [17, Быт.1, ст. 9—13]. Учение о биосфере всеми учеными рассматривается как научное. Но во взгляды В. И. Вернадского о происхождении биосферы научное сообщество, как правило, не вникает. Что касается учения В. И. Вернадского о ноосфере, то оно является утопией, поскольку надеяться на формирование «сферы разума» в настоящее время нельзя и таковую можно представить себе лишь гипотетически [15]. Также можно отметить, что любой антисциентизм, независимо от природы возникновения, базируется на вере [18].

Подводя итог вышеизложенному, мы можем сделать вывод, что в естествознании антисциентизм проявляет себя в самых различных формах, как естественных, исходящих ещё со времен Античности (натурфилософия), так и мнимых научных (синтетическая теория эволюции), а также утопических теориях (учение о ноосфере). Таким образом, в основе естественнонаучного антисциентизма лежит конфликт человека и природы, причем человек вступает в конфликт как со второй природой, созданной им самим, так и с первой — «первозданной» природой. За природным конфликтом, по нашему мнению, следует социальный конфликт [19]. А в результате — кризис науки, как не оправдавшей доверия в ряде областей: обеспечения физического и духовного здоровья населения, предотвращение и ликвидация последствий природных катаклизмов, продление жизни человека и многих других явлений.

Библиографический список

1. Виттенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. — М. : Гнозис, 1994. — Ч. 1. — С. 110—111.
2. Шустова, О. Б. О критериях научности в эмпирическом и теоретическом знании [Электронный ресурс] / О. Б. Шустова, Г. Н. Сидоров // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2. — С. 465. — Режим доступа : http://www.science-education.ru/108-8881 (дата обращения: 17.04.2013).
3. Розин, В. М. Типы и структура «нормальных» научных работ / В. М. Розин // Философия науки. — М. : ИФ РАН, 2004. — Вып. 10. — С. 69—85.
4. Лебедев, С. А. Философия науки / С. А. Лебедев. — М. : Акад. проект, 2006. — С. 149.
5. Николина, Н. В. Эпистемы в теории гуманитарного знания / Н. В. Николина // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2015. — № 1 (135). — С. 85—87.
6. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. — М. : Канон-Пресс-Ц., 2001. — 380 с.
7. Шустова, О. Б. Натурфилософские подходы в биологии как проявление метатеоретического знания / О. Б. Шустова, Г. Н. Сидоров // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3 (61). — С. 71—75.
8. Берг, Л. С. Труды по теории эволюции / Л. С. Берг. — Л., М. : Наука, 1977. — С. 108, 110.
9. Ненашев, М. И. Антропный принцип и проблема наблюдателя / М. И. Ненашев // Вопросы философии. — 2012. — № 4. — С. 64—74.
10. Карпин, В. А. Философско-методологический анализ теории патологического процесса / В. А. Карпин // Философско-методологический анализ теории патологического процесса. — Новосибирск : Дефис. Сиб. отд. РАН, 2005. — 135 с.
11. Разумов, В. И. К новой парадигме закона / В. И. Разумов, В. П. Сизиков // Вестник Омского университета. — 2012. — № 2. — С. 213—219.
12. Зотов, А. Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы / А. Ф. Зотов // Вопросы философии. — 2011. — № 5. — С. 3—17.
13. Шустова, О. Б. Синтетическая теория эволюции как мифология XX в. / О. Б. Шустова, Г. Н. Сидоров // Вестник Омского университета. — 2009. — № 3. — С. 71—75.
14. Денисов, С. Ф. История и философия науки. В 3 ч. Ч. 3 / С. Ф. Денисов. — Омск : ОмГПУ, 2014. — С. 122.
15. Сидоров, Г. Н. Биосферный и ноосферный подходы в рамках научной рациональности / Г. Н. Сидоров, О. Б. Шустова, Д. Г. Сидорова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2015. — № 1 (135), — С. 72—74.
16. Шустова, О. Б. Эволюционизм и креационизм: наука или философия? моногр. / О. Б. Шустова, Г. Н. Сидоров. — Омск : ОмГАУ, 2009. — 200 с.
17. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Заветов. — М. : Московская патриархия, 1979. — Быт. гл. 1, ст. 9—13.
18. Шустова, О. Б. Философская категория веры в научном познании / О. Б. Шустова, Г. Н. Сидоров // Вестник Омского университета, 2014. — № 1 (71) — С. 28—30.
19. Шустова, О. Б. Человек как системообразующий фактор научного познания / О. Б. Шустова, Г. Н. Сидоров // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2015. — № 1 (135). — С. 82—84.

ШУСТОВА Ольга Борисовна, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

СИДОРОВ Геннадий Николаевич, доктор биологических наук, профессор (Россия), профессор кафедры биологии и биологического образования Омского государственного педагогического университета; главный научный сотрудник Омского научно-исследовательского института природно-очаговых инфекций.

Адрес для переписки: g.n.sidorov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2015 г.

© О. Б. Шустова, Г. Н. Сидоров

Книжная полка

Рид, Томас. Философия здравого смысла / Томас Рид ; пер. М. Абрамов, И. Мюрберг. — М. : Канон + Реабилитация, 2014. — 640 с. — ISBN 978-5-88373-384-9.

Содержащийся в настоящем издании перевод книги Т. Рида «Исследование о человеческом духе на основе здравого смысла» на русский язык осуществлен с издания The Works of Thomas Reid. ed. Hamilton (London-Edinburgh. V. I., 1868) М. А. Абрамовым при участии И. И. Мюрберг. Перевод сверен с подлинником и отредактирован А. Л. Субботиным. В корпус примечаний включены практически все подстрочные примечания к тексту издателя У. Гамильтона и примечания переводчика М. Абрамова. Издание содержит в качестве приложений «Диссертацию о здравом смысле» У. Гамильтона в переводе М. А. Абрамова (приложение 1) и воспоминания Д. Стюарта «Рассказ о жизни и творчестве Томаса Рида, доктора богословия» в переводе И. И. Мюрберг (приложение 2)

УДК 1.172.1

В. С. ЕФИМОВ

Омская гуманитарная академия

О ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛЕ ИДЕОЛОГИИ В НЕОМАРКСИЗМЕ

Большинство неомарксистов относятся к идеологии крайне отрицательно. Она рассматривается здесь как источник одномерности в обществе. Идеология распространяется с помощью религии, образования, а ее «усвоение» в обществе контролируется правом.

Ключевые слова: идеология, религия, право, образование, неомарксизм.

Идеология — это определенная система идей, которая выражает интересы политических субъектов, таких как классы, партии и различные общественные движения, а также является формой контроля в государстве. В западном марксизме идеология в большинстве случаев рассматривается как нечто крайне отрицательное.

Идеология здесь как некий манипулятор человеческих судеб, с помощью которого контролируются все общественные процессы. «Общество превращено в огромную казарму, оно управляется безответственной властью в обстановке беспорядка и разложения: всякая деятельность граждан контролируется, уродуется, «упорядочивается» (!) и таким образом парализуется силой власти» [1, с. 20].

Также большинство неомарксистов утверждают, что идеология является методом зомбирования и тотального контроля за индивидами. Этот контроль осуществляется через образование, религию и право. Эти три так называемые рычага воздействия на сознание моделируют для политических интриг довольно «удобное» общество.

Право в таком обществе является лишь условностью. Царит тотальная несправедливость и очень сильная поляризация среди социальной стратификации. «Конституция — юридическая фикция беспристрастной и высшей власти закона, принятого народными представителями, — в действительности была началом диктатуры имеющего класса, выражением «легального» завоевания этим классом высшей власти в государстве» [1, с. 20].

По мнению Грамши, как пишет П. Андерсон, политическая власть на основе гегемонии «определялась степенью согласия угнетаемых ею народных масс и, соответственно, уменьшением масштабов насилия, необходимого для их подавления. Контролирующим механизмом, обеспечившим получение согласия, служила разветвленная сеть институтов культуры — школа, церковь, пресса, партии и ассоциации» [2, с. 91]. Они «штурмовали» сознание пассивной толпы пропагандой, сотканной из пережитков истории и распространяемой купленной интеллигенцией.

Начнем с такого средства идеологического воздействия, как религия. В советском марксизме к религии относились не очень лестно. Достаточно вспомнить В. И. Ленина, который неустанно пропагандировал ненависть к различного рода верованиям и к институту церкви как таковому. «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т.п.

Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду.

А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа.

Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [3, с. 57–58]. Как видно из этого фрагмента, Ленин видел угрозу в институте церкви. Разумеется, он был прав на тот счет, что церковь — серьезная преграда в идеологических манипуляциях большевиков. Но, к сожалению, такой крупный политик и философ начал бороться с религией, даже не попробовав сделать ее одним из рычагов своей идеологии.

А. Грамши, в отличие от Ленина, считает, что религия может быть использована в целях политического влияния, хотя он и не был ее защитником. «Сила религий, и в особенности сила католической церкви, состояла и состоит в том, что они остро чувствуют необходимость объединения всей «религиозной» массы на основе единой доктрины и борются, чтобы не дать интеллектуально более высоким слоям оторваться от слоев низших» [4, с. 18].

А. Грамши указывает этим на то, что, в отличие от религиозной, политическая идеология не может настроить заветную связь между верхом и низом. Он уверен, что философы европейской цивилизации не придумали ни одной альтернативы религии в воспитании детей.

Любая утопия имеет свою философию, т.к. у каждой из них есть политическая основа, а политика без философских приемов и методов существовать не может. И религия, по мнению Грамши, является самой мощной утопией, которая когда-либо существовала. Это самая многочисленная и обширная попытка, в мифологическом смысле, примирить реальные исторические жизненные противоречия.

Действительно, религия уравнивает нас в этом мире. Для Бога нет разницы, к какой социальной ячейке ты принадлежишь. Но такое уравнение неизбежно ведет к обесцениванию жизни. И все

эти «преимущества» религии, являются рычагами воздействия на население, так как, к примеру, бедность уже выступает как некое испытание, а не как лишний повод для бунта.

Непреодолимое желание уравнивать и упорядочивать обычно возникает либо у среднего класса, либо у бедной интеллигенции, т.к. они рады любой стабильности, лишь бы не было общественных волнений или глобальных перемен.

Они всегда выбирают стабильное зло в противовес неизвестному будущему. Исходя из этого, такого рода упорядочение и уравнение несут сугубо регрессивный характер.

Другое дело, если уравнение идет в культурном и морально-нравственном развитии индивидов. Государство, пусть даже и без особого желания, заинтересовано в такой политике. Оно заинтересовано не в просвещении и образовании, а в доведении населения до определенного уровня, который наиболее благоприятен для идеологии.

Именно эти требования о свободе, равенстве и братстве звучат в тех толпах людей, которые не ощущают себя таковыми. И именно с помощью религии преподносят этим слоям завуалированное политической идеологией мировоззрение.

Религия сегодня — это мощнейшее оружие в руках властей, и христианская мораль используется как один из способов непротивления «государственной машине», мы уже не говорим здесь о терроризме на религиозной почве. Нет ничего проще, как внушить населению, ссылаясь на высший авторитет, ту модель поведения, которая удобна этой машине в данный момент.

Религия и образование в идеологии используют некоторые схожие точки опоры — к примеру морально-нравственная ориентация. Ее формирование происходит постоянно, причем она нужна именно такой, какая нужна политическому руководству. Поэтому невольно возникает вопрос: а есть ли в этих формах воздействия мораль?

По мнению неомарксистов, современная культура не наполняет образовательный процесс ни моральным, ни научным содержанием. Образование воздействует на молодежь только в том случае, когда оно становится политикой. Исходя из этого начинает происходить поляризация общества, хотя и прослеживается стремление к обратному. Сформировавшаяся некая прослойка в обществе начинает абстрагироваться от остальной массы. Религия здесь выступает как уравнение пусть не в социальном, но в духовном плане. Духовное уравнение здесь в том, что религия низов начинает кардинально отличаться от религии аристократического верха, а затем меняется и отношение к ней у обоих прослоек. Таким образом, религия становится идеологией узких групп.

Именно религиозная мораль является одной из самых важных форм общественного контроля. Они сильнее всего держат индивида в нужных для государства рамках поведения. Общество с самого рождения, в форме запретов, глушит природные инстинкты и навязывает социальные, но оно не должно ставить задачи, когда «почва для них еще не созрела».

Когда все условия для выполнения задач готовы, то само выполнение становится долгом, а воля свободной.

Так вот мораль должна быть поиском этих условий, исследованием свободной воли и, одновременно с этим, доказательством их существования.

Любопытно также пересечение религии и образования. Именно из этого пересечения следует «тот псевдоисторичный софизм, прикрываясь которым неверующие педагоги — по существу, атеисты — сдают позиции, мирясь с преподаванием религии, потому что религия — это, мол, детство философии человечества, возрождающееся в каждом неметафорическом детстве — детстве человеческих индивидуумов» [4, с. 19].

Это одна из проблем современного общества, которая является частью социальной свободы, а именно проблема образования.

Если уж и говорить о политическом контроле сознания, то его начало именно в образовании. Учителя действуют в определенных рамках и говорят о таких вещах, смысл которых намного глубже. Без творческого подхода, без критического анализа переливают «из одного стакана в другой». Система воспроизводит с помощью одномерных школ одномерных учеников.

Ни школы, ни университеты сегодня не нацелены на передачу знаний. В школе приоритетным пунктом в образовании становится дисциплина, а в университете — совершенствование методов исполнения определенных задач, таких, например, как освоение за короткое время наибольшего количества научного материала самостоятельно.

Наверное, самый противоречивый рычаг воздействия — это право. Право выступает как неоспоримый метод контроля над каждым индивидом, вне зависимости от его желания и гражданской позиции. А условием для существования правовых актов является государство. Именно в государстве возможно право, и именно оно запрещает одну часть свободы, чаще индивидуальной, взамен другой, более общей.

Юридические законы — это одно из главных форм контроля населения, когда идеология исчерпывает себя. Если меняется государственный строй, то и правовые рамки меняются вместе с ним. Право, тем самым, из защитника прав и свобод становится карателем для тех, кто не исполняет идеологических требований.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на опасность идеологии. По словам Н. И. Михальченко, «Производство и распространение новых политических идей — это не только важнейшая сфера духовного производства, но и практическая потребность совершенствования политических механизмов общества, без реализации которой прекраснодушные фразы могут маскировать террор, политический застой. Мало выдвинуть новую правильную идею» [5, с. 63]. Необходимо также учитывать множество нюансов, которые иностранным идеологам не были известны.

И порой намного проще трансформировать идеологическое воздействие с помощью религии и образования, чем, не разбираясь и не жалея правовых мероприятий, неустанно «подгонять» под шаблоны неугодных индивидов.

Библиографический список

1. Грамши, А. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1 / А. Грамши ; пер. В. Г. Антонова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 560 с.

2. Андерсон, П. Размышления о западном марксизме / П. Андерсон ; ред. В. Постново. – М. : Интер-Версо, 1991. – 267 с.

3. Ленин, В. И. О социалистической идеологии и культуре / В. И. Ленин. — М. : ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1959. — 83 с.

4. Грамши, А. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3 / А. Грамши ; пер. В. С. Бондарчука. — М. : Изд-во иностр. лит., 1957. — 554 с.

5. Михальченко, Н. И. Марксистская политическая идеология / Н. И. Михальченко. — Киев : Наукова думка, 1991. — 280 с.

ЕФИМОВ Виктор Сергеевич, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков.
Адрес для переписки: bor_net@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.05.2015 г.
© В. С. Ефимов

УДК 130.2:304

А. И. КОКОРИНА

Омский государственный университет путей сообщения

ТЕНДЕНЦИИ АКЦЕНТИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается проблема социально-экономической и социально-культурной неоднородности современного российского общества. Дана оценка деятельности современных медийных технологий. Обоснована возможность их применения в качестве инструмента консолидации общества на основе продвижения государственных интересов и национальных ценностей.

Ключевые слова: медийные технологии, духовно-нравственные ценности, социально-культурная неоднородность, консолидация общества, государственные интересы, национальные ценности.

В Российской Федерации еще со времен Российской империи и СССР установлены рождественские и новогодние каникулы, продолжительность которых периодически меняется в зависимости от календарных дат. С учётом новогодних дней (с 2005 года их продолжительность с 1 по 5 января) и официального праздника Рождества, отмечаемого 7 января, выходные длятся десять дней (с 1 по 10 января) [1]. Бессменным спутником праздничных встреч с родственниками и друзьями является «голубой экран». Посредством телевидения россияне сверяют часы на территории всей России, получают поздравления от президента страны и представителей региональной и муниципальной властей. «Сверка часов» по всей стране касается не столько разнообразного в России астрономического времени, сколько общенациональных политико-идеологических и национально-культурных ритмов социокультурного пространства РФ.

Праздничный новогодний колорит телевизионных программ 2015 г. стал не только одним из главных времяпрепровождений в течение новогодних каникул, но и временем сопоставления и интенсивной аналитики в отношении жизненных реалий и телевизионных «образов жизни». Реалистическое самосознание нации, воспитанное нашей природой и историей, оказываясь в видимом покое и созерцательном состоянии, работает интенсивно и плодотворно, легко различая, когда с аудиторией говорят празднично-шутливым языком искусства о важных вопросах или развлекают, чтобы отвлечь от важного.

Чем же заполняет медийное сообщество это драгоценное время отдыха населения страны в современных реалиях мирового кризиса, военных угроз и всеобщего перманентного стресса? Оценки общероссийского праздничного медийного пространства прозвучали в центральных изданиях и еще жестче — в бытовом лексическом дискурсе: «В общественном мнении представлен широкий спектр негативных оценок современного телеэфира — от возмущения и раздражения до пренебрежения и иронии, и одно из самых распространенных обвинений — «нечего смотреть». Причем чем больше становится телеканалов, тем больше становится «нечего смотреть». Это обвинение имеет объективные основания — оно формируется во многом за счет клонирования наиболее популярных (рейтинговых) форматов, которые по понятным причинам, занимают наиболее «смотрибельные» временные интервалы (прайм-тайм, выходные дни) на массовых телеканалах.

Этот поток «конвейерной» телепродукции порождает критические настроения по отношению к творческой составляющей телевизионного эфира — зрители считают, что телевидение в целом и многие его жанры деградируют. Нередки обвинения в пошлости, низком культурном уровне и качестве телепрограмм, отсутствии новизны, развития» [2, с. 168].

Тем не менее, будучи одним из самых доступных СМИ, не требующим дополнительных финансовых вложений и особых усилий, телевидение по-прежнему остается одним из самых востребованных способов времяпрепровождения: «Телевидение удовлетворяет важнейшие социальные и психологические потребности человека, вносит в его жизнь разнообразие и комфорт, делает ее более интересной, содержательной, приятной и при этом не требует особых материальных затрат, усилий и проявлений личной активности (например, для поиска информации, выбора развлечения и пр.)» [2, с. 167].

Согласно опросу, проведенному в Омском государственном университете путей сообщения (ОмГУПС) в январе 2015 года, почти треть (32,44 %) опрошенных студентов одного теплоэнергетического факультета отдают предпочтение развлекательным комедиям и телешоу. Примерно эта же треть (37,02 %) для получения интересной ей информации отдает предпочтение телеканалу «ТНТ».

В декаду новогодних каникул указанный телеканал в дневное и вечернее время — в основном с 12 до 23 часов — транслировал популярные телешоу и ситуационные комедии [3]. Содержание каждого из телепроектов этого канала подходит под описание программ известной ведущей Ксении Лариной в эфире радио «Эхо Москвы», данного журналистом газеты «Завтра» Мариной Алексинской: «И что ни передача, то «мы ж с вами понимаем». Стёб, цинизм, верхоглядство, шутки-прибаутки, амикошонство...» [4, с. 8].

Рассуждая о радиопрограмме в частности и медиа-проектах в целом, Марина Алексинская обрисовывает «культуру», формируемую в молодежной среде: «Молодежная субкультура, хипстеры, дрожжи которых — ненависть к Рашке, грезы по Западу. И если хиппи образца советских 70-х, голодные-немытые, кичились клошарством, а многие бросали питерские коммуналки ради места под мостом Парижа, то хипстера романтикой не зацепить. Хипстер — буржуа. Создана целая инфраструктура под него: новые культурные площадки, «Жан-Жаки», мода на «лук», айпады, айфоны, медиа-проекты: «Дождь», «Сноб», Slon.ru, Openspace.ru...» [4, с. 8].

Ориентация на капиталистические ценности в телевизионной среде начала проявляться в российской киноиндустрии в 90-х годах. Исследуя тот период, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета, доктор социологических наук Ирина Анатольевна Полуэхтова писала: ««Американизация» зрительского сознания проявляется в усиливающейся предпочтительности киногероя, характерного для американского кинематографа. ... Более того, 30 % кинопосетителей хотели бы, чтобы герои отечественных фильмов были похожи на американских киногероев. Данные эмпирических исследований свидетельствуют о том, что американский тип героя-одиночки, наделенный стереотипным набором позитивных качеств, постепенно утверждается в сознании российских кинозрителей в качестве образа идеального киногероя» [5, с. 67].

Однако, говоря об оценках телевизионного контента в наши дни, И. А. Полуэхтова отмечает следующее: «Их (телезрителей) раздражает пустота телевизионного продукта, его глупость, бессодержательность, ориентированность на низкий культурный уровень, обилие низкокачественных сериалов. Практически все респонденты связывают это с ориентированностью ТВ на зарабатывание денег на зрительском внимании, что также вызывает неприятие и раздражение» [2, с. 169]. Другие исследования отношения телезрителей к продукции общероссийских и местных телевещательных каналов подтверждают вывод о падении к ним интереса, доверия и растущей критичности в отношении этики и эстетических вкусов авторов. Особенное раздражение телезрителей вызывает объем рекламы на центральных и местных каналах, который «мешает сосредоточиться» и откровенно свидетельствует о меркантильных интересах ТВ-вещания в ущерб качеству и количеству добротной телепродукции.

Таким образом, само социокультурное пространство, а точнее — вкусы населения России ставят вопрос: почему отечественная медиаиндустрия не только не опережает позитивные изменения этико-эстетических вкусов потенциального потребителя и не только «невинно» отстает от них, но и с завидным упорством предлагает некачественный или просто ненужный продукт медийной отрасли? Получается следующее: телевизионщики, следуя зрительским предпочтениям, доминировавшим в 90-х годах как естественная реакция на «новинку», фактически не оставляют выбора и сегодняшним зрителям, предлагая им суррогат старья, освеженный визуальным соусом. Можно предположить, что старые зарубежные фильмы и программы просто дешево стоят для владельцев каналов.

На втором и третьем местах по востребованности у студентов теплоэнергетического факультета ОмГУПСа, согласно опросу, находятся федеральные телеканалы «Первый» (20,99 % опрошенных) и «Россия» (16,03 % опрошенных). Однако и эти каналы не могут похвастать качественным контентом в период новогодних каникул, да и в непраздничные периоды в целом. «Первый» канал в течение новогодних каникул в дневное время транслировал телевизионные фильмы американского производства. Телеканал «Россия» — современные российские мелодрамы, острота сюжетных линий которых в большинстве случаев схожа со сказкой «Золушка»: все жизненные беды, выпавшие на долю несчастной по причине фактического разрушения социального института семьи российской женщины, руками (словно тучи) разводит «прекрасный принц».

Ностальгию по временам Советского Союза почувствовал и демонстрирует контент телеканала «Звезда», частично востребованный у молодежи (6,49 % опрошенных студентов ОмГУПСа). В течение каникул он транслировал комедии, мелодрамы и детское кино, созданное в период СССР. Это показывает неугасающий интерес в советской истории и то, что стремящаяся к образованию и истинной культуре молодежь может и отыскать, и производить качественный (нравственного содержания, достоверный) информационный продукт, включая подписки на каналы кабельного телевидения. Гражданам с ограниченными финансовыми возможностями современное телевидение практически не оставляет выбора, транслируя однотипные программы.

Важно отметить, что в дни каникул православное население России (а это, согласно данным опроса, проведенного Левада-Центром в ноябре 2013 г., 68 % граждан РФ [6]) отметило один из главных церковных праздников — Рождество Христово. Религия, исповедуемая 2/3 граждан Российской Федерации, нашла свое истинное отражение лишь в эфире

телеканала «Культура». «Первый канал», телеканал «Россия» и региональный телеканал Омской области «12!» вели прямые трансляции из храма Христа Спасителя (г. Москва) и Казанского кафедрального собора (г. Омск). Однако ни до, ни после трансляции в эфире этих телеканалов не было ни одной телепередачи, фильма или программы, посвященной истории этого праздника, его традициям и значению для государства. Это тревожный знак духовно-нравственных качеств владельцев телевизионной отрасли.

В свою очередь, телеканал «Культура» не вел прямую трансляцию ночной службы, но в канун главного праздника православия в эфир вышли четыре серии документального проекта «Старцы» 2013 года. Согласно описанию проекта: «Старцы — это живые святые, которым дан молитвенный и пророческий дар и встречи с которыми не забываются. В монашеском чине, священническом или епископском сане старцы несут особое, таинственное служение людям: верующие идут к ним за утешением и духовным руководством, за молитвой и советом, а порой даже за исцелениями и предсказаниями» [7].

Здесь впору упомянуть слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о журналистике: «Очевидно, что в информационном обществе возрастает роль журналистской профессии и влияние журналистов на температуру, на градус общественной жизни, на направленность той дискуссии, которая идет в обществе. Отсюда, конечно, происходит и огромная ответственность... Когда нас приучают к мерзости и глупости под видом искусства — никакого примирения быть не может. Нельзя отдавать свою душу в плен дьяволу. Искусство — это в первую очередь явление прекрасного, явление гармонии. Если в искусстве не раскрывается закон гармонии, а именно этот закон лежит в основе всего мироздания, значит, это не искусство, значит, что это псевдоискусство, антиискусство. Значит, цель этого искусства — не возвышать человеческую личность, а разрушать ее» [8, с. 12—13].

Анализируя содержательную часть телевизионного эфира, можно сделать вывод о том, что в самый объединяющий праздник православного мира тележурналисты выполняли свою «обычную работу», реализуя в основном развлекательную стратегию и функции. Следуя глобальным трендам мировой культуры, демонстрируя культурно-ценностные доминанты во всем их разнообразии и принципиальной несовместимости, СМИ, таким образом, способствуют формированию социально-культурной неоднородности российского общества и национальных социумов [9].

Основываясь на историческом опыте, можно предположить, что выполнение объединяющей функции взяла на себя киноиндустрия. Однако выявленные факты это не подтверждают. По данным исследования агентства MovieResearch, опубликованного в «Российской газете», посещаемость фильмов отечественного производства по итогам 2014 года снизилась на 3,4 % по сравнению с 2013 годом. «Количество зрителей отмеченных фильмов сократилось с 36,2 млн (по итогам 2013 г.) до 34,98 млн. Посещаемость российских кинотеатров впервые за 12 лет не продемонстрировала рост, а общие кассовые сборы увеличились почти на 2 млрд руб. за счет увеличения цен на билеты» [10, с. 5].

Невостребованность российского кино у молодежи подтверждают и результаты опроса студентов теплоэнергетического факультета ОмГУПСа. 71,76 % опрошенных свободное время тратят на просмотр иностранных кинокомедий, боевиков и блокбастеров. Подобные цифры закономерны, на сегодняшний день 80—85 % кинокартин, выходящих в российский прокат, являются иностранными.

Со стороны руководства Российской Федерации поддержка отечественного кино осуществляется. Фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии, созданный в конце 2009 года, фактически стал главным распределителем бюджетных средств на поддержку российского кино. В 2012 году он выделил почти 4 миллиарда рублей на поддержку производства и проката российских художественных и анимационных картин [11].

Однако этого оказалось недостаточно. В марте 2012 года впервые заговорили о квотах. Минэкономразвития предложило Министерству культуры РФ ввести для российских кинотеатров обязательную квоту на показ отечественных фильмов в 24 процентов. В марте 2014 года депутат от партии «Единая Россия» Роберт Шлегель предложил сократить долю зарубежных фильмов, идущих в российских кинотеатрах, до 50 процентов от общего количества [12]. Однако и эта мера (судя по результатам вышеуказанного исследования агентства MovieResearch) не оказала воздействие, а, наоборот, стала реальной угрозой для российских кинотеатров.

«Введение квотирования не выведет наше кино на новый уровень, а скорее, приведет к кризису отечественного кинорынка, — комментирует сегодняшнюю ситуацию в отечественной киноиндустрии руководитель кинокомпании СТВ, сопредседатель Ассоциации кино и телепродюсеров России Сергей Сельянов: «Если ввести квоты, то российские фильмы просто негде будет показывать. При 50-процентной квоте все кинотеатры закроются через месяц. При 30-процентной — кто-то еще продержится год, кто-то закроется быстрее. Но очевидно одно: кинотеатры точно будут закрываться, а новых залов не появится» [13].

Становится очевидным, что проблема современного российского кино не в его количестве, а именно в его качестве. Об этом говорит и сам депутат, предложивший увеличение доли российского кинопроката на 50 %.

«У нас в основном показывают американские фильмы, которые пропагандируют стереотипы, национальные интересы и ценности США. Многие из этих лент низкопробные. Россия же способна производить свое кино, которое будет интересно зрителям» [12].

Можно предположить, что курс на «американизацию», взятый руководством РФ в период перестройки, и способствовал изменению российского кино. Вынужденная существовать в рыночных условиях, российская киноиндустрия стала «подражать» американскому кино.

«Результаты социологического изучения киноаудитории позволяют говорить о том, что в последние годы сформировалась прослойка зрителей с ярко выраженными ориентациями на американские фильмы. В целом эти зрители составляют 2/3 публики столичных кинозалов (65 %). Каждый второй из них является «твердым» приверженцем американского кино, не колеблясь отдает ему предпочтение (33 %). Остальных можно назвать «умеренными» поклонниками, им американское кино нравится не столь однозначно («скорее да, чем нет»). Чем моложе зрители, тем больше среди них поклонников американского кинозрелища. Среди 11—25-летних зрители

с «американизированными» установками составляют 73—75 %, причем каждый второй зритель в возрасте 11—18 лет является «твердым» поклонником американского кино, а в возрасте 18—25 лет — «умеренным» [5, с. 66].

Результаты исследований 1996 года подтверждают данные опроса студентов ОмГУПСа. Так, 71,76 % опрошенных предпочли иностранные фильмы популярных жанров (комедии, боевики, блокбастеры); современные российские кинокартины и советские фильмы смотрят лишь 29,39 % и 26,72 % из числа всех опрошенных.

«Можно констатировать, что в сознании подавляющей части нового поколения российской киноаудитории в качестве идеального образца утверждается образ сильного, веселого, активного, делового, целеустремленного и находчивого в критических ситуациях киногероя. Понятно, что такой герой характерен прежде всего для американского коммерческого кинематографа, и во многом именно наличие таких героев и определяет его конкурентоспособность» [5, с. 71].

Сюжеты иностранных кинокартин, герои со свойственными им чертами характера воспринимаются российскими зрителями естественными. Но наличие подобных героев в отечественных кинолентах не определяют его конкурентоспособность. Копирование «американской» киноиндустрии малоэффективно: «зрители хорошо ощущают разницу между «своими» и «чужими»» [5, с. 73]. В этих условиях, для обретения и укрепления конкурентоспособности у современного зрителя российскому кино в частности и медиаиндустрии в целом необходим поиск нового, но своего, неповторимого киногероя.

«Россия обладает не меньшим, чем США, историческим опытом лидерства в мировой политике, необходимым для этого духовным авторитетом и достаточной военно-технической мощью», — пишет российский экономист, политик, доктор экономических наук, профессор, академик РАН Сергей Юрьевич Глазьев. — «Чтобы претендовать на лидерство, российскому общественному сознанию необходимо избавиться от комплекса неполноценности, привитому прозападными СМИ в период горбачевской перестройки и американского доминирования при ельцинском режиме. Нужно восстановить историческую гордость русского народа за многовековое упорное создание цивилизации, объединившей множество наций и культур и не раз спасавшей Европу и человечество от самоистребления. Вернуть понимание исторической преемственности роли Русского мира в созидании общечеловеческой культуры, начиная от Киевской Руси, ставшей духовной преемницей Византийской империи, до современной Российской Федерации, являющейся преемницей СССР и Российской империи» [14, с. 218].

Там же автор продолжает: «Необходима внутренняя гармонизация российского общественного сознания, исключающая срыв как в нацизм, так и в космополитизм. Прежде всего, речь идет о внедрении в российское общественное сознание укрепляющих Россию ценностных установок».

В предлагаемых установках Глазьев видит предотвращение разложения российского общества под воздействием агентов иностранного влияния, преуспевших в передергивании смыслов и подмене понятий. Согласно его теории противостояния американской агрессии, есть смысл обратиться к историческому опыту России и найти те истинные ценности, пропаганда которых фактически на ментальном уровне будет способствовать единению граждан страны.

«Положительный герой в советском кино создавался на основе прототипа (исторической личности, реального человека) и в виде собирательного образа. Это были герои революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, ударники труда и «простые» люди — рабочие и крестьяне, ученые и писатели, юноши и девушки и пр. Каждый в отдельности и все вместе они отражали общественный идеал, базовые ценности советского общества, воплощенные в определенных социально-психологических типах личности» [5, с. 68].

В годы Великой Отечественной войны основой сплочения воинов-освободителей стала Русская православная церковь: «Воссоздать великую державу без Русской Церкви, которая есть носитель основ духовности и цивилизационного корня России — Православия, невозможно. И. Сталин это хорошо понимал. Поэтому, пройдя свой путь преображения, он вернулся к Богу, к Церкви и направил развитие государства и народа по двуединому пути сильной центральной власти с опорой на моральные ценности русского Православия. Это то, с чего начиналось Московское Царство времен Ивана Грозного и трансформировалось в Российскую империю ... Они (духовные ценности) сплотили наш народ в годину тяжких испытаний во время войны и сделали нас тогда подлинными победителями, вывели в космос, заложили основы сильной экономики» [15, с. 138].

Сергей Глазьев утверждает: «... для того, чтобы выстоять против этой (американской) агрессии и сохранить цивилизационную идентичность, российской продуктивной элите необходимо самой создавать эффективную национальную социально-экономическую модель, консолидировать общество вокруг позитивного «образа будущего» и путей его достижения» [14, с. 31].

Основой этого позитивного «образа будущего» и путей его достижения должны стать национальные духовно-нравственные ценности. Об этом в своем труде «Манипуляция сознанием» пишет советский и российский ученый, известный политолог Сергей Георгиевич Кара-Мурза: «Сегодня, когда телевидение методами психологической войны в значительной мере атомизировало наше общество и в такой же мере превратило его в толпу, восстановление исторической памяти — даже раньше, чем восстановление логического мышления — должно стать заботой не только патриотов, но и просто разумного человека» [16, с. 514]. Под «исторической памятью» автор понимает «более систематизированное и «рациональное» знание, в котором заложены сведения и символы, соединяющие людей в общество и обеспечивающие наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения» [16, с. 511].

Игнорирование исторической памяти, навязывание чуждых ценностей и откровенное манипулирование сознанием — основа отторжения СМИ населением. Интуиция, вкус и стремление к правде, сохраненные на ментальном уровне российского общества, диктуют медиаиндустрии новые правила. Ориентация на государственные интересы и национальные ценности должна стать основой деятельности современных медиа. Переход медиаиндустрии от стратегии «зарабатывания» к стратегии

консолидации общества посредством укрепления морали и нравственности, корреляция духовно-нравственных ценностей, включая ценности веры и верности, трудолюбия и традиции, милосердия и сострадания, семьи и уважения старости — таковы новые условия сохранения СМИ востребованности у аудитории.

Именно родная культура, питающая корни человека, должна быть основой деятельности современных медиа. Фильмы, телевизионные программы, теле- и радиопроекты, основанные на исторических фактах, способные пробудить духовные основы российского гражданина, будут способствовать воссоединению российского народа и процветанию страны.

Библиографический список

1. Свободная энциклопедия «ВикипедиЯ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https:// ru.wikipedia.org/ wiki/ %CD%EE%E2%FB%E9_%E3% EE%E4_ %E2_%D0%EE%F1%F1%E8%E8 (дата обращения: 20.05.2015).
2. Полуэхтова, И. А. Телевидение в общественном мнении и повседневной жизни россиян [Текст] / И. А. Полуэхтова ; гл. ред. И. Ильинский // Знание. Понимание. Умение : информ.-аналит. журн. — 2012. — № 2. — С. 167—169. — ISSN 1998—9—873.
3. Телепрограмма для Омска и Омской области 5—11 января 2015 [Текст] // Комсомольская правда : регион. газета. — 2014. — 31 декабря. — № 365.
4. Алексинская, М. Бригадирша Ларина как зеркало «Эха» [Текст] / М. Алексинская // Завтра : федер. газета. — 2015. — № 3. — С. 8.
5. Полуэхтова, И. А. Американские фильмы как фактор социализации молодежи в России 90-х годов [Электронный ресурс] / И. А. Полуэхтова // Социальные изменения в России и молодежь : информ.-аналит. журн. Сер. Новая перспектива / гл. ред. В. С. Магун. — 1997. — № IX. — С. 66—73. — Режим доступа : http://ecsocman.hse.ru/text/19192648 (дата обращения: 20.05.2015).
6. Аналитический центр Юрия Левады «Левада-ЦЕНТР» [Электронный ресурс] : результаты социолог. опроса «Россияне о религии» от 24.12.2013 г. — Режим доступа : www.levada.ru/24-12-2013/rossiyane-o-religii (дата обращения: 20.05.2015).
7. О проекте «Старцы» [Электронный ресурс] / Россия : Гос. интернет-канал. — Режим доступа : http://tvkultura.ru./brand/show/brand_id/42627 (дата обращения: 20.05.2015).
8. Васянин, А. О счастье, любви и деньгах. Патриарх Кирилл отвечает на вопросы вечные и повседневные [Текст] / А. Васянин. — Российская газета. — 2014. — 09 октября. — № 23. — С. 12—13.
9. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика [Текст] / П. А. Сорокин. — М. : Астрель, 2006. — 1176 с. — ISBN 5—271—13359—1.
10. Кино. В кинотеатр не загонишь [Текст]. — Российская газета. — 2015. — 29 января. — № 17. — С. 5.
11. Господдержка российского кино в 2012—2013 гг. [Электронный ресурс] / Новости : Рос. информ. агентство. — Режим доступа: http://ria.ru/trend/ state_ support_ cinema_19122012 (дата обращения: 20.05.2015).
12. Казарина, А. Госдума вновь хочет ограничить зарубежное кино в российском прокате [Электронный ресурс] / А. Казарина // Gorky.tv : информ. агентство. — Режим доступа : http://gorky.tv/posts/2807-gosduma-hochet-populyarizirovat-rossiyskoe-kino-cherez-kvotirovanie.htm (дата обращения: 20.05.2015).
13. Папенина, Ю. Золотые времена российского кино прошли [Электронный ресурс] / Ю. Папенина // Эксперт On-line : интернет-журн. — Режим доступа : http://expert.ru/northwest/2014/45/zolotyie-vremena-rossijskogo-kino-proshli (дата: обращения: 20.05.2015).
14. Глазьев, С. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? [Текст] / С. Глазьев // Коллекция Изборского клуба. — М. : Кн. мир, 2015. — 352 с. — ISBN 978—5—8041—0727—8.
15. Победоносцев, П. Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников [Текст] / П. Победоносцев. — М. : Кн. мир, 2012. — 144 с. — ISBN 978—5—8041—0553—3.
16. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. — М. : Эксмо, 2006. — 864 с. — ISBN 5—9265—0027—3.

КОКОРИНА Анна Игоревна, аспирантка кафедры связей с общественностью, сервиса и туризма; руководитель пресс-центра Омского государственного университета путей сообщения.
Адрес для переписки: anya5@list.ru

Статья поступила в редакцию 15.04.2015 г.

© А. И. Кокорина

Книжная полка

Лекторский, В. Релятивизм как болезнь современной философии / В. Лекторский. — М. : Канон + Реабилитация, 2015. — 397 с. — ISBN 978—5—88373—439—6.

Авторы книги пытаются осмыслить феномен релятивизма, получившего большое распространение в современной культуре — как в познании, так и в социальной жизни. В книге делается попытка выявить основания релятивизма и вместе с тем показать его несостоятельность как общей философской позиции и его ущербность на практике. Специально исследуются релятивистские тенденции в современной эпистемологии и философии науки, а также в науках о человеке: психологии, культурологии, исторической науке. При этом авторы различают релятивизм и скептицизм, а также плюрализм и релятивизм: показывается, что плюрализм может плодотворно практиковаться как раз в том случае, если понят в антирелятивистском ключе. По ряду обсуждаемых в книге вопросов авторы занимают разные позиции.

УДК 101:008:159.96

А. И. ДАВЫДОВ

Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ

Психоанализ — неотъемлемая составляющая не только психологической, но и философской традиции нашего времени. В данной статье автор рассматривает проблему человека в культуре в контексте прикладного психоанализа, под которым подразумеваются все внеклинические исследовательские разработки. Доказывается, что, несмотря на разнообразие взглядов и точек зрения в различных течениях психоанализа, которые рассматриваются в статье, по этому основному вопросу психоаналитическая мысль сохраняет принципиальную преемственность и единство.

Ключевые слова: сублимация, идентификация, амбивалентность, регрессия, психоанализ.

В философии психоанализа (под которым сейчас можно понимать сумму различных школ и направлений, придерживающихся так называемого «психодинамического подхода») проблема взаимоотношения человека и культуры одна из наиболее важных. Начиная с З. Фрейда, психоаналитические изыскания центрированы на изучении влияния культуры на поведение и ментальность ее носителей.

В сущности, под основной характеристикой культуры Фрейд понимал обширный и сложный комплекс психологических и институциональных механизмов, посредством которых обществу удается превратить человека в социальное существо. Культура учит членов одного сообщества сходным образом определять и вытеснять то, что относится к табуированной сфере. Тем самым она способствует консолидации сообщества и придает ему своеобразие, отличие от других. При этом механизмы вытеснения, действующие на групповом и индивидуальном уровне, похожи, хотя и не полностью аналогичны. Механизмы же идентификации порождают социальную связь на основе общих идеалов и запретов. Культура основывается на результатах вытеснения, осуществленного предыдущими поколениями, и каждому новому поколению приходится оберегать культуру, совершая то же самое вытеснение.

Фрейд рассматривает культуру не столько как среду, в которой создаются произведения искусства и рождаются достижения человеческого интеллекта, но, прежде всего, как инструмент управления обществом. Очень тонкий инструмент, использующий постоянное манипулирование заученными в детстве стереотипами, определяющими сознание и поведение, нормами, делающими допустимыми те или иные поступки (этикет, требования приличия и морали).

Каждый индивид находится, по выражению российского культуролога А. Я. Флиера, в «персональной культурной тюрьме» [1, с. 5], являясь рабом предписаний культуры. Культура и общество возникают в результате обуздания базовых бессознательных влечений, коренящихся в природе человека. Сама по себе человеческая природа для Фрейда морально нейтральна и широко наделена возможностями проявления равно как добра, так и зла. Степень их актуализации не предопределена, но в известных пределах зависит от характера общества и развитости его культурных институтов. Однако, пишет Фрейд, «вера в изначальную доброту человеческой природы — вредная иллюзия» [2, с. 42].

Возникновение морального сознания, согласно психоаналитической теории, связано у индивида с вытеснением детских желаний. Внешний запрет при этом замещается внутренним. Сверх Я заключает в себе социальные ценности и формирует мораль ребенка по образу Сверх Я родителей, тем самым обеспечивая трансляцию ценностей при смене поколений. Это проекция на человека социальных ценностей. Фактически сама воплощенная культура. Само развитие и усложнение общества и психического аппарата человека ведет к возникновению этой внутриличностной инстанции, которая и оказывает решающее влияние на культуру. Тяжесть культурных запретов острее ощущается молодыми людьми с незавершенной социализацией, отсюда вечный антагонизм поколений. Чем динамичнее развивается культура, тем этот конфликт острее и тем больше способствует дальнейшему прогрессу, поскольку увеличивает недовольство молодежи устаревающими нормами и тенденцию к их изменению. Первыми расплачиваются те, кто обогнал свое время. Однако репрессивность культуры порождает энергетику развития и новации. Культура своей нивелировкой парадоксально выделяет сильнейших и талантливейших. Если человек не способен быть сильным, нарушая или обходя рамки культурных запретов, и не способен к идентификации с массой, он выталкивается в болезнь. Культура ради всех защищает себя от одиночек, не вписывающихся в рамки, как сумасшедших, так и преступников. Психоанализ как терапия ориентирован на помощь тем, кто не выдержал репрессивности культуры, не может быть героем и кто должен хоть как-то адаптироваться к ней. С одной стороны, культура — комплекс необходимых запретов, с другой — набор спасительных проекций, позволяющих снимать в различных формах страхи,

агрессию и чувство вины, ими порождаемое. Однако гораздо больший культурный потенциал содержится в механизме сублимации. Посредством сублимации культура удовлетворяет нереалистические желания, освобождает импульсы и стремления ею же запрещенные и ограничиваемые, проецируя их на замещающий или иллюзорный объект. «Сублимация инстинктов, — пишет Фрейд, — является наиболее бросающейся в глаза чертой культурного развития» [3, с. 78], именно благодаря ей становится возможной высшая психическая деятельность: научная, художественная, идеологическая. Именно она играет важнейшую роль в творчестве. Но любая сублимация не может быть полностью эквивалентной непосредственному удовлетворения базовых влечений и, следовательно, не вполне заменяет последние.

Таким образом, в психоанализе, начиная с Фрейда, утвердилось понимание культуры как принципиально амбивалентного явления. В концепции З. Фрейда биологические, психологические и социальные компоненты человеческой сущности представляют собой противоречивое единство. Психологическое измерение человека при этом кардинально повлияло на представление о природе цивилизации. Культура объясняется на основе раскрытия глубинной сущности человека, который понимается как динамично развивающееся, до конца не завершенное, вечно становящееся и конституированное из разнопорядковых, конфликтующих между собой частей, существо.

Современная культура усиливает страхи, «базовую тревогу» и тем самым носит невротический характер. Она повинна в «невротических стремлениях к власти, престижу и обладанию» [4, с. 45]. Культ успеха, конкуренция, страхи, эмоциональная изоляция усиливают потребности в любви и понимании, а их нереализованность порождает глубокое разочарование в культуре. Культура дает человеку различные формы психологической защиты, с помощью которых он обороняется от базовой тревоги, являющейся неотъемлемой характеристикой человеческой экзистенции в современном мире. Большая часть из них деформирует подлинную личность, создавая конформистский, конфликтный или изоляционистский типы поведения. Человек К. Хорни — «расколотый человек» [5, с. 320]. Если для Фрейда Сверх Я — инстанция, формируемая семьей, то Э. Фромм первым в рамках психоанализа укажет, что главное — это культура и структура общества, в которые семья вписана. Сверх Я — это интернализация не столько родительских запретов, сколько общества в целом. Социально-экономические и политические условия облегчают одни способы «бегства от свободы», т.е. усвоения табу, и затрудняют другие. Благодаря этому «у большинства членов общества развиваются приблизительно одинаковые черты характера» [6, с. 94]. Идея социального характера и его соотношения с конкретными культурами, а также историческая динамика переформирования — центральная в творчестве Фромма. По Фромму, человек изначально самотождественен, а все искажения и диссоциации идут из культуры. В известном смысле Фромм начинает там, где в своей критике культуры остановился Фрейд, придавая ей социальное звучание. Его социальное бессознательное — вторичный продукт репрессивного общества (мысль, высказанная впервые В. Райхом). Спасение от антигуманной составляющей современной культуры, ее автоматизированного конформизма — в развитии спонтанной активности и творчества. Цель психоанализа — активизация внутреннего потенциала личности, что позволяет ей не просто как-то приспособиться к цивилизации, но занять творческую продуктивную позицию. Насущной проблемой современной цивилизации, по Э. Эриксону, является не создание еще одной идеологии, не «возрождение старины» или «поиск корней», не «национальная или общечеловеческая идея», а формирование новой универсальной этики, учитывающей законы и динамику развития человека, его идентификационные потребности, и способной стать научной основой новой системы воспитания будущих поколений. Критика культуры и современного общества всегда была характерной чертой психоанализа как направления научной и общественной мысли. Сама процедура анализа предполагает безжалостное расчленение проблемы для того, чтобы «добраться до глубин», до истоков, до скрытых мотивов. Естественно, что критичность стала неотъемлемым свойством психоаналитической теории и практики. «Маленький человек» В. Райха — жертва репрессивной культуры и одновременно ее представитель и транслятор. Он сам себе надсмотрщик. Г. Маркузе пишет, что «концепция человека, которая следует из теории Фрейда, — неопровержимый обвинительный акт западной цивилизации» и в то же время непоколебимая защита цивилизации вообще [7, с. 72]. Центральное понятие концепции культуры Рональда Д. Лэйнга — деперсонализация. Современная культура отчуждает человека от его переживаний, способствует расщеплению личности, стимулирует деструктивные защиты. Личность начинает во всем видеть манипуляцию. Все современные социальные институты разрушают человеческую природу, приноравливая ее к бытию в мире социальных галлюцинаций. Безумцами называют тех, кому не удалось приспособиться к ненормальной реальности. Современная цивилизация рассматривает внутренний мир человека как опасный, а сам процесс погружения в него как патологию.

Главное для современной культуры — мир социальных условностей, а не смыслов. Наиболее здоровой у человека является сфера свободной фантазии, но именно она отбрасывается в сегодняшнем мире как нечто незрелое. Результат — внутренние противоречия, разорванность различных аспектов души и тела, особенно мучительные для человека не способного быть конформным, ставшим «полубезумным существом в сумасшедшем мире» [5, с. 431].

Согласно Р. Мэю, в основе всех болезней человека как социокультурного существа лежит тревога, являющаяся недифференцированной эмоциональной реакцией на проблемы человеческого существования. Это индикатор внутрипсихических конфликтов, вызываемых столкновением с дегуманизированной средой. В отличие от нормальной тревоги и ситуационных страхов, она неадекватна ситуации, поскольку является реакцией не на реальную опасность, а на «культурный фон» [8, с. 356], ощущение бессмысленности существования. Современная западная цивилизация, как пишет Р. Мэй, патологична и шизоидна, поскольку механистична, массоидна и способствует отчуждению людей друг от друга. Невротик — «Кассандра, предсказывающая будущее культуры» [9, с. 54].

Основанием культуры у В. Франкла является не динамическое равновесие между принципами

удовольствия и реальности, достигаемое репрессивными и конверсионными механизмами культуры, как в классическом психоанализе, не коллективное бессознательное, а присущее человеку стремление к смыслу, его экзистенциальная самоценность. Если в культуре воля к смыслу подвергается фрустрации в результате ощущения человеком своей пустоты и никчемности, тогда на первый план выступают стремление к власти, сублимация, архетипы. Культурные ценности для Франкла — это универсалии смысла, связанные с типичными ситуациями, с которыми сталкиваются разные общества и человечество. Современная культура жестко не предписывает человеку нормы поведения, не диктует ему того, что он должен делать. Человек оказывается в пустоте смыслов — экзистенциальном вакууме. Это духовный кризис, возникший в результате распада традиций и угнетения инстинктивных программ, утраты универсальных смыслов культуры. Путь к преодолению «ноогенных неврозов» современности — самотрансценденция, т.е. выход за пределы культурно ограниченного Я в поисках смысла — «Жизнь как миссия» [10, с. 211]. Убеждение в этом — цель экзистенциального анализа.

Наибольшее развитие к настоящему моменту получила теория «объектных отношений» (английская и венгерская школа психоанализа), в которой исследовательские и терапевтические акценты сместились с дериватов влечений (драйвов) бессознательного на межличностные связи и адаптацию человека к культурной среде. Значительная часть современных психоаналитиков ориентированы на изучение нарциссизма, как главного следствия изменения психологии и культурных установок человека постиндустриального общества. О. Фенихель пишет о «нарциссической жажде власти» [11, с. 740], Х. Кохут о «нарциссической личности» и «нарциссическом гневе» [12, с. 87], Д. Берман о нарциссическом творческом самоудовлетворении, характерном для современного искусства. Сегодняшний культурный контекст — наилучшая среда для порождения и расцвета нарциссизма. Для нарциссической личности Я, не подтвержденное «значимыми Другими», становится плохим, а разочарование переживается как жизненная катастрофа. Постоянный контроль за впечатлениями, производимыми на других, требует слишком больших сил, приводит к патологии развития и самооценки. Имиджевая репрезентация вовне «социального Я», предписываемая культурой, и потребности в адекватной самооценке вступают в противоречие. Нарциссическая личность у Х. Кохута не подвержена чувству вины, а лишь чувству стыда, возникающему из-за несоответствия «грандиозной Самости» жизненным реалиям. Чувство вины сейчас предпочитают описывать в постмодернистской лексике как пустоту, скуку, фрагментарность и разорванность личности, безадресную раздражительность. Давление Сверх Я, через которое опосредованно проявляется культурная репрессия, выражается в разных формах неудовлетворенности, описываемых современным психоанализом как «диффузия идентичности» Э. Эриксона или «состояние истощения Самости» Х. Кохута. Большинство современных психоаналитиков соглашаются с тем, что для человека в сегодняшнем мире характерна «социокультурная патология самоидентичности» [12, с. 296], выражающаяся в отсутствии готовности и способности к пониманию во все усложняющемся мультикультуральном пространстве; в потере веры в науку и благотворное воздействие культуры; в пессимистической оценке роли общественного прогресса и роли общества в судьбе отдельного человека; в потере чувства реальности собственной жизни, ее виртуализации; в отсутствии понимания необходимости выполнения своей социальной роли. Таким образом, в современном психоанализе растет убежденность в базовой конфликтности цивилизации (как процесса создания и суммы материальных благ) и культуры (как духовного пространства). Для всех форм психоанализа остаются принципиальными трактовка культуры, с одной стороны, как выражения изначальных психических качеств человека, а с другой — как ограничивающей спонтанной проявление этих качеств системы, объяснение культурных процессов с учетом психической их детерминации, осмысления культуры с точки зрения бытия в ней человека.

Подводя итог, следует отметить, что психоанализ методологически может быть полезен для характеристики кризисных и переходных социокультурных периодов в жизни общества [13, с. 215–218] и тем самым усиливает прогностическую функцию гуманитарного знания.

Библиографический список

1. Флиер, А. Я. Культура как репрессия / А. Я. Флиер. — М. : Издат. дом Диаграмма, 2006. — 320 с.
2. Фрейд, З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // Психоанализ. Религия. Культура : сб. — М. : Ренессанс, 1992. — 296 с.
3. Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд // Психоанализ. Религия. Культура. — М. : Ренессанс, 1992. — 296 с.
4. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. — М. : Акад. проект, 2008. — 207 с.
5. Лейбин, В. М. Постклассический психоанализ. В 2 т. Т. 2 / В. М. Лейбин. — М. : Территория будущего, 2006. — 565 с.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — М. : Акад. проект, 2007. — 270 с.
7. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. — М. : АСТ, 2003. — 332 с.
8. Мэй, Р. Проблема тревоги / Р. Мэй. — М. : Эксмо-Пресс, 2001. — 431 с.
9. Мэй, Р. Мужество творить: очерк психологии творчества / Р. Мэй. — Львов : Инициатива, 2001. — 88 с.
10. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. — М. : Апрель-Пресс, 2000. — 286 с.
11. Фенихель, О. Психоаналитическая теория неврозов / О. Фенихель. — М. : Акад. проект, 2004. —848 с.
12. Кохут, Х. Анализ Самости: системный подход к лечению нарциссических нарушений личности / Х. Кохут. — М. : Когито-Центр, 2003. — 367 с.
13. Давыдов, А. И. Период социокультурной модернизации: психоаналитический подход / А. И. Давыдов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2011. — № 3 (98). — С. 215–218.

ДАВЫДОВ Алексей Иннокентьевич, доцент кафедры истории и политологии.
Адрес для переписки: dove3@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.03.2015 г.
© А. И. Давыдов

УДК 008:130.2

Г. Г. ВОЛОЩЕНКО

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ДРЕВНЕРУССКИЙ ДОСУГ КАК НОСИТЕЛЬ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА СЛАВЯНСКОГО МИРА

Анализируются три версии появления досуга в Древней Руси. Автор приходит к выводу, что главный вариант происхождения — от греко-византийского Σχολη, высшего пифагорейско-платоновского досуга.

Ключевые слова: восточные славяне, европейские взаимовлияния, досуг, божественная деятельность, фольклор.

После разрушения рабовладельческого строя Рима восточные славяне, будущие русские, украинцы, белорусы, располагались по Днепру до Волхова тремя месторазвитиями. Киевское княжество этого периода — многоотраслевое хозяйство с высоким искусством ремесленников, развитой торговлей и крестьянской общиной, которая уже в X—XI вв. применяла трехполье, что и было отмечено в летописи 1127 г.

Древнерусская крестьянская община, с ее сельским сходом, с уравнительным переделом земли по жребиям, правом участия членов общин в жеребьевке, запрещением отдельным членам нарушать прерогативы общины и т.д., все больше выходит на первый план хозяйственной деятельности молодого нарождающегося государства.

Быт и творчество славян отличались от быта и творчества их соседей — германского, фракийского, тюркского, финно-угорского сообществ. Археологи отмечают, что с VI—VII вв., времени появления первых славянских курганных захоронений, славянский быт характеризуется специфическим домостроительством (сначала земляные, полуземляные, а затем и наземные постройки), особой лепной посудой и погребальной обрядностью [1]. С позиции развития языка VI—VII вв. — это диалектно-племенное членение на последней стадии праславянского языка. Завершается последний период праславянской истории — начинается формирование отдельных групп: восточной, южной и западной. В славянской культуре главное божество до IV в. до н. э. было — Deus (Деус) — Зевс (Дый, Див); с IV в. до н. э. под влиянием ираноскифов появилось название — «бог»; в свою очередь, ему на смену в IV в. н. э. от готов, принявших христианство, пришло слово «господь» [2].

В древнерусских поучениях против язычества (XI—XII вв.) упоминается вместе с женскими персонажами — рожаницами — мифологический персонаж, воплощающий единство рода — Род; берегини и упыри. В качестве бога огня почитали Сварога/Сварожича [3]. За 8 лет до принятия христианства по распоряжению князя Владимира в Киеве были установлены на горе идолы божеств, включенных в государственный пантеон. Сюда вошли Перун — бог грома, покровитель воинов (дохристианский главный бог нарождающегося государства, в период двоеверия постепенно заменявшийся Ильей-пророком); Дажьбог/Даждьбог, Хорс — бог (боги) солнца; Стрибог — «распределитель» богатств, возможно, имел атмосферные функции; Семаргл/Симаргл (функции не ясны); Мокошь — единственное женское божество древнерусского пантеона, типологически близкое к греческим мойрам, прядущим нити судьбы. В нижней части города стоял идол Волоса/Велеса — покровителя скота и бога богатства [4]. Важнейшей культурной составляющей X в. восточнославянского сообщества становится принятие Русью христианства в 988 г. По мнению игумена Иоанна Экономцева, столь свойственное древнерусским людям образно-символическое восприятие мира, их максимализм, стремление достигнуть абсолюта одним порывом воли нашли благоприятную почву [5]. Другим фактом стало создание во второй половине IX в. славянской письменности. Этот процесс связывают с именами братьев Кирилла (827—869) и Мефодия (815—885). Они не только создали славянскую азбуку, но и перевели на нее с древнегреческого языка книги Священного писания.

С XI в. в семьях стали учить грамоте мальчиков и девочек, в Киеве создали женский монастырь, а при нем школу для обучения грамоте девушек. Появились школы и высшего типа, готовившие к государственной и церковной службе. Одна из таких школ была при Киево-Печерском монастыре. В ней обучали богословию, философии, риторике, грамматике, используя исторические сочинения, сборники высказываний античных авторов, географические труды.

Среди князей и их семей было распространено знание иностранных языков. «Книжными мужами» летописи называли Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославовича, Владимира Мономаха, Ярослава Осмомысла, Константина Всеволодовича Ростовского. Образование получали и некоторые женщины в княжеских семьях.

Известны имена 39 писцов XI—XIII вв., 15 из них — лица духовного звания. С XI в. на Руси существовали библиотеки, в них были сборники изречений известных поэтов, философов, богословов мира, переводные книги Минеи, Триодь, а также Часословы.

На двадцатом веке своего сложного и противоречивого развития досуг был зафиксирован в письменности восточных славян. Известным славистом и этнографом И. И. Срезневским в XIX в. найдено

первое, относящееся к XIV в., употребление слова «досуг» в славянской культуре. В дошедшем в подлиннике правовом документе «Закладной кабале на землю» говорится, что братья Обросим и Лаврентий Васильевы берут взаймы у Федора Макарова землю на 13 лет. И оговаривают условия, в том числе «пытати варити по досугу как могя... сол(ь)» [6], где «по досугу» Б. М. Ляпунов переводит «по способности, по возможности, по достижению» [7: с. 63–68]. Откуда культура древней Руси могла заимствовать это слово?

Необходимо отметить, что во второй половине XIX и первой половине XX вв. после находки И. И. Срезневского этот вопрос уже ставился. Лингвистами-славяноведами был собран огромный материал, однако анализы И. А. Потебни, А. Х. Востокова, В. И. Даля, И. Желтова, Ф. Миклошича, Н. В. Горяева, М. Фасмера, Б. М. Ляпунова, А. Львова по интересующему нас аспекту можно свести к выводу А. Г. Преображенского: происхождение неясно [8, с. 230].

Наш анализ предыдущих этапов развития культурологического явления «досуг» дает возможность говорить о трех вероятных источниках заимствования. Расположим эти источники по степени возможности их влияния на культуру Древней Руси (по нарастающей).

Теоретически возможно германо-франко-английское заимствование. Эти языки, по мнению лингвистов, начали развиваться на полтора–два века раньше древнерусского. Новейшие исследования истории немцев в Древней Руси указывают на их появление у нас с X в. Были и франко-древнерусские связи: так, в середине XI в. дочь киевского князя Анна Ярославовна стала женой французского короля Генриха I и матерью Филиппа I. Английская знать и купцы также неоднократно наведывались в Киевскую Русь X–XII вв. Но у нас нет данных о точном времени появления немецких, французских и английских досугов, так что это гипотетически возможное заимствование оценим в несколько десятых процента.

Второе заимствование древнерусского слова «досуг» возможно от римско-латинского слова «otium». Согласно «Предварительному списку славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР», некоторые из 1493 учтенных на этот период рукописей были на латинском языке. Отдельные придворные и монахи знали этот язык и изъяснялись на нем. Оценим возможность латинско-древнерусского заимствования в несколько процентов.

Третье возможное заимствование — это греко-византийско-древнерусское. Данное мощное влияние отразилось во всех сферах древнерусского государства X–XV вв. — грамотности, религии, архитектуры, музыки, истории, одежды, законодательства и т. п. Лингвисты считают, что под греко-византийским влиянием древнерусский язык пополнил свой словарный запас от четверти до трети его объема. Греко-византийский этап в развитии русско-славянской духовной культуры является базовым, ссылка на него обязательна при перечислении культурных эпох восточных славян. Вот как это делает И. П. Снегирев в 1837 г. в «Русских простонародных праздниках и обрядах»: «Эпохи... языческая или дохристианская; греческая (до татар); восточноевропейская... западноевропейская» [9].

Однако, прежде чем анализировать византийско-древнерусские связи, важно не забыть предостережение Б. А. Рыбакова о том, что за 120 лет до Древней Руси такие связи уже устанавливались между Византией и Болгарией. Поэтому часть византийских влияний на Древнюю Русь несет южнославянскую мету.

Такое влияние, например, отразилось на преемнике досуга — школе. Первые школьные образования на Руси назывались в южнославянском духе — училищами [10]. Но слова «досуг» нам древние болгары не передавали, как нет его в древнеславянском и древнерусском языках до начала византийско-древнерусских связей.

Согласно З. В. Удалыцовой, византийская культура базировалась на Библии, греко-кафолической литературе и произведениях античной классики [11].

В философии Византии получили развитие взгляды Платона, Аристотеля и стоиков, включавшие учение о «Σχολη» — «высшем досуге». Доказательством этого стал в XV в. новый расцвет платоновского варианта мифа — учения «Гармония сфер» в Италии и университетах Европы, куда его завезли византийские философы после захвата страны турками [12]. Византия передала вместе с православием Древней Руси и «высший досуг». Именно на эту версию падают остающиеся 90 с лишним процентов шансов заимствования явления «досуг» Древней Русью.

Наша уверенность базируется и на следующем. Все имеющиеся десятки оригинальных и сотни дублирующих употреблений слова «досуг» в Древней Руси и России XIV–XVIII вв. не поддаются расшифровке при применении римско-латинского и западноевропейского ключа «досуг-праздность». И напротив, впервые за последние столетия поддаются расшифровке, наполняются глубинным содержанием при использовании ключа Древней Греции и Византии «досуг — высшая деятельность». Раскроем же смысл передачи грековизантийского слова «Σχολη» древнерусскому слову «досуг» и двум другим словам этого же корня, которые, возможно, появились в трех разных центрах Древней Руси, (рис. 1).

Рис. 1. Смысл передачи содержания греко-византийского слова «Σχολη» древнерусскому слову «досуг» и другим однокоренным словам

Комментарий к схеме дадим следующий. Представляется, что перед нами в «чистом виде» досуг с пифагорейско-платоновским содержанием мифа — учения «Гармонии сфер» последнего средневекового этапа развития.

Коснемся основных источников передачи греко-византийского досуга в культуру Древней Руси. Первый источник — классический — это монастырско-литературная культура. М. В. Алпатов справедливо писал, что русские книжники, знавшие греческий язык, читали труды античных мыслителей в оригинале. Тому подтверждение слова из Никоновской летописи 1610 г.: «Избрав мужей разумных и разумом досужих от священнического чина и от дьяконовского, которые б умели говорить с латыни о православной христианской вере». В этом же контексте идет высказывание в духе «Домостроя» из «Повести о Горе-Злочастии» начала XVII века: «Не хвались ты, молодец, своим счастьем, Не хвастай своим богатством, Бывали у меня, горя, и мудряя тебя, и досужае...».

Второй источник — княжеско-(царско)-дворянская культура. Типичны примеры применения высшего досуга у Н. М. Карамзина, великого князя Бориса Александровича (XV в.), Петра Первого, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина и некоторых писателей-разночинцев. Н. М. Карамзин в 1810 г. писал: «Мужеством и досужеством Ив(ан) Гроз(ный) подобен великому царю Константину» [13]. Великий князь Борис Александрович отмечал в Договоре: «А буде ему досуг и самому пойти» [14]. Стонут от недосугов, отсутствия возможности реализовать великие цели, письма Петра Первого: [15] «И о том прошу всех, чтоб не сомневались в том, потому что за недосугом, а иное за отлучкою... не исправишь» [15, т. 2, с. 22], «и ради своего недосугу полагаюсь и спрашивать буду на вас» [15, т. 1, с. 48], «тому учинилось препоною недосужество, потому что отец ваш бдел в непрестанных трудах письменных» [15, т. 1, с. 9], «для бога не сумневайтеся о почтах, замешкаваются, истинно за недосошеством» [15, т. 1, с. 572].

У Г. Р. Державина в переписке мы встречаем любопытную оговорку «Досуга моя», что свидетельствует о поиске места досуга в родовых грамматических конструкциях. Следы гения оставил в этой теме А. С. Пушкин: [16] «Часы досугов золотых» [16, т. 1, с. 75], «часы бесценного досуга» [16, т. 1, с. 91], «вдохновенный свой досуг»[16, т. 1, с. 91], «Я на досуге пишу новую поэму «Евгений Онегин», где захлебываюсь желчью» (Тургеневу) [16, т. 13, с. 650]. Неожиданную характеристику дворянского досуга мы встречаем у писателя-революционера С. М. Степняка-Кравчинского, который в книге «Россия под властью царей» (1885 г.), вышедшей в Англии, писал: «Государство... от дворян требовало их кровь, их досуг, их жизнь» [17], где досуг идет в значении «способности, высшие качества, талант».

Третьим источником развития высокого досуга Древней Руси и России был народ и близкие к нему слои. А. Я. Гуревич, теоретик средневековой народного творчества, отметил, что «внутри молчаливого большинства бурно развивались и самостоятельные процессы». Россыпь пословиц и поговорок, связанных с досугом, многообразие его грамматических форм и выражений не исключают того, что у народа были свои источники и связи — не исключено, что это были скоморохи. Это подтверждает и нахождение первого досуга в письменности Древней Руси у простолюдина. На протяжении семи—восьми веков то замирая, то захлестывая восточнославянское государство, несли они высший досуг окружающим. Именно в этом, нам представляется, причина его богатейших россыпей, мимо которых не прошел ни один представитель серебряного века отечественной славистики.

Начнем обзор с пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем, П. И. Мельниковым-Печерским и И. И. Носовичем: Был бы друг, будет и досуг. Будет досуг, когда вон понесут. Досужество да умение всего дороже. Ен досуж на все. Дружки жена да досужа была, сем(ь) год кроены ткала.

С. Б. Веселовский в «Ономастиконе» отражает первую фамилию с интересующим нас словом: «Досугов Иван, подьячий, дозорщик, Рязань, 1621 г.» [18] И. А. Крылов черпал в народном творчестве не только сюжеты, но и различные варианты досуга: «А я с моим уменьем и трудом, притом с досужестью моею, знай, без тебя пробавиться сумею» [19]; «Досуг мне разбирать твои вины, щенок!»; «Вот наша девушка зачнет считать своих подруг. А ей считать большой досуг» [19, с. 13], «То видя, говорит как путный Миша другу: «Приляг-ка, брат, и отдохни. Да коли хочешь, так сосни. А я постерегу тебя здесь у досугу» [19, с. 120].

У великого русского критика В. Г. Белинского почерпнутые у народа «досужество», «досужесть» употребляются в значении «возможность», «способность», «достижение» и порой наполнены сарказмом: «Эки молодцы были в древности, исполать их досужеству... Литератору никогда не понять досужести французских писателей, которые успевают бывать в театрах... Откуда вдруг такая плодовитая досужесть в задних рядах нашей литературы» [20]. Писатель из военной среды А. Ф. Погосский в 1853 г. дает любопытные определения досуга и недосуга: «Часок, когда работы не требуется, а отдыхать не хочется, вот это и есть досуг. А «недосуг» да «времени нет» — это бывает у такого господина, который ничего не делает» [21]. У писателя и общественного деятеля С. Аксакова «досужество» употребляется в значении «высокие качества». «Пелагея, кроме досужества в домашнем обиходе, принесла... дарование сказывать сказки» [22].

В. И. Даль в «Толковом словаре русского языка» указал на богатство производных «высшего досуга»: Человек или конь с досугом, с досужеством, с умением или особо добрыми качествами. Досужий — умеющий, способный к делу, ловкий, искусный, хороший мастер своего дела, или мастер на все руки. Досужесть, досужество, досужство — свойство досужего, уменье, ловкость, способность к делу, мастерству [23].

Из вышеизложенного вытекает, что Древней Русью понятие «досуг» было заимствовано из культуры Византии, у восточных славян оно включало два этапа развития — проектный (X—XIV вв.) и реального греко-византийского заимствования, зафиксированное в бытовом документе XIV в. Б. М. Ляпунов считает, что первая версия досуга закончила у восточных славян свое активное развитие в первой половине XIX века. Укажем на некоторые теоретические аспекты, имеющие, на наш взгляд, к этому отношение. Первое: захват турками в середине XV века Византии, и резкое уменьшение ее влияния на Русь. Второе: с середины XVII в., с царствования Алексея Михайловича (1645—1676 гг.), издавшего 33 указа, началось преследование скоморохов, носителей народного творчества и греко-византийского

досуга, знатоков языков и обычаев, талантливых музыкантов, певцов и плясунов, исполнителей и организаторов народных драм и медвежьих праздников и т. д. Третье: как известно, между отцом и сыном, Алексеем Михайловичем и Петром Алексеевичем, историки проводят водораздел эпох, здесь заканчивается византийско-древнерусский диалог досуга и начинается западноевропейско-российский. В рамках же первого диалога культур впервые объяснен смысл древнерусского слова «досуг».

Библиографический список

1. Седов, В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. / В. В. Седов. — М., 1982. — С. 8—10.
2. Георгиев, В. Трите фази на славяне ката митология / В. Георгиев. — София, 1970. — С. 4.
3. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М., 1990. — С. 4.
4. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Толстой. — М. : Эллис Лак, 1995. — С. 288.
5. Экономцев Иоанн, игумен. Православие. Византия. Россия. Сб. ст. — М. : Христианская литература, 1992. — С. 37.
6. Закладная кабала XIV в. на землю // Акты, относящиеся к периоду до юридического быта древней России. В 2 т. Т. 2. — СПб., 1864. — С. 3.
7. Ляпунов Б. М. Из семасиологических этюдов в области русского языка : досуг и пр. // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. — 1946. — Сер. 5. — Т. 68. — С. 63—68.
8. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка (Фотокопия словаря 1910 г.). В 2 т. Т. 1 / А. Г. Преображенский. — М., 1959. — 674 с.
9. Снегирев, И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды / И. М. Снегирев. В 2 т. Т. 1. — М., 1990. — С. 4—5.
10. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XIX вв. В 4 т. Т. 1. — М., 1985. — С. 109.
11. Удальцова, З. В. Византийская культура : моногр. / З. В. Удальцова. — М., 1988. — С. 114—115.
12. «Гармония сфер». «Академия» // Философский словарь. — М., 1983. — С.101—116.
13. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. — М., 1896.— Ч. 1.
14. Договорная грамота великого князя Бориса Александровича с королем Казимиром, 1449 // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1846. — С. 66.
15. Письма и бумаги Петра Великого: В 13 т. — СПб., 1987. — Т. 1. 1688—1701. Т. 2. 1702—1703. Т. 3. 1704—1706.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. — М., 1937.
17. Степняк-Кравчинский, С. М. Россия под властью царей / С. М. Степняк-Кравчинский. — М., 1960. — С. 71.
18. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Словарь — М., 1974. — С. 100.
19. Крылов, И. А. Собр. соч. В 2 т. Т. 1 / И. А. Крылов. — М., 1969. — 527 с.
20. Белинский, В. Г. Избр. соч. В 3 т. Т. 1 / В. Г. Белинский. — М.: ОГИЗ, 1941. — С. 530.
21. Погосский, А. Ф. Полн. собр. соч. В 4 т. Т. 1 / А. Ф. Погосский. — СПб., 1899. — С. 5.
22. Аксаков, С. Т. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. — М., 1956. —810 с.
23. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. — М., 1994. — С. 481.

ВОЛОЩЕНКО Геннадий Григорьевич, доктор культурологии, доцент (Россия), профессор кафедры социально-культурной деятельности.
Адрес для переписки: wolosch@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.07.2015 г.

© Г. Г. Волощенко

УДК 130.2

Н. И. ЖУРАВЛЕВА

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье рассматривается проблема преобразования традиционного, доличностного сознания, осуществленная в рамках советского модернизационного проекта. Автор полагает, что появлению субъектных качеств личности способствует сама городская повседневность, предполагающая иной тип социальных связей, появление новых культурных практик и гендерных стратегий.

Ключевые слова: субъектность, модернизация, урбанизация, повседневность.

Советский модернизационный проект, при всей своей специфике, повлек закономерные социальные и антропологические изменения, характерные для эпохи модерности в целом. Одно из таких проявлений модерности — появление автономной личности, системные качества которой самоопределение, рефлективность и саморазвитие — т. е. субъектность. Это приводит целый ряд ученых к радикальному выводу — последствием уничтожения интеллектуальной и творческой элиты стали неизбежная и стремительная деградация общества и примитивизация сознания, позволяющая характеризовать общее состояние советской культуры как «антропологическую катастрофу» и «выпадение

из истории». Но, как представляется, сложность и длительность модернизационных процессов, происходивших в стране, требует более объемного, многостороннего рассмотрения, учитывающего негомогенность российского, а затем советского общества и историческую динамику.

«Меж тем в силу особенностей исторического развития России, где к началу революции было более пятидесяти процентов полностью неграмотного населения, личностный опыт оказался достоянием исполненного мощной творческой энергии, но узкого по своей численности слоя. В массе своей население составляли всего лишь за полвека до революции вышедшие из крепостного рабства крестьяне — носители традиционного *доличностного* сознания» [1, с. 11], — напоминает кинокритик Е. Марголит, которого, кстати, сложно заподозрить в апологетике социализма. «Средний советский человек», по мнению Т. А. Кругловой, — результат травмы, испытанной всеми слоями общества, — «интеллигенция должна была потерять свою субъективность (преодолеть уединенность и оторванность своего жизненного мира), а бывший крестьянин — приобрести субъектность, которой до этого не обладал» [2, с. 93]. Но как рождается субъектность? Как преодолевается путь от общинной коллективности к индивидуальной автономии? Будучи феноменом «пост-традиционного» общества, проявляется ли она спонтанно или требует властного насилия / демократических свобод; политической воли / диктата повседневности; демократического образовательного проекта / элитарного воспитания; аскетичной духовной работы / безудержного потребления — чего из такого противоречивого и богатого арсенала социальной практики «новейшего времени»? Попробуем ответить на этот вопрос.

Важный элемент любой модернизации — урбанизация. Можно предположить, что специфика шестидесятых годов, когда «советская цивилизация развилась в наиболее характерную для себя модель» [3, с. 510], обусловлена не только политическими, но и глубокими модернизационными сдвигами, вызванными именно ею. Но советские города специфичны. Это, по выражению А. Г. Вишневского, «бурги без буржуа». Распространенное убеждение, что современный тип автономной личности может сформироваться только в рамках экономической свободы и рыночной конкуренции, не оставляет шансов увидеть в homo soveticus высокосубъектного индивида. Но может ли сама городская повседневность стать условием трансформации сознания? Очевидно, что изменение типа социальных связей, культурного опыта, гендерных стратегий, инспирированное городской жизнью, не могло не повлечь изменения самосознания.

Разрушение традиционной общинной социальности не привело к полному исчезновению соответствующих ей жизненных стилей. Они воспроизводились не только в советской деревне, на протяжении всего времени ее существования, но и в городах, население которых пополнялось преимущественно за счет бывших крестьян. В 1959 г. в РФ и 1962-м в СССР численность городского населения сравнялась с сельским, символический рубеж был перейден, но и через два десятка лет многие городские жители страны были горожанами в первом поколении. Анализируя демографические процессы, сопровождающие социалистическую модернизацию, А. Г. Вишневский считает, что одним из результатов ускоренной урбанизации стала «маргинализация, в результате которой целые поколения потеряли одну систему ценностных ориентиров и не обрели другой» [4, с. 137] Но обрисованная им ситуация была, по-видимому, сложнее и структурно, и динамически, что отчасти подтверждает и сам Вишневский, обозначая один из сложившихся к этому времени человеческих типов — «соборный человек с университетским дипломом» [4]. Это наводит на мысль о скорее синтетическом (или эклектичном) характере сложившегося ценностного мира. Несомненно, бывшие крестьяне, перебираясь в город, могли сохранять привычный хозяйственный уклад или некоторые его элементы благодаря частному домовладению и приусадебному участку. Наличие «подсобного хозяйства» у горожан, а в особенности жителей рабочих поселков было и по-прежнему остается обычным для России. «Слободизации» не избежали даже вновь построенные индустриальные соцгорода. Тем не менее повседневный опыт людей, ставших горожанами, претерпевал изменения. Это происходило за счет повышения уровня жизни и бытового комфорта, которое могли ощутить не только «счастливые обитатели отдельных квартир», но и жители коммуналок, переселившиеся из деревень, где наличие приватного пространства тоже было проблемным. Развитие сферы услуг (в 1959 г. появились дома быта) позволяло сократить время на домашнее обслуживание. Специализированные ателье по пошиву одежды и ремонту обуви, прачечные и химчистки, кулинарии и «домовые кухни» преподносились как реалии нового «социалистического быта» и, очевидно, так и воспринимались. Расширялась и сфера досуга. Другим, не менее важным фактором стало освоение собственно городских практик, более автономных и анонимных, в результате чего привычные органические связи дополнялись и замещались функциональными. Приобщение к новым бытовым реалиям, усвоение новых форм поведения и досуговых практик имело для советского человека важное символическое значение — все это было выражением обретенной «культурности», которая, как отмечает Т. А. Круглова, и выступала формой субъектности. Американская исследовательница К. Кларк пишет: «Русское понятие «культура» куда шире в своих ассоциативных связях, чем английское «culture». Оно включает и такие вещи, как умение пользоваться носовым платком, выражать благодарность или хорошо обставить квартиру. Культура по-русски — это когда крестьянин переходит из деревянной избы в более модернизированное жилье и меняет свой наряд на городское/западное платье... «Культура» — это модернизация (канализация и асфальт). Культура — это вежливость. В этом широком контексте уживаются и образование с искусством» [5, с. 170]. Перефразировав известную сентенцию, можно сказать, что «воздух города делает человека культурным». Нормы «культурности», как и идеологически правильная риторика, выступающая в определенном смысле одной из таких норм, могли быть усвоены поверхностно, на уровне социальной мимикрии или, если воспользоваться терминологией Тойнби, мимезиса. Но даже в этом случае они могли стать средством продвижения по социальной лестнице, повышающим самоуважение символическим капиталом и путем к новой идентичности и индивидуации.

Проблема советской идентичности — отдельная и большая тема. Представление, что «простой советский человек» фанатично идеологичен — сильное

преувеличение, да и сам советский марксизм «существовал не только и не столько как политическая идеология, сколько как нормальный повседневный образ мира, на который ориентируется практическая человеческая деятельность» [6, с. 398]. Более того, «то, что называют социалистическим мифом, было для людей способом историоризации бытия, переводом идеологем в интенсивный мир реальных переживаний» [7, с. 51]. Овладение словом — условие вхождения в сакральные сферы советской культуры. Усвоение необходимых языковых норм стало стратегией в расширяющейся практике конформизма и способом утаивания, а для кого-то обретением нового языка или мостом к нему.

Советские люди, в большинстве своем, часто писали — крестьяне и горожане, грамотные и безграмотные, и даже те, кто, по сути, принадлежал к культуре дописьменной [8]. Писали прежде всего письма — родным, друзьям или в редакцию, некоторые — дневники и даже мемуары. Но и «наивное письмо» и литературно оформленный текст могут рассматриваться не только как свидетельство эпохи, но и письменное выражение процесса индивидуации. Рефлективность — условие вхождения в субъектность, и авторы обнаруживают ее хотя бы в зачаточных стадиях. Представление о разных уровнях субъектности — методологическое основание для виртуозного анализа текстов, созданных «простыми советскими людьми», предложенного Н. Н. Козловой.

Чтение в Советском Союзе — один из самых доступных, популярных и социально престижных видов досуговой практики. Бесспорно, это связано и с неразвитостью иных ее форм (телевидения, например), но так же бесспорно, что советский штамп «литература и искусство» появился не на пустом месте и утверждает исключительный статус литературного слова, выводя его из пространства художественности в сферу высшей реальности. Чтение — способ раздвинуть границы внутреннего мира за границы мира внешнего. Литературоцентризм (М. Берг) и шире словоцентризм (П. Вайль и А. Генис) задает и специфически советскую форму коллективизма, снимающую границы публичного и приватного — коллектив объединенных словом единомышленников. «Процветали высокие жанры трепа, застолья, беседы по душам, художественно осложненные разговорным российским пьянством» [3, с. 889], — вспоминают П. Вайль и А. Генис и заключают: «Напрямую из культа слова вытекают те следствия, которые делают советского человека исключительным событием XX века. Прежде всего, это установки на коллективизм и превосходство духовного над материальным» [3, с. 889].

Еще одним важным следствием урбанизации стала трансформация семейных отношений. Октябрьская революция 1917 г. не стала толчком к разложению традиционной патриархальной семьи, но значительно ускорила этот уже начавшийся процесс. Модернизация экономической и социальной жизни сопровождается и модернизацией сознания, выражающейся, прежде всего, в развитии внутренней регуляции поведения и усложнении духовного пространства.

Появление понятия «личная жизнь», одновременно фиксирующего ценность личностного статуса и приватности, обусловлено появлением и развитием сферы интимности. Ее существование и расширение — один из симптомов модерности. «Область сексуальности стала «личной собственностью» в той же степени, в которой жизнь превратилась в частное пространство биографии» [9, с. 171], замечает Н. Н. Козлова. Революция в сфере семьи невозможна без революции чувств, считает А. Г. Вишневский [4]. Либерализация нравов, всегда воспринимающаяся современниками как кризис морали, необязательно ведет к «вседозволенности и распущенности». Романтическая любовь как регулятор сексуального поведения оказалась не менее действенной силой, нежели традиция и запреты. Сформированный официальной культурой идеал единственной любви стал в советское время основой довольно строгой половой морали. «Настоящая» любовь — индикатор духовной зрелости, не позволяющей «разменивать чувство» в скоротечных интрижках и сексуальных приключениях. Вместе с тем убежденность, что любовь должна быть необходимым и достаточным основанием для создания семьи, сделала семейный союз проблемой личного выбора, а не единственной легитимной формой деторождения.

Переход от традиционной патриархальной к современной нуклеарной семье связан с демографическими и социальными процессами (сокращение смертности, отмена запрета на аборты в послевоенном СССР, упрощение развода), но оформляется как приватизация, интимизация семейных отношений.

Сложившаяся в СССР гендерная ситуация очевидно двойственна. С одной стороны, представляющиеся советскому человеку само собой разумеющимися политическое и правовое равенство полов, и иные, несправедливо недооцененные впоследствии, «завоевания социализма», как-то: принцип равной оплаты за равный труд, оплачиваемый декретный отпуск (что в США было узаконено только при Дж. Картере), льготы работающим матерям, система дошкольного воспитания и т.д. С другой стороны — сохранение патриархатных установок. Они воспроизводятся на уровне житейского опыта и как стереотипы традиционного жизненного стиля, и как стратегия в сложившейся демографической ситуации, когда «мужчин на всех не хватает». Традиционное распределение гендерных ролей поддерживается и лукавством официальной риторики, не позволяющей усомниться, что женщина тоже человек, но только в том случае, если она, кроме всего, хорошая хозяйка и мать. Экономическая независимость от мужчины сосуществует с двойной нагрузкой, «стеклянным потолком», проблемностью контрацепции, «репрессивной гинекологией» — тем, с чем могла столкнуться и сталкивалась советская женщина, совсем не уступавшая мужчине в субъектном статусе. Субъектность же ведет к повышению требования к качеству семейной жизни, и косвенным свидетельством ее обретения стало то, что больше половины разводов в СССР происходили по инициативе женщин.

Со всеми оговорками А. Г. Вишневский заключает: «Так или иначе, но частная, семейная жизнь в СССР во многих ее проявлениях была более свободной по сравнению как с жизнедеятельностью в других институтов советского общества, так и с семейной жизнью большинства людей в недалеком прошлом, в условиях довольно жесткой деревенской цензуры, а порой и семейной жизнью граждан многих западных стран... Семья и ее члены, живущие в городских квартирах (все чаще отдельных), в анонимном городском пространстве,

в возрастающей степени чувствовали свою автономность, придавали все большее значение суверенитету семейной жизни, ее приватному характеру, личному и индивидуальному в ней» [4, с. 153—154].

Так, посредством освоения городских практик и новых дисскурсов, расширения сферы приватности и эмансипации сексуальности возникает новое антропологическое качество — человек обретает субъектные характеристики. «Возникает «Я» ... для которого *самоидентичность* является проблемой» [9, с. 167] И это не только следствие усложнения внутреннего мира, но и образовавшегося зазора между внутренним и внешним, неведомого общинному человеку. И если в рамках консьюмеристского западного общества эта проблема была сформулирована Э. Фроммом в альтернативе «быть или иметь», то в позднесоветском она звучала иначе — «быть или казаться». Можно согласиться, что советский способ вхождения в модерн стал возможен только в условиях «догоняющей» модернизации, но является ли наиболее репрезентирующий советскость тип личности «тупиковой ветвью эволюции»? — вопрос остается открытым.

Библиографический список

1. Марголит, Е. Я. Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920—1960-х годов / Е. Я. Марголит. — СПб. : Мастерская «Сеанс», 2012. — 560 с.

2. Круглова, Т. А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма / Т. А. Круглова. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2005. — 384 с.

3. Вайль, П. 60-е Мир советского человека // П. Вайль, А. Генис // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. — Екатеринбург : У-Фактория, 2004. — 960 с.

4. Вишневский, А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. — М. : ОГИ, 1998. — 432 с.

5. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал / К. Кларк : пер. с англ. ; под ред. М. А. Литовской. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 262 с.

6. Гудков, Л. Негативная идентичность : сб. ст. / Л. Гудков. — М. : НЛО ВЦИОМ-А, 2004. — 816 с.

7. Козлова, Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н. Н. Козлова. — М. : ИФАН,1996. — 215 с.

8. Козлова, Н. Н. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического анализа / Н. Н. Козлова, И. И. Сандомирская. — М. : Гнозис, 1996. — 256 с.

9. Козлова, Н. Н. Гендер и вхождение в модерн / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. — 1999. — № 5. — С. 164—174.

ЖУРАВЛЕВА Надежда Ивановна, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры культурологии и дизайна.
Адрес для переписки: nadic1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2015 г.

© Н. И. Журавлева

Книжная полка

ББК 87/П27
Першин, Ю. Ю. Архаическое сознание : сущность и принципы : моногр. / Ю. Ю. Першин. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 255 с. — ISBN 978-5-8149-1916-8.

В монографии делается попытка рассмотреть феномен того, что различные исследователи называют первобытным, примитивным, докритическим мышлением, приписываемым архаическому человеку. В русле исследования автор обращается к истокам сознания человека, его генезису, пытается определить его сущностные черты и принципы функционирования, глубинные механизмы и видение им пространства и времени. Помимо этого в монографии делается попытка взглянуть глазами архаического человека на феномен смерти и эксплицировать проявления архаического сознания и видения мира в экстремальных ситуациях.

Монография предназначена для специалистов в области философии, студентов, аспирантов гуманитарных вузов, а также всех интересующихся проблемами философии.

Дюпре, Бен. Философия / Бен Дюпре ; пер. М. Александрова ; ред. И. Алюков. — М. : Фантом Пресс, 2014. — 208 с. — ISBN 978-5-86471-684-7.

Принято считать, что философия сложна и скучна, а философы — заумные затворники, далекие от реальной жизни. Пора избавиться от заблуждений. Философия столетиями была опаснейшим делом. Декарту, Спинозе, Юму и Руссо грозили отлучением от Церкви, отправляли в изгнание. А самого знаменитого философа в истории, Сократа, власти Афин признали столь пагубно влияющим на общество, что и вовсе казнили. Современных философов не приговаривают к смертной казни, — человечество наконец осознало, что философия — это не только изощренная игра ума, но и практическая наука. Физика, химия, биология, медицина способны на многое, кроме одного — понять суть мироздания. Этим как раз и занимаются философы — они ищут смысл, везде и во всем. Философия — это высшее достижение человеческого разума, и, прочитав эту книгу, обдумав главные 50 идей этой великой науки, вы и сами станете немного мудрецом. Бен Дюпре читал классическую философию в Оксфорде, прежде чем стал писать популярные книги о философии. С 1992 по 2004 год он был ведущим автором в издательстве Оксфордского университета, за его спиной двадцатилетний опыт доступного и комплексного изложения философии для самой широкой аудитории.